

Новое исследование российского «среднего класса»

WWW.RONNET.RU/OGONYOK

ОГОНЁК

24 / 4752 / ИЮНЬ 2002 / ISSN 0131-0097

В НОМЕРЕ

дачник Ю. ЧЕРНИЧЕНКО

баскетболист А. КИРИЛЕНКО

Мария ЙОРДАН

Юлия МЕНЬШОВА

Борис ГОРДОН

Дм. ДИБРОВ

Так говорит Дапкунайте

самый популярный
английский спектакль,
в котором играет
Ингеборга Дапкунайте,
называется

«The Vagina Monologues»





Дельтаплан — одно из самых романтичных приобретений человечества последнего времени. Такое гениальное! Придумал эту «птицу» с жесткими растопыренными крыльями Отто Лилиенталь почти полтора века тому назад. Причем его модель по принципу ничуть не уступала современным. Но то ли он слишком рано изобрел свой удивительный способ добывания адреналина, и люди, как часто случается, были к нему не готовы и, неблагодарные, не приняли всерьез это по-



трясающее изобретение, то ли слишком поздно — человечество немножко повзросло и уже не хотело глупо рисковать своей жизнью, однако факт: дельтаплан, единственный из всех летательных аппаратов, с помощью которого можно испытать это удивительное ощущение естественности полета, был «изобретен вновь» только в наше время. Такой, видно, в наше время случился недостаток подлинных, естественных ощущений, что ради них люди готовы рисковать жизнью.

р е н а т а л и т в и н о в а

ОГОНЕК

ОБЩЕНАЦИОНАЛЬНЫЙ
ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛ

Выходит с 21 декабря 1999 года
№ 24 (4752) июнь 2002

Главное редакторское бюро: КОЗЛОВ, Е. ПЕТРОВ, А.А. СУРКОВ,
А.В. СОФРОНОВ, В.А. КОРОТКИ,
Л.Н. ГИЩИН

Главный редактор: Владимир ЧЕРНОВ
ПРИМАНИТЕЛЬ Главного редактора: 257-3928
Заместитель главного редактора:
Борис МИНАЕВ, Сергей КОСЯКИН
Главный художник: Михаил РЕШЕТЬКО
ОБОЗРЕВАТЕЛИ: Дмитрий МИКОС, Борис ГИЩИН,
Дмитрий МЕЛИХОВ, Дмитрий МИХАИЛОВ,
Евгений ПОЖОВ

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ
Петр ПРИБЫЛОВ
СЕКРЕТАРИАТ (257-31-88):
Людмила ЖУРГУН, Елена ЧЕРКЕСОВА

ОТДЕЛЫ:
СОЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ И РЕДАКЦИЯ
(257-32-87): Александр ПИКОНОВ (редактор
текста), Дмитрий АЛЕКСАНДРОВ, Дмитрий КОСЯКОВ
ОТДЕЛ УПРАВЛЕНИЯ
Людмила ЛУНИНА (редактор)
КУЛЬТУРЫ (251-03-50):
Елена КУЗЬМЕНКО (редактор текста),
Андрей АРХАНГЕЛЬСКИЙ, Ольга ТИХОНОВА,
Майя ЧАЛЫШОВА

НОВОСТИ (251-89-83):
Владимир ЧУМАКОВ (редактор текста),
Кирилл ЖУРНЕВ
ПИСЬМА (257-36-69):
Людмила ЛУНИНА (редактор текста),
Фотокорреспондент (257-32-49):
Наталья ЗАДОРЦЕВА (редактор текста),
ФОТОГРАФЫ: Александр ДЮК,
Юрий ФЕДЯСОВ, Александр ШЕРШЕНЦОВ
ХУДОЖНИКИ: Петр БУДАНОВ, Юрий
Наталья КИЗЛОВА, Татьяна КОСЯКИН
ВЫХОД ПРОЕКТА: Юлия КЛИМОВА
КОРО ПРОВЕРКА: Светлана АКИМОВА

(на фотографиях)
СОБСТВЕННЫЕ КОРРЕСПОНДЕНТЫ:
Корресп. Зина МИЛОВА (1912) 430961
Ярослав, Павел ПИКОНОВ (0852) 256255
Лондон, Светлана ЗИМАНОВА

ОТДЕЛ РЕКЛАМЫ: Контактный телефон: 257-32-40
Наталья ПИКОНОВА (редактор текста)
Адрес: «Огонек», Бумажный проезд, 14,
Москва, А-15, ГСП-4, 127994.
Телефон для справок: (095) 257-39-28.
Телефакс: (095) 943-00-70. Телемат: 112349
«Огонек». Интернет: <http://www.ogonek.ru/ogonek>
E-mail: ogonek@ogonek.ru

Учредитель и издатель журнала
ООО «Издательство «Огонек»
Информационный директор: БАЙКАЗОВ Ю.В.
Журнал зарегистрирован Государственным
кабинетом по печати РФ 10.08.2000
за ПИ № 77-5187.

РАСПРОСТРАНЕНИЕ
ООО «Огонек-пресс»
Информационный директор: МАШИНСКИЙ С.В.
257-37-15 (текст), 257-39-51 (факс)
ПОДПИСКА:
257-39-51 (текст/факс)
Подписный индекс журнала «Огонек» 70663.

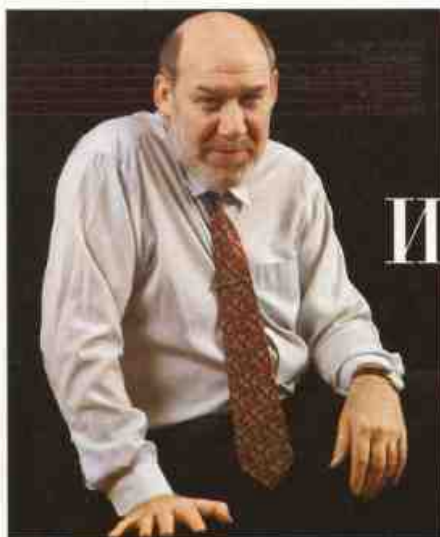
ОТДЕЛ РЕКЛАМЫ:
257-37-77, 250-15-33 Сергей ГЛОД
E-mail: reklam@ogonek.ru

ОТДЕЛ РЕГИОНАЛЬНЫХ
СПЕЦИАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ И РР:
257-37-31, 257-32-98
Александр КАЮТЕНКО
E-mail: adk.ogonek@ogonek.ru

КОММЕРЧЕСКИЕ ПРОЕКТЫ:
Тел./факс: 250-24-21.

Сервисная поддержка и размещение рекламы
журнала в сети Интернет осуществляется
ЗАО «Ринком». <http://www.rincom.ru>
Телефон клиентской службы: 207-75-56.
Бюджетное учреждение при информационном
поддержке политики ИТАР-ТАСС, REUTERS.
Номер подписки в печать: 06.06.02.
Цена подписки: Тираж: 50 000 экз.
Отпечатано в типографии ЗАО «Алмаз-пресс»
Материалы, выходящие из печати, не
пробуксовывают на тротуарах, дорогах.
Многие редакции не обязаны сходить
с местами доставки журналов.
Перепечатка материалов — только с разрешения
редакции.

© «ОГОНЕК» 2002
НА ОБЛОЖКЕ:
ФОТО Руфата ЮНИСОВА
НА 4-й ОБЛОЖКЕ МОДЕЛИ АГЕНТСТВА
POINT Сергей ПЕРЕBOEV и Татьяна
ЯВОРСКАЯ. WWW.POINTMODEL.COM
ФОТО Александра ДЮКА



ИНФЕКЦИЯ

«Если мы сопоставим для целого ряда стран уровень бедности и уровень коррупции, то получится довольно близкая функциональная зависимость: чем выше коррупция, тем выше бедность»

«Огонек» № 23 / июнь 2002

Взятку не дал, взятку не принял...

Мне близки сатаровские размышления о природе коррупции в России. Как аналитик он правильно подходит к проблеме, не примитивизируя ее, а рассматривая системно. Это редкость, потому что по большей части у нас до сих пор считается, что лечить коррупцию нужно сильным ядом — суровыми наказаниями. Хотя давно доказано мировой практикой, что коррупция больше там, где больше зарегулированности. Коррупцию можно если не победить, то снизить до приемлемых пределов с помощью полной прозрачности, гласности и минимизации государственного аппарата. Главное в борьбе со взяточничеством не суровость, а неотвратимость наказания. А если одного взяточника посадили, а девять оставшихся смеются — это не издевательство?

К сожалению, у нас борьба с коррупцией порой принимает прямо противоположные формы — воспроизводится питательная среда для коррупции. Ну вот сейчас предлагается пакет законопроектов, в соответствии с которыми в России, помимо федеральных округов с полномочными представителями президента, появятся еще муниципальные округа. В этих округах будут свои назначаемые чиновники, которые будут контролировать чиновников избираемых... Что это, если не полное уничтожение местного самоуправления, не уничтожение гражданского общества? В этом болоте тут же разведутся тысячи новых мелких и средних взяточников...

Виктор ПОХМЕЛКИН, член Комитета Госдумы по законодательству



Легенды рассыпаются в пух и прах

Искренне восхищен отвагой историка доктора наук М.В. Горелика, беседу с которым вы напечатали. Михаил Викторович, я не преувеличиваю, вы подвергаете себя реальной опасности, посягнув на святые патриоты всех мастей. У меня такого мужества, а главное — уверенности в своей правоте не было. Десять лет жизни я отдал восстановлению храма Св. Александра Невского в Усть-Ижоре, на месте легендарной Невской битвы. За это награжден орденом Сергея Радонежского. Началось с оскорбленного эстетического чувства — развалины на прекрасном берегу Невы, да и наивный патриотизм был мне не чужд. По ходу работы неизбежно узнавал о Невском больше и больше. Легенды рассыпались в пух и прах, стала очевидной политическая подоплека возведения этого князя — при Грозном, при Петре, при Сталине.

Выступил с концепцией: надо разделить Невского — государственного деятеля и Александра Невского — явленного святого. Это позволило по крайней мере противостоять попыткам соорудить памятник полководцу рядом с храмом. Здесь вроде бы выиграл, но проиграл в большем: вот-вот откроют этот памятник в самом Петербурге, в самом начале Старо-Невского проспекта. Поднятый хвост коня направлен прямо на лавру. XXI век начинаем с поддержки вреднейшего мифа. Да и в художественном смысле позор: сооружать такое в городе, где стоит работа Фальконе... Увы, в Питере сегодня нет общественного мнения. Большинство не ведает, что творит, а те, кто ведает, трусливо молчат.

С искренним уважением

Георгий Иванович ТРУБНИКОВ, Санкт-Петербург

взрослый трепет (бывший детский лепет)

Вот уже дюжину лет, с 12 июня 1990 года, когда была принята Декларация о государственном суверенитете, Россия считается независимой страной, в которой живет все больше независимое население.

«От кого или от чего вы зависите сейчас?» —

спросили мы у нескольких официально независимых людей накануне Дня России

Любовь Воротникова, независимый продюсер:

«Вообще мы все зависим от Господа Бога. Что касается моей профессиональной деятельности, то здесь я много от чего завишу. От своей команды. От степени интересности идеи, над которой работаю, от того, насколько грамотно и талантливо я ее разработаю».

Юрий Виноградов,

«Ассоциация независимых юристов»:

«Мы, как и все остальные люди, зависим от стечения обстоятельств. Зависим от клиентов, которые приходят или не приходят. Мы независимые юристы в том плане, что сами по себе, так как не входим ни в какие юридические организации, работая на свой страх и риск, но в соответствии с законом».

Ирина Ясина,

независимый институт «Открытая Россия»:

«Я завишу (и этой зависимости очень рада) только от своих родных: папы, мамы, дочки и собаки».

Игорь Бутман, независимый музыкант:

«От кого завишу? Не знаю. От ситуации в мире, от экономики, от того, как все происходит. Завишу от людей, которые ходят на мои концерты и слушают меня».

Юрий Лобашевский, ректор Независимого института политических технологий:

«Как и всегда, я завишу от моих друзей и от моих учеников. Это для меня самая главная зависимость, все остальные зависимости не актуальны».

Игорь Гаврилов, независимый фотограф:

«Наверное, ни от кого я не завишу. Сам от себя, как всякий нормальный человек. Ну, как сейчас может влиять политическая ситуация? Только если эти дури-большевики опять придут к власти и чего-нибудь учудят. Это долгий разговор. Все зависит от того, как мы можем адаптироваться в какой-либо ситуации, чувствовать себя. В конечном счете все зависит от нас самих. А валишь на кого-то свои беды — это самый простой способ. Лучше все решать самому».

Записала
Светлана
АРТЕМЬЕВА

АЛЕКСАНДР ДЮК

В ПОМЕРЕ

8

ПОЛНЫЙ АНКЛАВ!

**ДОКТОР ЭКОНОМИЧЕСКИХ НАУК
ЭРНЕСТ КОЧЕТОВ
СОВЕТУЕТ ВЫБРОСИТЬ СТАРУЮ
ПОЛИТИЧЕСКУЮ КАРТУ МИРА**

Существуют реальные «страны»,
которые объединяют уже другие пространства —
не поверхность Земли.
Трансграничная, гигантская, глобальная форма страны,
где суверенитет совершенно неуместен.

10

ВЫРОСШИЙ ПОД ЛОПУХОМ

**ЮРИЙ ЧЕРНИЧЕНКО ЛЮБИТ КРЕСТЬЯН,
НО НЕ ЛЮБИТ СЕЛЬСКИЙ ТРУД**

Главным достижением он считает уничтожение
колхозного строя, но выступает против закона,
передающего землю в частные руки.

21

КРОМКА ХАОСА

**ГЕОРГИЙ МАЛИНЕЦКИЙ —
СПЕЦИАЛИСТ ПО УДАЧЕ**

Все мы живем в хаосе, более того, сами его создаем.
Любой наш поступок нарушает стабильность в мире.
Последствия могут самым неожиданным образом
разрушить тщательно спланированную жизнь.

41

КАК РАЗГОВОРИТЬ СОБЕСЕДНИКА

**ПОПУЛЯРНЫЕ ТЕЛЕВЕДУЩИЕ
ДЕЛЯТСЯ СВОИМ ОПЫТОМ**

Александр Гордон, Юлия Меньшова, Дмитрий Дибров...
Каждый из них талантлив по-своему,
и у каждого из них свои секреты и методы,
как построить беседу, сделать диалог интересным.

52

СЫН МАДАМ ТЮССО И ПАПЫ КАРЛО

**ЧЕЛОВЕК,
СКРЫВАЮЩИЙСЯ
ПОД ПСЕВДОНИМОМ ПЖ,**

делает куклы
для самых богатых
частных коллекций



ОГОНЁК
НАСТРОЕНИЕ НЕДЕЛИ



Конкурсы красоты у нас всегда относятся с большим скепсисом. Говорят, что там «мафия и все продажно», что «все манекенщицы — проститутки». Те, кто постарше, даже заявляют, будто конкурсы красоты — очередная экзотика Запада. Много несуразницы говорят.

Так недоверчивый (в хорошем смысле) русский человек возмущается. На глубоком уровне подсознания он негодует, ведь где это видано, чтоб красоту можно было измерять! Ведь давно известно, что каждая девушка — самая красивая!

Главным событием прошлой недели стало не выступление сборной России в Японии (хотя матчи получились интересными), не политическое брожение в Европе, а проведение в Манчестере выставки «ПОДИУМ ЭКСПО». Там выставились победительницы всевозможных российских и иностранных конкурсов «Мисс» за прошедший год.

Лично мне очень понравилось гулять среди красоток. Я увидел девушек с загадочной красотой, увидел девушек с забавной красотой, с красотой домашней и красотой восточной, с красотой дерзкой и красотой смиренной. Там было много девушек — и все красивые. Конкурсы красоты — это не определение самой красивой, а просто наслаждение самой красотой.

Это юлда красота в очередной раз спасает мир.

Роман СЕРГЕЕВ



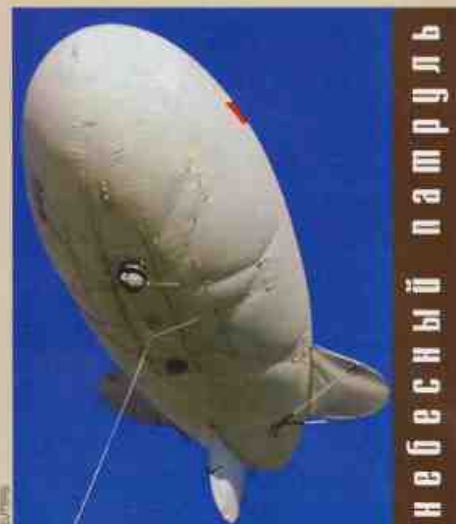
ОГОНЁК ПАНОРАМА

наши достижения



ВКУС К ЖИЗНИ

Современный человек страдает от сенсорной недостаточности. Исследователь Оксфордского университета Чарльз Спенс считает, что к сенсорной депрессии приводит ряд факторов: 90% времени мы проводим внутри помещения, в обществе распространяется негласный запрет на тактильные контакты, мы изо дня в день едим одну и ту же пищу, и так далее. Ученый заявил, что окружающие человека предметы слишком «обтекаемы» и однообразны, отчего у нас притупляются обоняние и восприятие вкуса. По той же причине случаются депрессии. А вылечить эту новую болезнь можно сменой рациона, более разнообразными ароматами, новыми вариациями с фактурой тканей и обоев, а также новым цветом интерьеров.



небесный патруль

КУЛЬТ ЛИЧНОСТИ

Вот что говорит Интернет: если самореклама, то злостная, бесовская, наглая, гнилая, вынужденная, чрезмерная, отвратительная, навязчивая. Ни одного положительного определения.

«Буксир для бездарности», — вот что говорят наши читатели. Немногие из них. Потому что суммарное большинство утверждает обратное. Для них самореклама — адекватный ответ на потребность в общении, в людях, в друзьях. Новый слоган для нового мира: «Мое имя знают стены». И тысячи: «Это Жорик», «Это Вася». Прочь безликое советское прошлое! Без саморекламы никуда...

В О П Р О С Н Е Д Е Л И



ТАКИ ПОБЕДИЛИ. По женевскому счету

На зимней Олимпиаде в Солт-Лейк-Сити больше всех медалей завоевала... Россия! Такой результат дает новый способ подсчета медалей, только-только разработанный швейцарскими учеными-статистиками. По их мнению, общее количество полученных медалей не отражает реальный спортивный рейтинг страны. Справедливее определить рейтинг национального спорта по отношению числа медалей к численности населения, либо — к объему ВВП (что показывало бы, насколько эффективно страны используют свои экономические возможности). Так, если подсчитать медали, завоеванные на «единицу ВВП», то впереди оказывается Россия (за ней — Китай и Хорватия). Правда, по числу медалей «на душу населения» Россия не вошла даже в десятку.

ДИРИЖАБЛИ НА ГРАНИЦЕ

Американцы собираются защитить свои границы с помощью новых охранно-разведывательных систем, основанных на использовании дирижаблей. Эти летательные аппараты займут «нишу» между спутниками-шпионажами и наземными радарными установками. Дело в том, что контроль местности со спутников труден из-за слишком быстрой скорости вращения Земли, а у наземных радаров существуют «мертвые зоны» — они «не видят» аппараты, летящие на небольшой высоте. Будущие управляемые аэростаты, оснащенные поворотными, призваны закрыть эти бреши в охране границ США. «11 сентября показало, что группа людей способна перехитрить страну, обладающую совершенной системой защиты, если будет использовать нетрадиционные методы. Можно вложить сколько угодно средств в разработку СОИ, но крылатая ракета просто проскользнет под ней. Аэростат закроет эту прореху», — заявил Ник Кук, лондонский консультант из военного еженедельника James Defence Weekly. Кстати, воздушные шары будут летать на высоте более 20 километров, где им не страшны ни ураганы, ни авиалайнеры.



ТАКИХ СЛОВ НАМ НЕ НУЖНО

Наконец-то сами американцы поняли, что несколько переборщили с политкорректностью в литературе. Недавно в США разгорелся скандал по поводу сокращенной школьной программы. Джейн Хейфец, мать выпускника средней школы, провела сравнительное исследование общеобразовательных тестов Regents на знание английского языка, рекомендованных властями штата Нью-Йорк для школьников. Оказалось, что во всех экзаменационных билетах цитаты по сравнению с оригиналами бесовестно урезаны. К примеру, в речи Кofi Аннана, генсека ООН, убраны упоминания вина и алкоголя. Вместо фразы: «Хорошие калифорнийские морепродукты и вина» — написано: «Хорошие калифорнийские морепродукты». В школьной версии книги Карол Солин героиня вместо «ушли в бар» говорит просто «ушли». Из книги Айзека Зингера убраны все упоминания иудаизма, очень важные для понимания смысла его творчества. Фраза: «Большинство еврейских женщин» — заменена на «большинство женщин», фраза: «Даже польские школы были закрыты» — изменена на «Даже школы были закрыты». Полностью убрана фраза: «Евреи это евреи, а не евреи это не евреи». На все посыпавшиеся обвинения Розанна ДеФаббио, работник департамента образования, ответила: «Даже самые прекрасные писатели не пишут детскую литературу, подходящую для тестов». Однако департамент образования все-таки принял решение указывать в тестах на то, что некоторые фрагменты текста изменены.



ВСЕ МЫ РОДОМ ИЗ АФРИКИ

Генетики с кафедры эволюционной биологии Тартуского университета проследили распространение древних языков по планете. Изучив распределение особого вида ДНК у разных народов, они составили так называемую филогенетическую карту. На ней было отражено перемещение из Африки в Европу и Азию людей, являющихся родственниками по материнской линии (именно по этой линии передается митохондриальная ДНК). Проанализировав данные с участием лингвистов, ученые выяснили, что движение народа, которое произошло около 10 тысяч лет назад, привело к распространению афро-азиатского языка. От него происходят все современные арабско-берберские языки. Это же исследование подтвердило, что самое большое переселение народов из Африки на другие континенты произошло 50 тысяч лет назад, а значит, Черный континент — колыбель цивилизации.



С ЛЮБИМЫМИ НЕ РАССТАВАЙТЕСЬ

Три четверти британцев, владеющих мобильными телефонами, предпочитают потерять свой бумажник с деньгами, нежели свой телефон. Специальное исследование, проведенное одним из крупнейших операторов сотовой связи компанией WarOnline, свидетельствует, что 72 процента британцев буквально одержимы мобильными телефонами. 86 процентов опрошенных утверждают, что чувствуют панический страх, когда обнаруживают отсутствие своего мобильного. Как заметили специалисты, точно такие же цифры были получены в пятидесятых годах в опросах о привязанности к переносным радиоприемникам, а в начале XX века — о влиянии на размеренную жизнь лондонцев работы почтальонов.

КУРИНЫЕ МОЗГИ

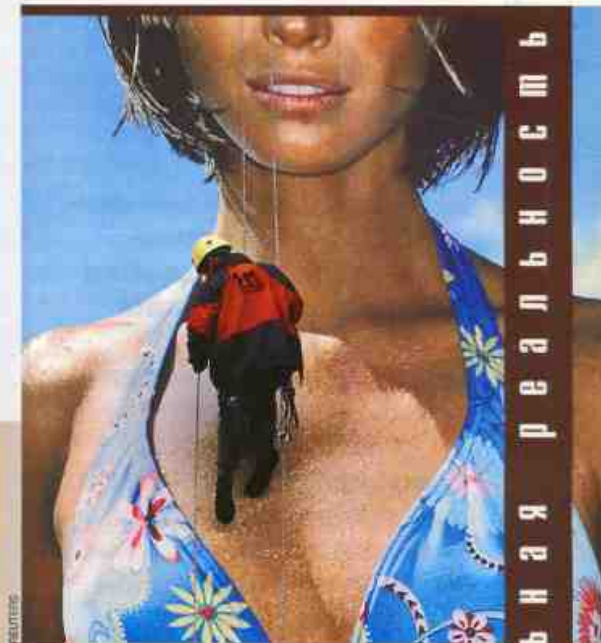
В казино Aztar, что в американском Индианаполисе, новая игра — крестик-нолик. Только играют в нее с курицами. Специально для этого аттракциона были выдрессированы 15 птиц, и обыграть их очень непросто. За победу над курицей предлагается \$5000. Главное условие игры: животное всегда ходит первым, а за ничью посетитель ничего не получает. Правда, во время первой игры две курицы испугались и попытались убежать. Однако руководство заведения обещает, что как только несушки привыкнут к окружающей обстановке, таких инцидентов не будет.



МАНЬЯКИ

СЕКС НА ПЛЯЖЕ

Пляжи в Уэймутском заливе опустели. Отдыхающие боятся даже близко подходить к воде. В акватории появился маньяк, устраивающий сексуальный террор. Уже много раз он пытался изнасиловать беспомощных купальщиц. Несколько туристов, в том числе и мужского пола, были доставлены в местную больницу с многочисленными переломами. Расследование показало, что пресловутым маньяком является дельфин-гомофил. Все попытки выгнать его подальше в море, а также отправить к побережью Франции, откуда, говорят, он приплыл, оказались безуспешными — сексуально озабоченное млекопитающее возвращается обратно.



В ПОСТЕЛИ С КОМПЬЮТЕРОМ

Опрос 1117 женщин, проведенный учеными из Сиднейского университета, показал, что респондентки не видят разницы между виртуальной и реальной изменой. Правда, по их мнению, роман на интернет-стороне не настолько серьезен, как в обычной жизни, но более значителен, чем наблюдение за стриптизершей или просмотр порнографии. С другой стороны, 30 процентов опрошенных сознались в том, что у них были интрижки в интернете.

НА КРЫЛЬЯХ ФОРТУНЫ

Израильские бизнесмены придумали остроумный способ обойти запрет на азартные игры в стране, создав на базе межконтинентальных лайнеров первые в мире летающие казино. Там установят все необходимые атрибуты — рулетки, столы для игры в покер и игровые автоматы. По предварительным прогнозам, столь экзотические казино будут пользоваться большим спросом, ведь до сих пор израильтянам-любителям азартных игр приходилось посещать соответствующие заведения на палестинских территориях, в Турции или выезжать на специальных игровых кораблях в Красное море.



Полный анкет

Дмитрий АКСЕНОВ

Затеяв на «Калининградской волне» разговор о судьбах анклавов во всем мире, я понял, что без осознания тех общих трансформаций, которые происходят с современным государством, частной проблемы Калининграда не решить...



Старую политическую карту мира, которая, быть может, еще висит у вас на стенке, уже можно выбросить. Она устарела и не имеет никакого смысла. Реальные контуры государств сегодня проходят совсем по другим границам. США давно вылезли за пределы своего Североамериканского континента, а Россия в скором времени может «урезаться» до Урала... Не надо меня бить, это не я придумал, а профессор Всероссийского НИИ внешнеэкономических связей Минэкономики доктор экономических наук Эрнест КОЧЕТОВ.

— Эрнест Георгиевич, анклавный Калининград — это уникальное политическое образование?

— Все вопросы об анклавах и эксклавах — это вопросы прошлого. Они больше важны для историков, чем для тех, кто живет сейчас и будет жить дальше. После Первой мировой войны была проблема Данцига-Гданьска — немецкого города на польской территории. Мировое сообщество долго решало эту проблему, это было настоящей занозой в Европе. В конце концов полки собрались с духом — и немецкий Данциг стал польским Гданьском.

И сейчас в мире, кроме Калининграда, есть много подобных «клякс», оторванных от территории основного государства. Есть анклав Кабинда, принадлежащий Анголе. Есть «вкрапленные» в чужие территории Свазиленд, Лесото. Сейчас мы имеем дело с другим удивительным феноменом, само государство проходит определенную эволюцию. Мы теперь получили совершенно новые типы государств и новые типы анклавов.

Первая, классическая, форма государства — когда оно стремится обнять свой суверенитет по определенным меткам — границам. Как кот, который ходит в лесу и метки оставляет на деревьях. И время от времени обходит и проверяет. Он объявил суверенитет, пометил его. И он воинственно его защищает. Остальные, соседские, «коты» живут с таким же менталитетом, поэтому сохраняется равновесие.

Хороший пример — страны СНГ, которые сейчас разошлись, каждый отметил свою территорию и ее защищает. Они нанимают историков, археологов, доказывают свое существование на этой земле «от Адама», копать стали, нашли наконец-то стрелы, говорят: это наши исторические места, здесь издревле жили казахи, уйгуры... Таким образом выстраиваются государства классической формы, так называемые национальные страны. Именно они разделились по политическим границам, выдумали политическую карту мира и ее раскрасили. А для пущей надежности избрали общий орган, назвали его «Организацией Объединенных Наций». И ООН уже начала долдонить и декламировать: «Границы непреложны». Но в определенный момент эта система незаметно для многих рухнула. Рухнула, хотя многие патриоты до сих пор пребывают в идеях, что существует некая «святая» «суверенная» территория.

Политическая карта жизненного пространства была разыграна в Европе в середине прошлого XX века.

— Хорошая карта. На ней все просто нарисовано и понятно раскрашено.

— Да. Но с некоторых пор мир перестал быть простым. И классическая форма начинает не то что вырождаться, она стала уходить в «ретро». Становится воспоминанием. Границы стали становиться все более условными, прозрачными. Стали размываться. Экономикой. Миграцией. Культурными связями. Информационными сетями... Начали зарождаться наднациональные ареалы. И особенно ярко это видно в экономике. Экономика потянула за собой перетряску СУЩЕСТВУЮЩИХ границ. Сохраняя для истории и старых патриотов прежние разметки, экономика определила новые, «пульсирующие» границы. Эта транснационализация — в середине прошлого века родила новые конфигурации стран, разделив их уже не по политическим, а по экономическим границам на так называемые интернационализированные производственные системы. Сейчас уже невозможно выстроить какую-либо эффективную систему в рамках только политических границ. Экономика не может это поддерживать.

Так появились государства второго типа — государства в геоэкономических границах. Эти границы «живые», стык идет уже между одним производственным анклавом, где экономически участвуют, допустим, Япония, Китай, Индонезия, с другим производственным анклавом, где участвуют те же Япония, Индонезия... но представляют уже иные структуры. Понимаете? И каждая страна как бы разорвана, то есть над политической картой мира нависают совершенно другая сетка границ, другие структуры. Они наднациональны, и по ним мир разграничен совершенно по-иному!

Плав



ИСКУССТВО ВОЗМОЖНОГО

стаивать свои пяди земли, но при этом обрушить свою финансовую систему. Мы живем, даже не зная, что существуют «страны», которые объединяют уже совершенно другие пространства — не поверхность Земли.

— Какие еще бывают новые формы государств?

— Еще можно выделить диффузионные «государства» — диаспоры. Вот Алиев очень мудро собрал всю мировую азербайджанскую диаспору на съезд. И поставил задачи — помочь стране. Человек, вышедший из азербайджанского сакрального государства, всегда откликнется на подобный призыв. Этнонациональные корни и стремления живут в человеке и могут принимать поистине глобальные формы! Диаспора — это фактически плод диффузии двух государств между собой — исторической родины и новой родины.

Поэтому та страна, которая умеет и понимает роль диаспор, добьется многого. Ведь диаспора может быть огромным вспомогательным источником развития «прародины» — через финансы, через развитие связей с тем государством, где находится ее выходцы.

— Получается, что сейчас каждая страна уже срослась со всеми остальными через людей, через взаимопроникновение культур?

— Безусловно. Этнонациональная жизнь прекращается, культуры перемешиваются, цивилизационно-культурологические границы сейчас очень сложно выявить и провести. Сейчас почти нигде нет того компактного проживания, к которому мы привыкли раньше. Человек свободен.

...И, наконец, четвертый тип государства — это государство в государстве. Когда страны начинают делиться изнутри. Возьмите наши округа. В определенный исторический момент, в условиях переходного периода, вертикаль власти была нужна. Но в длительной перспективе здесь может возникнуть очень серьезная проблема. В принципе возможна такая ситуация, когда территориальные интеграционные группировки начнут самоопределяться. Тем более что они совпадают с военными округами, т.е. военная компонента там уже есть. Почти везде стараются делать свой замкнутый воспроизводственный цикл, «на всякий случай». У них есть свой бюджет, своя налогооблагаемая база. И когда это развитие заходит очень далеко, формируются все компоненты, чтобы однажды вырваться из-под юрисдикции центра. Ведь почти везде идет копирование большого центра и насаждение всех властных атрибутов государства. Именно в таких случаях возникает четвертый тип государства. Зреют, зреют, потом один геополитический всплеск — и все. «Старое» государство себя проморгалло. И развалилось.

Отчасти про это говорил величайший аналитик XX века Збигнев Бжезинский. Именно он высказал в свое время идею «геополитического плюрализма», когда каждый субъект волен отстаивать свой суверенитет. Когда государства формируются в государстве, когда формируются полностью созревшие структуры, возникает невроз суверенизации. И Бжезинский отметил, что Россия «созрела» для трех стывков — Дальневосточная республика, Средняя республика, Европейская. Не то чтобы это было правдой, но налицо очень опасная тенденция, при которой границы страны могут «опрокинуться» — с внешних государственных на внутренние административные.

Между прочим, наша страна только сейчас начинает понимать, что оставаться в том суверенитете, который мы сейчас обнимаем, — глупо. Ведь мы его только символически обнимаем, свой «суверенитет». Мы заглатываем зонды транснациональных корпораций, мы сужаем хозяйственную зону, она становится меньше, чем наши суверенные границы. Вот в чем проблема!

— Не понял, поясните?

— Транснациональные корпорации через инвестирование, производственные связи проникают к нам. Фактически это чужое государство закидывает в соседней свои ТНК-крючки. Получается, что оно (чужое) расширяет свои экономические границы. В нас. Так делает Америка. Но возникновению экономического анклава Штатов мы воспрепятствовать не можем. В итоге хозяйственная и налогооблагаемая территория нашего экономического государства катастрофически сужается. Вот она, наша огромная суверенная супердержава, а вот ее скромные реальные хозяйственные контуры. Вот наш бюджет в 20 млрд. долларов и вот американский в 400 млрд.

— То есть может получиться так: страна осталась, а экономику всю «съели». Победили без объявления военных действий...

— Увы. Но мы можем «съесть» мир и сами. Это оружие обоюдоострое. Сейчас в нашей стране появляется понимание, что необходимо вести игру так, как ведут ее остальные игроки мирового уровня. Надо иметь ударные стратегические финансово-промышленные группы, которым государство делегирует реализацию своих геэкономических интересов. У нас пока что только «Газпром» в Германию щупальца запустил. А нам нужно попасть и во Францию, и в Англию, и в США...

Мы можем превратить Россию в страну-систему с такими геэкономическими границами, которые многократно превышают размеры бывшего Советского Союза. Есть такая возможность. Мир надо завоевывать в экономических границах, а не политических. Идти «на вы» не с ядерной кнопкой, а с финансовой.

Но для того чтобы перейти на эту позицию, необходимо принять геэкономическую доктрину. А у нас сейчас только торговая. Есть у тебя в руках товар — иди, беги, побыстрее его продай. А нужно не внедрять свои товары на чужие рынки, а внедрять свои производства. Надо именно внедриться, иметь везде свои представительства, активно использовать местную рабочую силу. Выходить на чужие рынки с организационными проектами, а не с готовым товаром. Это наша сверхзадача. И, кстати, она поставлена президентом в его Послании Федеральному собранию. Он там прямо говорит, что хватит жить на торговой доктрине. Что надо разработать и принять новую национальную внешнеэкономическую доктрину и переход на геэкономическую модель.

— А давайте через эту призму посмотрим на Калининград. Что нам там надо делать?

— Прежде всего надо действовать бережно и осторожно. Отсесть все геополитические спекуляции. Близко не подпускать к этой теме псевдопатриотов. Они легко найдут повод, чтобы взорвать Европу. И нас вместе с ней. Я понимаю их нежные чувства к территории, у меня самого под Кенигсбергом отец ранен был. Ну и что? Теперь я должен плакать, что от нас эту территорию отсекли и не ровен час совсем «отрубить»? С такими настроениями очень легко можно найти только приключения на свою голову. Ничего больше.

Раньше у нас на Калининград всегда не было денег, руки не доходили. Сейчас нужны серьезные проекты международного класса, которые были бы выгодны нам и всем сопредельным государствам. И Польше, и Литве, и Белоруссии, и России. Может быть, энергетические. Обязательно транспортные. Ведь это колоссальнейшая транспортная развязка! Здесь потрясающие геэкономические условия. По сути, геэкономический плацдарм.

Разумеется, главная такая страна-система — США. Посмотрите, Штаты в простоте своей даже не догадываются держать всю свою армию, как мы и нам подобные, по классической системе — на границе. США свою армию выстраивают по совершенно другим конфигурациям! Где американские базы? Далеко за пределами их административных границ — армия нужна, чтобы следить за экономическими интересами, а не целостностью территории.

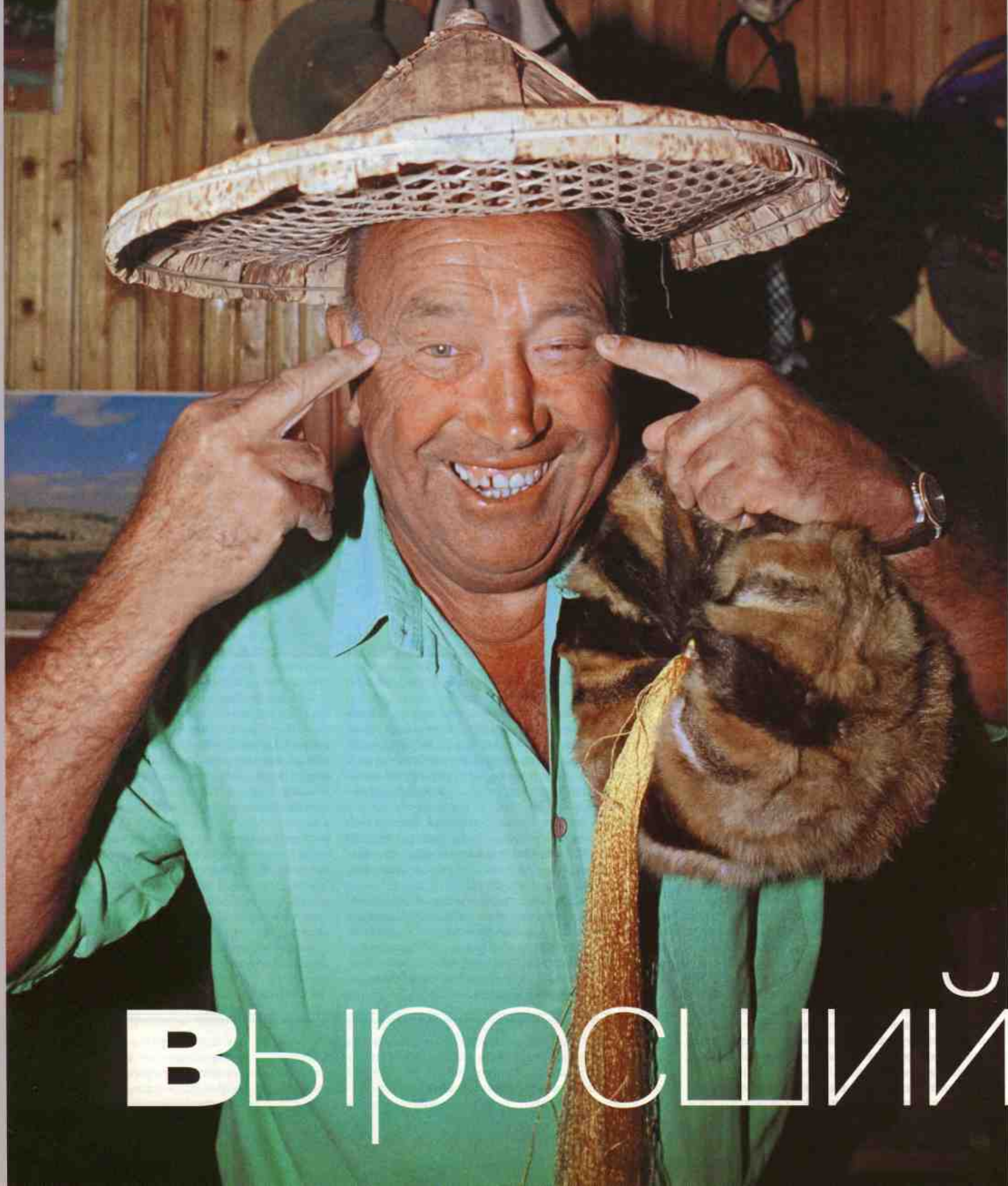
Второй тип государства объединяет ближайших по конфигурации сопредельных поставщиков. Называется это «воспроизводственный анклав-ядро» — новый тип государства. Возьмите, к примеру, концерны «Даймлер» и «Крайслер». Штаб-квартира у них в Штутгарте. Субпоставщиками у них являются концерны Швейцарии, Австрии, Дании, Швеции... И эти концерны своим ареалом обитания могут считать всю эту гигантскую территорию. В сумме пять-шесть таких гигантских транснациональных потоков образуют великую державу, которая в экономическом плане сравнима с любой страной.

Наконец, существует третий тип государства. Пример — трансграничные финансовые потоки. И величайшая держава мира здесь — Швейцария. По территории это крохотная, мизерная страна, но в «горнем» мире — гигант. Гигант по конфигурации геофинансовых трансграничных потоков. Она контролирует через высокие геофинансовые технологии огромные ареалы!

Мир живет уже другими законами. И угрозы и вызовы сейчас идут совершенно с других сторон. Можно гордо от-

Большую пользу могли бы принести для Калининграда финансово-промышленные группы. Задействовать пять-шесть на регион. А одной просто дать «специализацию» на этот анклав. Помочь юридически, административно, дать льготные условия, доступ к ресурсам, для того чтобы она взяла на плечи организацию геэкономического решения этого вопроса на интернациональной основе. Но это в ближайшем будущем. А сейчас — взять тайм-аут, выдержать стратегическую паузу. Чтобы в спокойном размышлении выстроить геэкономическую модель развития этого ареала.

З Е М Л Я И Л Ю Д И



ВЫРОСШИЙ

Александр НИКОНОВ
Лев ШЕРСТЕННИКОВ (фото)

Главное политическое событие в России сейчас — начало дачного сезона. На это время стихают политические бури и даже думские коммунисты перестают драть горло против принятого недавно закона, передающего землю в частные руки, и разъезжаются на свои частные усадьбы возделывать Россию в прямом смысле этого слова. Поэтому вопроса о том, кто может прокомментировать главное событие страны, у меня не было...

Юрий Черниченко очень любит крестьян. Всю жизнь он нянькается с ними, изучает при помощи лупы, и нет теперь в стране большего специалиста по крестьянам, нежели неутомимый летописец сельского труда Черниченко.

Но Юрий Черниченко очень не любит сельский труд. Имея на даче законные шесть соток земли, он по большей части привел землю в запустение, а по меньшей — выращивает цветы (тюльпаны, голландские розы и пионы). Картошку же дачник Черниченко предпочитает покупать. Есть, правда, в хозяйстве Юрия Дмитриевича две самые настоящие козы — белая и черная. Они всегда находятся в баньке, где пребывают в мире и покое, — в виде шкур на скамьях.

Впрочем, так же, как военачальнику самому не обязательно уметь накручивать портянки, так и предводитель вольного крестьянства Юрий Черниченко вовсе не обязан лично копать в навозе. Он и так сто раз видел, как это делается. В конце концов практиков навозного дела у нас много, а вот в теоретиках не достача. Поэтому, если вы хотите что-то узнать о земельном вопросе, приезжайте к Черниченко на дачу и смело спрашивайте, перекикивая взлетающие из Шереметьева самолеты. Потому что Черниченко — глава крестьянской партии интеллигенции.

У-ДАЧНЫЙ ВОПРОС

— Юрий Дмитриевич, вас называют «асфальтовым фермером». Не обидно?

— Цивилизованный человек, как и цивилизованный фермер, начинается с асфальта! Это только питекантропы и коммуяки думали, что без дорог можно. Асфальт — это цивилизация, это комфорт, это сообщение людей. Фермера без асфальта не бывает. Бывают пещерные жители, колхозники.

— У нас пол-России — пещерные жители, получается... Вас не пугает, что народ наш наполовину живет натуральным хозяйством?

— Исторически так сложилось, что Россия кормится с огорода. Я сам вырос под лопухом, с пяти лет поливал рассаду капустную. Личное приусадебное хозяйство производит сейчас практически всю картошку, которую ест Россия, 52 — 57% молока и мяса... Ну, конечно, с опорой на колхозное хозяйство, потому что колхозная территория — это общественная земля для реализации ее даров в личном дворе.

— А не идет ли своим огородным существованием Россия поперек хода истории? Европа семимильными шагами движется в постиндустриальное общество. Мы стремимся в Европу. А у нас все население живет натуральным хозяйством! А ведь подобный стиль жизни — это прежде всего перекопы в рабочее время: вся страна ипачит фактически на двух работах, люди не отдыхают, вместо того чтобы ехать на уикенд в аквапарк или на берег речки жарить барбекю, они тюкают на своих заплатках мотыгами, словно корейцы. Что с этим делать?

— В Соединенных Штатах есть 30 тысяч мини-ферм. Профессор Бостонского университета покупает сто акров земли, строит ранчо и имеет «огородик» такого же свойства, как у меня, только побольше. Это так называемая спальная ферма в 50 — 60 км от места работы. У нас, правда, не 30 тысяч, а 40 миллионов семей имеют свою «фазенду».

— Потому что у нас дача не имеет отношения к развлечению в отличие от Америки, а имеет отношение к прокормлению.

— Да, у нас люди действительно имеют определенный натуральный доход с дачи. А для 12 миллионов колхозников этот доход вообще основной — они получают 60 — 70% доходов с личного приусадебного хозяйства.

— А что было бы с экономикой нашего сельского хозяйства, если бы горожане освободили себя от добывания пищи и взвалили эту обязанность на тех, кто должен заниматься производством пищи профессионально, — крестьян? Разом образовался бы

огромный дополнительный спрос на прорыв сельскохозяйственной продукции! Помог бы этот дополнительный спрос предложению? Облегчилось бы состояние нашего много-страдального сельского хозяйства?

— Дача производит белую черешню, черную смородину, лук семейный, мои пионы... то есть то, что колхозная наша система никогда производить не могла. Они не конкуренты.

— Да ладно! Вместо варенья из черной смородины спокойно люди покупали бы в магазине джем черносмородиновый. А вместо лесных грибов — тепличные шампиньоны. А та же картошка, о которой вы упоминали!

— В советские годы на 2% земель, отведенных под личные огороды, СССР производил 60% картофеля. А теперь так называемые сельхозпредприятия и вовсе не выдерживают конкуренции, и вся поедаемая россиянами картошка либо дачно-огородная, либо заграничная — белорусская или польская.

Кстати, мало кто знает, что наша российская огородная картошка — опровержение всей биологии. 60 — 70 лет картошка у нас сеется по картошке! В то время как по науке больше пяти лет одну культуру нельзя сеять на одном месте. Требуется плодосмена. Иначе — истощение почв, накопление вредителей, неурожай.

В Иллинойском университете мне с гордостью показывали рекордное поле: 77 лет кукуруза по кукурузе растет, вот диво-то! А я им говорю: «Удивляться нечему — у нас 20 миллионов участков земли с 1929 года производят картошку по картошке. И растет!»

— «Очень кушать хочется».

— Просто, когда земля в личном пользовании, сразу происходят чудеса.

КОГДА Я ИТОЖУ ТО, ЧТО ПРОЖИЛ

— Хорошо, что вы заговорили про личную заинтересованность. Вы же певец фермерского хозяйства. Я помню ваши громкие полотно в «Литературке» и прочих перестроенных газетах и журналах о возрождении нашего сельского хозяйства. Прошло пятнадцать лет с начала вашей борьбы. Три пятилетки. Что в итоге? Чем вы довольны, чем не довольны?

— Разрушен колхозный строй. Это великая победа крестьянства. Побег из сталинского АгроУЛАГа. Напомню: сталинский строй принудительного земледелия нуждался в трех вещах, которых теперь нет: КГБ для репрессий; райком для внедрения на село уполномоченного от партии, который отвечает за все партийным билетом, то есть своей судьбой; Госплан, кото-

ПОД ЛОПОПУХОМ

рый сначала все отберет, а потом сколько захочет кому надо возвратит.

Надо отметить один важный момент в истории уничтожения крестьянства: видимо, понимая негуманность принудительного труда, Брежнев ввел гарантированную оплату, превратив колхозников во временщиков, зарплата которых не зависела от результата труда. И тем самым окончательно лишил Россию крестьян. Психологически крестьянин — человек риска, зависящий от Бога и собственного чутья. А при временной оплате изменилась психология и вместо крестьянина появился сельский рабочий.

Мы до сих пор расхлебываем ту гарантированную оплату. Село было превращено в такую мертвую структуру, которой уже ничто не помогало — любые инвестиции проваливались, как в черную дыру. 600 миллиардов советских еще рублей бесследно канули там в последние перестроечные годы. Не дав ничего! Ничего не смог сделать Горбачев с селом... Я вот который раз пытаюсь к нему прийти, договариваюсь о встрече — не получается.

— Пристыдить хотите?

— Ну да. Таким вот запоздалым образом. В пустой след... Он же понимал, что «из этого строя не выходит... ничего». И все-таки стоял за колхозный строй. А ведь был умный. Гениальный даже для той степной элементарности, для своего хуторского развития. Очень ловкий парень. Но задержал Россию на годы.

...Что еще у меня в активе? Не знаю, хорошо об этом говорить или нет, но я автор статьи 36 в Конституции Российской Федерации, которая говорит: «Граждане вправе иметь в частной собственности землю». Девять лет эта статья была арестована, и только теперь мы подходим к тому, что земля может продаваться и покупаться ЛЕГАЛЬНО. Потому что до этого бушевал только черный, преступный, насквозь коррумпированный рынок земли, существование которого, кстати, до сих пор поддерживают коммунисты. Вот тут у нас, за озером, недавно был пойман ФСБ глава сельской администрации Василий Иванович Вороновский — человек, когда-то близкий к Святославу Федорову. Он пытался за 50 000 долларов продать участок земли, а его сняли на скрытую камеру. Сюжет об этом был по телевизору.

Я Вороновского этого знаю как облупленного. И не только я, вся округа знает, что он распродал все приречные участки, там теперь дворцы возвышаются, только диву даешься выдумке архитекторов... Все Подмосковье давно распродано такими вороновскими — вся окрестная благодать вместе с соловьями, щуками, кукушками... Вороновский просто не сориентировался во времени, решил: да давайте, хлопцы, уж доторгуем, раз начали!.. Не вышло.

— Но ближе Подмосковье — это все-таки не земли для ведения сельского хозяйства, согласитесь. Это место для загородных домов обеспеченных граждан. А у нас разговор о земле для пахоты.

— Первые русские латифундисты уже обзавались, не дожидаясь законов о земле. Причем они размахом покрупнее царских фаворитов будут. Старые помещики были людьми скромного достатка. Самый высший род — род Юсуповых. Он имел 22 дворца, был близок к царю, его воспевал Пушкин... Так вот, весь род

Юсуповых обладал 250 тысячами десятин — за 600 лет скопили. А наш Федор Иванович Ключа — шестидесятилетний землевладелец на Белгородчине — уже сейчас владеет 250 колхозами. И он хочет к концу года иметь миллион гектаров. По его мысли, вся Россия должна принадлежать 10 — 15 таким крупным агрохолдингам, как у него.

— А как ему удалось столько земли приобрести?

КАСТРИРОВАННЫЕ МИЧУРИНЦЫ

— Каждому бывшему колхознику когда-то была выдана желтая бумага о праве собственности на землю. Человек десять лет продержал ее где-то в божнице или в буфете, а потом пришел Федор Ключа и сказал: «Я тебе буду давать шесть центнеров отходов в год, а ты эту бумагу на меня перепиши». У Ключи 350 тысяч гектаров земли.

— Масштабный дядька. А что плохого в его предприимчивости? Сами же сказали — новый хозяин появился. Он по крайней мере знает, что с этой землей делать, раз покупает.

— Я тоже знаю, что моя страна с 1905 года методически жжет помещичьи хозяйства. Любое наличие барина и батрака всегда взрывоопасно, грозит социальным взрывом. Батрак в России никогда производительным человеком не был. И не может им быть — потому что это же все не его! Человек, не имеющий средств производства и не распоряжающийся урожаем, равнодушен к результату. «Раб нерадив. Не принудь господин повелением строгим к делу его, за работу он сам не возьмется охотой. Тягостный рабства удел избрав человека, лучшую доблесть в нем половину Зевес истребляет», — Гомер. Раб нерадив! И тот же колхозный раб оказывается блестящим мичуринцем, как только приходит на свой собственный огород. У него картошка законы биологии опровергает.

— Закономерный вопрос: зачем же тогда крестьянин продал свою землю всяким ключам за мешок с отрубями, если он такой официальный мичуринец?

— А это кастрированный человек, зомбированный. Это ж колхозник! Он без начальства ничего не понимает. Селекция при советской власти была такая, что все мало-мальски сообразительные люди удрали из деревни как черт от лапана. Остались одни обсевки, люмпен-пролетариат...

— Других крестьян у меня для вас нет. Потому и нужен Ключа Федор, чтоб заставить этих алкоголиков работать.

— Труд из-под палки неэффективен, как сказал вам Гомер. Вот смотрите: сейчас практически все бывшие колхозы (они теперь называются АО, ЗАО) — банкроты. Если бы им не списывали долги, как при советской власти, у нас на несколько десятков тысяч этих «колхозов» стало бы меньше. Но их не банкротят. Значит, только дурак в такой ситуации будет возвращать долги банкам. А вот фермеры кредиты возвращают. Но фермеров у нас всего четверть миллиона.

— У нас четверть миллиона фермеров? О-о-о! А я думаю, человек двадцать.

— Но это липовые цифры, конечно. Вот в Мытищах числятся сотни фермерских хозяйств. А на самом деле действующих фермеров всего 15. В Сергиево-Посадском и

Пушкинском районах числятся до 300 человек в каждом. А практически живут примерно 20. На оба района.

— И поможет ли новый закон о земле, который не так давно Дума обсуждала?

ЗАКОН — ТАЙГА

— Закон, конечно, шаг вперед. Это признание того, что землю можно продавать и покупать. Но он мне все равно не нравится. Потому что приводит к огосударствлению рынка земли. Начальству отдано «право первой ночи». Если владелец продает землю, преимущественное право на ее покупку имеет государство, то есть начальство — губернатор или глава районной власти. Государство — это ведь кликуха местной бюрократии. Тот же Вороновский. Он представляет государство на месте.

— Почему же тогда думские коммунисты и аграрии так протестуют против этого закона, если вам, демократу, он не нравится?

— Харитонов, между прочим, сам крупный помещичек. Он не очень далекий, не очень развитый человек. Ему бы радоваться новому закону. Да старые стереотипы не дают. Этот закон обеспечивает харитоновым крепкое положение в латифундистской структуре.

...Вы спрашивали об итогах последних пятнадцати лет. И я сказал, что мы убили колхозный строй. Это плюс. А минус в том, что мы не создали двухмиллионного слоя фермеров. А ведь другого пути все равно нет. В России около 30 миллионов гектаров земли не пашется, зарастает лесом и бурьяном, какого я в жизни не видал.

— Есть предложение — китайцев запустить.

ПУТКА

— Это не шуточное дело. Мы за Уралом держим всего 30 миллионов человек. А земли там немерено. Весь XX век мы не можем освоить эти территории. Пустырь! Летишь когда из Пекина или Токио в Москву, пять часов мчишься над необработанными землями. Мы как собака на сене — ожидаем только, когда длинной оглоблей по хребтине дадут. Так что не острите над этим.

— А я не шучу. Если мы сами не можем что-то использовать, нужно отдать тем, кто может. В чем проблема? В жадности? Не самая лучшая черта.

— Китайцы и так уже... По 30 тысяч человек приезжают к нам под Хабаровск, и начальство заключает с китайцами контракты на возделывание земель! Они живут в бараках на полдоллара в день, только работают, работают...

— Вам жалко бедных китайцев?

— Мне жалко Хабаровца, который прошел тот путь и моей стране добавил этой земли. С которой мы ничего не можем сделать.

— Ну почему не можем? Китайцев же наняли... Я вообще не понимаю, почему вы, да и многие другие, так резко настроены против освоения Сибири китайцами? Земля же должна работать. Вот и пусть работает для людей! Или китайцы не люди, по-вашему? Вам разве не все равно, какого цвета кожа у человека, который землю пашет? Или вы расист?

— Я не расист, но... Мне стыдно это говорить, но... как-никак это своя земля! Мне жалко, да. Жа-а-алко.

Вот мой знакомый фермер Володя. Трудолюбивый, головастый человек. Кормит весь райцентр твоего своим фирменным, замечательным. Производит 30 тонн молока в год. Работают только он сам да его Надежда

Васильевна. Помогает им сынок шестнадцатилетний, который, правда, норовит слинять в город. Причем за Надеждой Васильевной числится только личное подсобное хозяйство. А Володя по бумагам гол как сокол. Он ничего в документах не показывает, налогов не платит

ТРИУМФ В ВТО

— Значит, латифундисты прибирают землю-кормилицу к рукам. А что по этому поводу думает правительство?

— Сельский министр Гордеев говорит: «Крупным хозяйством только и можно выйти из нужды. Мелким хозяйством из нужды не выйдешь».

Что это такое вообще — крупное хозяйство? Сто гектар — крупное? А пятьдесят? Величина хозяйства мерится отдачей от гектара земли, прибылью на рубль вложений, урожайностью на единицу затраченного времени. И

поэтому пятигектарный фермер Голландии крупнее по этим цифрам, чем российский зерносовхоз-гигант, где 40 000 гектаров земли.

— А вы учитываете разницу климатических условий в Голландии и России?

— Да. Учитываю. В Голландии не было земли и плодородной почвы. Ее приходилось отвозить у моря. А у нас на Кубани и в Центральном Черноземье — эталонные почвы. С одной стороны — дамбы, откачка соленой воды, постоянная борьба. С другой — метровый слой чернозема, доставшийся даром.

— Как полагаете, после вступления России в ВТО наше сельское хозяйство умрет или выдержит?

— В Голландии один гектар посевов обходится в 20 000 условных единиц. У нас — в 4 000. Но мы собираем 18 — 22 центнера, а они — 80. И качество у их зерна выше. С другой стороны, у нас крестьянин живет на доллар в день. Даже мексиканцы-нелегалы в Америке зарабатывают за 10 часов работы в поле «на салате» по 80 долларов в день. Нищета крестьянина — это наш резерв. ■



Классическ

upper
middle

middle-
middle

low
middle

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ
СПОР
О «СРЕДНЕМ
КЛАССЕ» —
ЭТО СПОР О ТОМ,
КАК ЖИВЕТ
НАШЕ
ОБЩЕСТВО.
НЕТУ ЕГО —
ЗНАЧИТ,
В НИЩЕЙ
СТРАНЕ ВСЕ
НИЩИЕ.
ЕСТЬ — О, НЕ ЗРЯ
СТРАДАЛИ

Анастасия НАРЫШКИНА
(«Время новостей»)

Он ведет страну к спокойствию и процветанию. Такому же, как на Западе, где критериям «среднего класса» (образование, имущество, доходы, профессиональный статус) отвечают 80% населения. Вот и у нас несколько лет назад хватились — срочно нужен «средний класс». С тех пор его ищут пожарные, ищет милиция... Каждый, надо сказать, ищет что-то свое. Готовя эту публикацию, автор пересмотрел множество материалов и чуть не свихнулся: разброс взглядов такой же, как если бы Галилей спорил с Птолемеем об астрономии — от «она круглая и вертится» до «она плоская и стоит на трех китах». В России дискуссия сводится к следующему: можем ли мы назвать такую-то группу «средним классом» в западном смысле слова. Ясно, что не можем, но все-таки назовем.

Начать с того, что само определение звучит довольно странно. Все мы учились в школе, и отдельные товарищи до сих пор помнят, что «основной признак различия между классами — их место в общественном производстве, а, следовательно, их отношение к средствам производства» (В.И. Ленин). А тут в одну кучу мешают таксиста, хозяина булочной, рекламного менеджера, вузовского преподавателя, парикмахера, тренера по шейпингу, музыковеда, заводчика ротвейлеров и прочее, и прочее. Что у них общего? Ничего. Какое у них отношение к средствам производства? Да самое разное. Класс ли это в том значении этого слова, в котором я проходила его по политэкономии? Нет. Зачем же их выделяют в общую группу? Ну просто потому, что

ий случай

надо же как-то назвать людей, у которых есть немного денег, голова на плечах и кое-что в этой голове, позволяющее успешно продавать свою рабочую силу. Откуда взялось само понятие? Очень просто: калька с английского, middle class. Там у них тоже не все так просто: есть low middle, middle-middle и up middle (доходы первых могут быть раз в десять меньше, чем доходы последних).

Но разговоры про «средний класс» не пустые, а очень даже полезные. Это удобное понятие, которое замечательно встает в любую политическую формулу. Можно написать, что при советской власти «среднего класса» было процентов тридцать, что реформы привели к обнищанию и теперь он вымер, как... как класс. И что нужны пособия, льготы и прочие неотложные меры. А еще можно написать, что день ото дня растет и крепнет наш «средний класс», за что надо сказать большое спасибо реформаторам вообще и гражданину такому-то в частности. А все почему? Да четких определений никто не дает. Например, одна уважаемая научная организация относит к «среднему классу» граждан, имеющих душевой доход от 300 до 1000 долларов в месяц. Согласитесь, что 300 и 1000 — это очень большая разница. Но самая восхитительная формула следующая: «средний класс» — это люди, которые способны действовать в новых экономических условиях. Но это совсем уже лирика.

К этому несуществующему классу граждане относят себя охотно и с удовольствием. Даже те, о которых исследователи с сожалением говорят, что если когда-то их действительно можно было числить «средними», то теперь они, извините, маргиналы. В сознании граждан существуют две шкалы, и каждый меряет по своей. У кого есть деньги — по шкале дохода, у кого нет — по социальной и образовательной. Обнищавшие, не сумевшие приспособиться интеллигенты говорят, что они «средний класс», потому что они читают книжки, знают, кто такой Шнитке и живут воспоминаниями о своей прежней роли. Я, например, не могу с ними спорить. Мне кажется, они тоже правы.

В общем, «средний класс» — это не данность, это ярлык, утешительный приз для общества в целом и для отдельных его представителей, в частности — вроде выпавшего вымпела «За ударный труд», или подшивки «Нового мира» для «старого русского», или обязательных дорожных часов с бессмысленным турбионном для «нового».

Татьяна Малева исследует «средний класс» уже второй раз. Сейчас — под эгидой Московского центра Карнеги, раньше — Бюро экономического анализа. Она из тех, кто на вопрос о его существовании отвечает положительно.

— Татьяна Михайловна, давайте договоримся о терминах. Есть исследователи, которые говорят, что «среднего класса» в России нет, есть те, кто утверждает, что это 2% населения,

другие говорят, что 30%. А вы что понимаете под «средним классом»?

— Если исследователь — экономист, он будет говорить о «средних классах» как о среднедоходных группах. Если это социолог — о том, как люди себя ощущают в социальном пространстве и об их образовании. И мне понятно, почему так широка палитра мнений по поводу того, существует у нас «средний класс» или нет. Одни исходят из того, что с точки зрения доходов Россия страна небогатая, ближе к бедным, и сравнение россиян с американским «средним классом» не в пользу России. А вторые исходят из того, что у нас высокая степень охвата населения высшим и средним специальным образованием, и тогда у нас вся страна — «средний класс».

А мы под «средним классом» понимаем социальную группу, которая отвечает как минимум трем критериям. Первый критерий: относительно высокий социально-профессиональный статус, хорошее образование и должностная позиция. Второй: среднее материальное положение. И третий: эти люди сами себя относят к «среднему классу». Мы не можем называть «средним классом» тех, у кого есть образование и доходы, но которые про себя говорят, что они бедные.

— И давно ли у нас был обнаружен «средний класс»?

— Давайте вернемся к событиям пятилетней давности. В конце 1997 года произошло статистическое недоразумение. Появилась надежда, что экономика подошла к концу года с признаками роста. По оценке Госкомстата, ВВП вырос на 0,4%. Эта цифра привела всех в состояние эйфории.

— Чему ж так радовались?

— Первый раз за десять лет вдруг увидели цифру, которая означала конец экономического падения и начало роста. И сразу всем захотелось найти еще какие-нибудь признаки успешности реформ. В 97-м году, когда появилось сразу много работ, в которых пели дифирамбы экономическим реформам, была поднята тема «среднего класса». Кстати, потом-то Госкомстат пересчитал свои данные и выяснилось, что никакого экономического роста не было. Было падение на 0,7%. Но к этому моменту «средний класс» уже нашли и объявили процветающим.

— Конференцию, помнится, провели на эту тему, издали книгу...

— Да, была конференция в Институте экономических проблем переходного периода Егора Гайдара, по итогам выпустили сборник. Это был 98-й год. А 17 августа нам сообщили, что «средний» в одночасье умер. 16-го был, а 17-го умер.

Именно тогда мы и начали исследование по проблемам «среднего класса» в Бюро экономического анализа и продолжили его в Московском центре Карнеги. Это эмпирические исследования. Мы использовали большие репрезентативные базы данных и выяснили, каково положение людей, точнее, домохозяйств (потому что не бывает, чтобы в одной семье кто-



В 97-м году, когда появилось сразу много работ, в которых пели дифирамбы экономическим реформам, была поднята тема «СРЕДНЕГО КЛАССА». А 17 августа нам сообщили, что «СРЕДНИЙ» в одночасье умер. 16-го был, а 17-го умер

По данным Госкомстата, число россиян с денежными доходами ниже прожиточного минимума возросло с 34,8 млн. человек в IV квартале 2001 года до 47,7 млн. человек в I квартале 2002 года, а их доля в общей численности населения — с 24 до 33%. Средний прожиточный минимум в I квартале 2002 года составлял 1719 руб. Самые богатые 10% россиян получают 31,8% общего объема денежных доходов населения, на долю 10% самых бедных граждан в 2001 г. приходилось лишь 2,3% доходов.

то был бедным, а кто-то средним), с точки зрения тех критериев, которые я вам назвала. Как у них обстоит дело с образовательным уровнем, каковы их позиции на рынке труда.

— Какие у них доходы...

— Не доходы, а материальное положение, потому что доходы — это очень подвижный и обманчивый показатель.

— Укрывают, ясное дело.

— Скажем так: в России высокая доля неформальных доходов. Вторая причина — то, что, если текущий доход прекратился, это вовсе не означает, что домохозяйство немедленно попало в трагическое положение. При той подвижности, которая существует на российском рынке труда, мы пришли бы к неправильным выводам. Поэтому мы смотрели на общее материально-имущественное положение домохозяйств. Мы учитывали сбережения, наличие определенного имущества, земли и жилья. В тот момент земля не была объектом купли-продажи, но это был ресурс.

— И к каким выводам вы пришли в 98-м?

— От 20 до 25 процентов российских домохозяйств можно было отнести к «среднему классу».

— Все-таки я не совсем поняла насчет трех критериев. Вот, скажем, высокооплачиваемый московский менеджер, приехавший из другого города, получающий... не знаю... три тысячи долларов в месяц, снимающий квартиру и не делающий сбережений — он «средний» ли класс?

— Да. Не обязательно требовать наличия всех признаков «среднего класса», нужен набор из нескольких, их критическая масса. Полное пересечение всех необходимых признаков «среднего класса» встречается нечасто — только у 7 процентов населения. А в 1998 году было 2%. Так вот, когда хотя бы два признака из трех встречаются — это много. Если у человека есть все, но нет интернета — он все равно может быть отнесен к «среднему классу».

— А семья научного работника 60 лет, имеющего советский набор — квартиру, шесть соток, видео, книжки, но получающего в своем институте пятьдесят долларов в месяц, — она в какой группе?

— Мы считаем, что это тоже представители «среднего класса», потому что у этой группы много ресурсов, которые позволяют вплотную подойти к «идеальному среднему классу». При изменении одного-единственного параметра эти люди окажутся в «среднем классе». И наши исследования как раз доказывают, что эти люди — «идеальный средний класс» и его окружение — ведут себя одинаково и на рынке труда, и как потребители, и в политическом отношении.

— Некоторые исследователи утверждают, что представители «среднего класса» очень похожи. Семейные ценности, дети, готовность тратить деньги на их образование. Схожие потребительские стандарты — любят все престижное, ездят за границу, много тратят на вещи, обязательно «фирменные». Много работают. Да, вот еще: говорят о себе в активном залоге. Не «меня уволили», а «я потерял работу». И вообще самостоятельные. Родину любят, уезжать не собираются... А вы могли бы сделать обобщенный портрет «среднего класса»?

— Это бессмысленно. Я не случайно говорю не «средний класс», а «средние классы». Вот

бедность похожа только сама на себя. Бедные мигранты, бедные матери-одиночки и пенсионеры очень похожи друг на друга, потому что бедность для них становится главным. Элиты тоже похожи друг на друга — газовые они или нефтедобывающие, российские или международные. А вот «средние классы» — это масса, которая состоит из очень разных групп. Туда попадает и «челнок» с высшим образованием, и профессор, а то и академик.

— Некоторые социологи вообще говорят, что никаких общих признаков у этой группы населения быть не может, кроме одного: это люди активные, которые адаптировались к новым экономическим условиям.

— Я близка к этой точке зрения. Действительно, кто адаптировался, смог найти работу, не погибнуть, у кого есть высшее образование, кто сам себя называет «средним классом» — тот и «средний класс». Из этого следует позитивный вывод: «средний класс» формируется из самых разных слоев общества. Другое дело, что в каких-то отраслях и регионах это происходит быстрее, в каких-то медленнее.

— Татьяна Михайловна, что произошло со «средним классом» за эти четыре года, с 98-го? Какова динамика? О «ядре» «среднего класса», вы уже сказали — его доля выросла с 2 до 7%.

— Понимаете, это неправильно, потому что тогда и теперь мы считали на совершенно разных базах. Я не исключаю того, что эту разницу — 2% и 7% — дала разница в методическом подходе. Но по косвенным признакам я могу судить о том, что 20-процентная планка сохраняется. Для меня это хорошая новость — для России это немало. А плохая новость состоит в том, что за четыре года эта доля не выросла. Представление о том, что она растет, не находит подтверждения. А успех реформ зависит от того, будет она расти или нет.

— Сейчас в этой группе те же люди, что и четыре года назад? Может, «средний класс» образца 1998 года поднялся выше или опустился вниз, а вместо него пришли другие?

— Нет, это те же самые. Они адаптировались до кризиса, пострадали во время него и смогли выжить и подняться в экономическом отношении еще раз. На самом деле получается, что их главная особенность — активность, которая не позволяет им тонуть в волнах того или иного кризиса. Адаптационные возможности действительно становятся их главной особенностью.

— Говорят, что у западного «среднего класса» схожие политические взгляды. Эти люди отдают предпочтение умеренным партиям, не хотят потрясений, они стараются сохранить те условия, в которых добились своего положения. Правда, сейчас вся Европа голосует за правых, а в 30-е годы «средний класс» поддерживал Гитлера, создавшего ему все условия для процветания. Так что можно сказать о наших людях? Какие у них политические взгляды?

— К российскому «среднему классу» надо относиться без эмоциональной окраски. Когда мы говорим — я очень часто это встречаю в прессе, — что в понятие «средний класс» вкладывается положительный смысл...

— Да, пишут, что это основа государства, гарант стабильности, главный налогоплательщик...

— А вот я утверждаю совершенно противоположное. Какова страна, таковы и россий-

ские «средние классы». Общество политически аморфно, так вот «средние классы» ничем не отличаются от всех остальных. Не замечены они в особой политической активности. Признаки желания стабильного существования есть. Но 30% «среднего класса» сообщают о наличии неформальных связей в экономическом сообществе.

— Это коррупция?

— Не совсем. Скрытые доходы, теневые формы деятельности. И не надо идеализировать «средние классы». Экономика дает возможность выстраивать неформальные отношения — они этим пользуются, в том числе и для своих адаптационных целей. Если экономика изменится, то в силу своей адаптивности они, скорее всего, смогут приспособиться к новым правилам игры. Но говорить, что они более политически активны или более законопослушны, чем общество в целом, или что они имеют более высокую производительность труда, было бы ошибкой. Они зеркало всего общества.

— Хорошо, а если взять не реальную политическую активность, а их теоретические взгляды — тогда как? Вот моя политическая активность ограничивается выборами, но если меня спросят о взглядах, я более-менее внятно смогу их сформулировать.

— Именно оттого, что они все очень разные, мы там найдем приверженцев и Явлинского, и Жириновского, и Путина, и Немцова. Весь набор. Мы найдем людей, которые осуждают коррупцию, и тех, которые говорят, что, раз условия созданы, лишь слабак этим не воспользуется.

— Вы не узнавали, как эти люди относятся к своей стране? Большинство из них хотели бы уехать или остаться?

— Вы знаете, мы не выясняем, чего люди хотят. Мы не спрашиваем, что они думают, мы спрашиваем, что они делают. Между намерениями людей и их действиями — огромная разница. Мы опрашивали население Печерского угольного бассейна. Там 90% взрослого населения выражают желание покинуть регион, а предпринимают какие-то действия только 3%. Поэтому мы спрашиваем респондентов, как они ищут работу, как проводят отдых — не как намерены, а сколько раз они там-то и там-то были.

— Отлично. И как они ищут работу? Это ж самое главное.

— Вот! Ищут работу не только по знакомым и друзьям, не только через прессу. Обращаются в частные агентства по трудоустройству и в интернет. То, чего мы не найдем у низших социальных групп. Эти группы либо ищут по знакомым, либо идут в службу занятости. А вот у «среднего класса» спектр гораздо шире.

— Что еще отличает его отношение к работе?

— Там высокая доля людей, у которых есть работа. Но все равно они ищут другую, лучше. Они в постоянном поиске, и это тоже признак поведения «среднего класса». Дальше: у них больше, чем у остальных, развита так называемая множественная занятость.

— И работают, наверное, больше прочих?

— А вот это — нет!

— Я читала, что предприниматель средней руки перерабатывает примерно на 15 часов в неделю.

Из «СРЕДНЕГО КЛАССА»
ДОРОГИ В ЭЛИТУ
НЕТ.
Нельзя быть
сначала
лоу-мидл,
потом
мидл-мидл,
потом
ап-мидл,
потом
ОЛИГАРХОМ.
Тут либо
попал, либо
НЕ ПОПАЛ

— Ничего подобного! На три-четыре часа. Трудоголизм — один из мифов. Только 10% из них можно считать сверхзагруженными. Остальные 90% работают в таком же режиме, что и все остальные — 40 часов в неделю.

Дело в том, что российская социология очень часто путает «средний класс» с элитами или по меньшей мере с «высшими классами». Вот и вы говорите о предпринимателе. Когда говорят про бизнесмена, который ездит на «ауди», отдыхает на Канарах, имеет загородный дом, — прошу прощения, но это образ российских элит.

— Тогда давайте опять договариваться о терминах. Где, по-вашему, заканчивается «средний класс» и начинается элита?

— Вот это очень сложный вопрос. Если мы еще можем описать, где заканчиваются низшие классы и начинается «средний», то с элитами этого сделать нельзя. Они ведут сверхзакрытый образ жизни, и на эмпирическом уровне мы ничего о них сказать не можем. Представители элиты не сотрудничают с Госкомстатом и социологами. Дома, где они живут, не попадают в случайную выборку, а если и попадут, то интервьюера просто не пустят на порог. Так что все, что пишут о российских элитах, — это домыслы, гипотезы, впечатления, которые идут из массмедиа. Строгих аналитических исследований нет. Элиты не поддаются изучению традиционными методами. Подойти к этому вопросу очень трудно, да и не нужно.

— Слишком их мало?

— Конечно. Вот мы ими не интересуемся. Ну, один или два процента, ну хоть три. Они не составляют сколь-нибудь значимой группы.

— Простите, не поняла... Наши олигархи — незначимы?

— Статистически — да, незначимы. Но значимы с точки зрения влияния на экономические и политические процессы. Элита может состоять не из 5%, а из пяти человек, но результат будет тот же самый.

— Ясно, что человек из нижнего слоя может получить образование, заработать денег и войти в «средний класс». Ясно, что он может оттуда вылететь, то есть это сообщающиеся сосуды. А вот как попасть в элиту? Один способ я знаю — замуж выйти, но это не для всех.

— Из «среднего класса» дороги в элиту нет. Нельзя быть сначала лоу-мидл, потом мидл-мидл, потом ап-мидл, потом олигархом. Это же не концентрация доходов и ресурсов. Тут либо попал, либо не попал. Можно из низших классов попасть в элиту, что, собственно, и проделали многие наши олигархи.

— То есть если я буду много-много работать...

— Вы не станете олигархом. Вы станете ап-мидл. Процесс формирования элиты — совершенно другой. Политическая элита формируется на двух полях: на финансовом и политическом, а не в общем социальном пространстве. Там могут образовываться элиты научные, менеджерские, но политические — никогда.

— А как вы называете тех, кто и не элита, и не «средний класс», — всех остальных?

— Это «классы ниже среднего».

— Обидное какое название!

— Это нам с вами за них обидно, а люди сами так отвечают на наш вопрос о том, каков их статус. И, видимо, не обижаются, потому что это правда.



НЕВЫНОСИМАЯ ЛЕГКОСТЬ БЫТИЯ,

ИЛИ Космонавт — он и в Африке космонавт



Марина УВАРОВА
Евгений КОНДАКОВ
(фото)

Африка, особенно Южная, ликует. Теперь и у нее есть свой Гагарин — космонавт Марк Шаттлворт. И неважно, что он турист-миллионер (к тому же второй после американца Тито), заплативший за полет на нашем корабле 20 млн. долларов, и неважно, что он хоть и африканец, но белый. Вот уже несколько месяцев вся пресса Черного континента на своих первых полосах не перестает им восхищаться: «Первый африканец в космосе!», «Космос покорился Африке!», «Африканский прорыв к звездам!», «Африка проводит научные исследования в космосе!», «Африка вступила в эру высоких технологий!»

Короче, когда 5 мая гражданин ЮАР Марк Шаттлворт вернулся на Землю и улыбнулся всем своей счастливой, «гагаринской» улыбкой, он навсегда был занесен в золотой список национальных героев континента. Наряду с секретарем ООН Кофи Аннаном из Ганы, певицей Сесарией Эвора из Кабо-Верде и футболистом Папа Буба Диоп из Сенегала. Похоже, что и сомнения в католическом мире по поводу преемника нынешнего главы церкви в пользу африканского епископа уже позади — пусть будет еще один Папа!

Груз всеобщей любви африканский космонавт выдерживает легко и с пониманием. Терпеливо дает автографы всем желающим, улыбается, охотно отвечает на все вопросы, не устывая объяснять при этом, что за его полетом в космос стоит его любимая родина ЮАР, десятки организаций и труд сотен его соотечественников.

В свои 29 он выглядит на 19. Такой типичный молодой программист, технар — коротко стриженный, в светлых джинсах, коричневой кожаной курточке (даже не очень дорогой, не лайковой) и в спортивных ботинках на рифленной подошве типа «Бульдог» — ничего такого, что бы выделяло его из московской толпы, никакого лоска, который всегда за версту выдает в человеке иностранца.

Между тем Марк — настоящий, по западным меркам, миллионер, один из самых богатых людей Африки. Причем свое состояние он сделал не на нефтяных или алмазных спекуляциях, а на интернет-бизнесе. Впервые его

имя появилось на страницах местных газет в прошлом году, когда предприниматель продал одну из своих консалтинговых фирм и заявил, что на вырученные деньги собирается полететь в космос на российском «Союзе ТМ-34» и что Росавиакосмос смотрит на включение его в состав экспедиции вместе с россиянином Юрием Гидзенко и итальянцем Роберто Виттори вполне положительно.

После того как общественность с восторгом одобрила его намерения, Марк создал еще и некоммерческий фонд своего имени, который финансирует теперь все инновации в сфере образования на африканском континенте: новые подходы и улучшение качества образования, его доступность, поддержку перспективных студентов и ученых, преодоление компьютерного отставания и т.д. Кстати, американская компания, которая купила фирму Марка, тоже не осталась внакладе. Вскоре она превратилась в самую быстроразвивающуюся и авторитетную интернет-службу за пределами США.

— Марк, признайтесь, вы полетели в космос из-за своей фамилии? Ведь в переводе на русский она означает «стоящий полет», так?

— Точно, что называется «положение обязывает». Надо было оправдывать фамилию. А если серьезно, то я еще с детства мечтал об этом, когда впервые узнал компьютерные игры. Я, кстати, и сейчас, если есть минутка, с удовольствием в них играю.

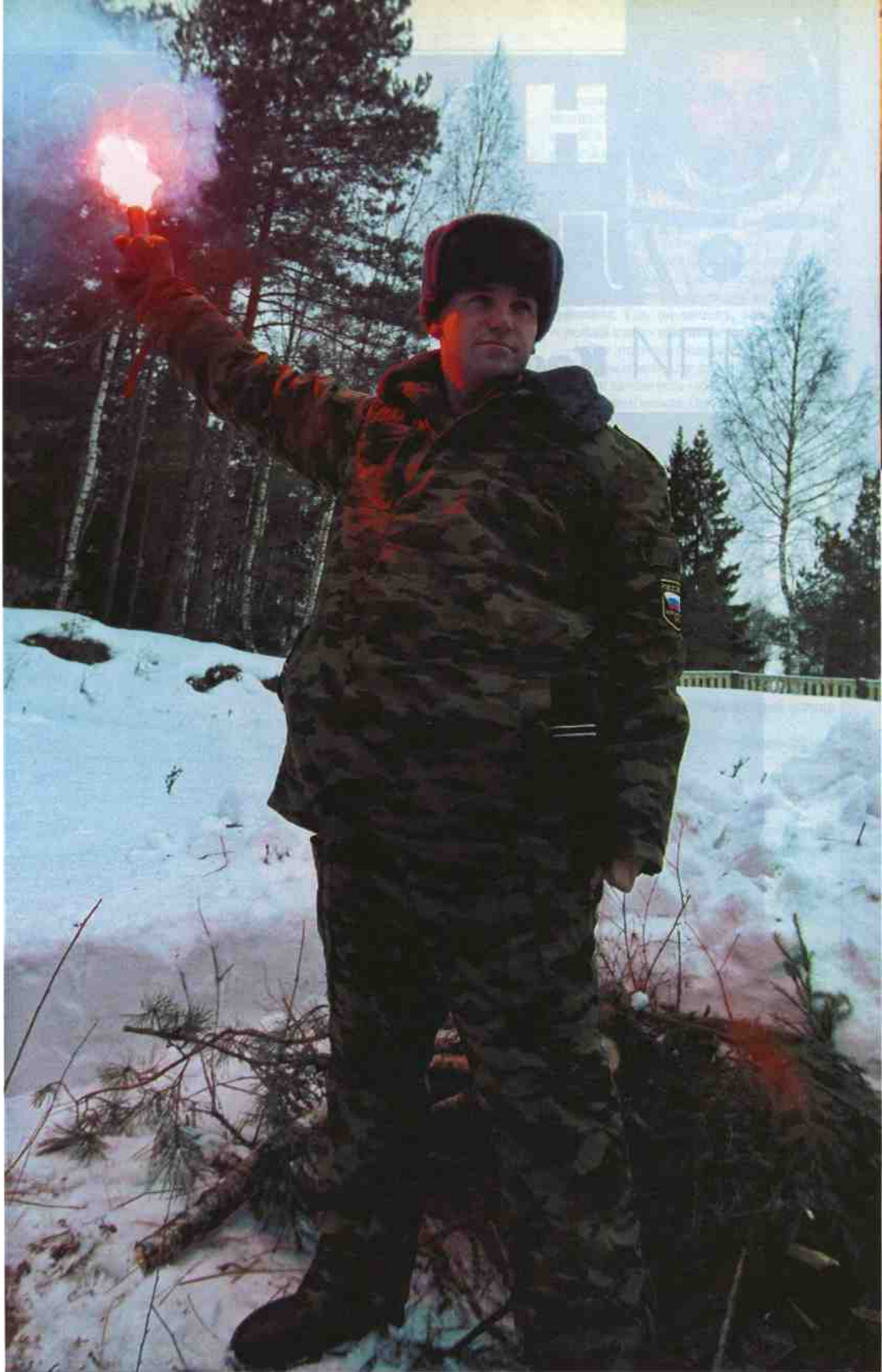
— Вы с детства хотели быть космонавтом?

— Нет, я просто мечтал побывать в космосе. Я родился в маленьком шахтерском городке, где все жители добывали золото. А я хотел быть физиком-ядерщиком или биотехнологом. Потом моя семья переехала в Кейптаун, я вырос, увлекся экономикой, поступил в университет. Даже написал диссертацию по финансам. Но потом, когда открыл для себя интернет, я буквально влюбился в него. Я понял, что это основная коммуникативная база будущего, которая дает безграничные возможности всем, кто ее освоит. Для ЮАР это очень актуально, и я стал программистом.

— А не кажется ли вам, что интернет, высокие технологии, космос — все это несколько преждевременно для страны, две трети населения которой неграмотны, не говоря уже о других, менее развитых странах вашего континента?

— Я уверен, что наш континент способен возродиться и занять достойное место в XXI, компьютерном веке, если мы все поставим себе общую цель и будем делать все для ее осуществления. Африка — удивительное место. Там возможно все. Конечно, есть масса сложных, запущенных проблем. Но отказываться из-за этого от прорыва на передний край мировой технологии не стоит. Надо делать все, чтобы преодолеть технологическое отставание, и путем подтягивания неграмотного населения до уровня населения развитых стран, и путем политических диалогов с местной властью, и путем привлечения мировой общественности к проблемам глобального неравенства в развитии инфраструктур науки, техники.

Южная Африка оказывает огромное влияние на будущее всего континента. Я мечтаю сделать Кейптаун центром высоких информа-



ционных технологий. И в этом плане космос дает уникальные возможности решить некоторые африканские проблемы, например, обеспечить доступ к информации каждого жителя континента. Согласитесь, ведь грех не воспользоваться такой возможностью.

— Вы так хорошо говорите по-русски. Неужели выучили его всего за год?

— Даже меньше — за 7 месяцев. Но это заслуга не моя, а моего педагога. Когда я приехал в Центр подготовки космонавтов, я не знал ни слова. Но мне дали очень хорошую учительницу. Она со мной занималась каждый день, по своей методике. Я слушал много кассет. И потом общение с другими космонавтами проходило только на русском. У меня была очень высокая мотивация все понять и объяснить.

— Вы не жалеете, что купили такой дорогой тур? Космос вас не разочаровал?

— Что вы, нет, конечно. Это лучшее вложение капитала, какое можно себе представить. А космос и сам полет просто превзошли мои ожидания. Все оказалось гораздо лучше, чем я мечтал. Если представится еще такая возможность, я буду счастлив все повторить, не раздумывая ни минуты.

— Что вас больше всего поразило в полете?

— Поразила Земля — такая красивая и такая маленькая. Она действительно голубая — моря, реки, озера. И все видно, все страны. Даже ЮАР можно рассмотреть, правда ее не очень хорошо видно, она все время была в тени.

И еще поразила невесомость, настоящая, космическая. Это непередаваемо. Хотя на тренировках в Звездном городке я уже не раз испытывал это чувство, но все равно в космосе все по-другому — острее, сильнее. К этому, мне кажется, нельзя привыкнуть. А с другой

стороны, многие упражнения и навыки, которые я получал на тренажерах, в космосе были использованы всего лишь наполовину — я их приобретал как бы с запасом. С лихвой, как у вас говорят. Но так и должно быть, на Земле невозможно всего предусмотреть.

— Вы были в космосе почти две недели. Какой день полета вам запомнился больше других?

— 27 апреля — это наш национальный праздник, День Свободы. В этот день посол ЮАР в России доктор Секу приехал в ЦУП — Центр управления полетом. В условленное время он связался с нашим президентом Табо Мбеки, который находился в это время на стадионе в центре столицы ЮАР, звонок переключили на меня, и мой 10-минутный разговор из космоса с президентом страны транслировался на полную громкость на этом многотысячном стадионе. Я с большой гордостью вспоминаю эти минуты, свою причастность к истории страны, где я родился и вырос. Я буквально физически ощущал дыхание своих сограждан, которые сидели на стадионе и слушали наш разговор. Я уверен, что для них мой полет в космос стал важным стимулом для дальнейшего образования, получения хорошей специальности, веры в реальность всего задуманного. Кроме того, я думаю, что полет вдохновил и другие народы нашего континента к осуществлению планов по развитию образования, экономики, науки.

— В отличие от первого космического туриста вы ведь не только наслаждались полетом, но и выполняли большую исследовательскую программу. Специалисты говорят, что вы проводили какой-то уникальный эксперимент со стволовыми клетками. В чем его суть и кто готовил всю программу?



— Программа действительно была довольно обширной. Ее основу подготовили южноафриканские медики и биологи. А в России к ней присоединились уже ученые из Института медико-биологических проблем совместно с РКК «Энергия».

Я с огромным удовольствием согласился на предложение лаборатории спортивной медицины Университета Кейптауна проверить на самом себе влияние микрогравитации на сердечно-сосудистую систему, скелетные мышцы, энергозатраты организма. В полете я был подключен к многочисленным датчикам, которые каждые полчаса снимали с меня показания. Это совершенно новая методика, разработанная нашими учеными.

Что касается стволовых клеток, то, поскольку сам я не биолог и не медик, моя задача здесь была чисто технической. Эксперимент назывался «Развитие эмбриональных и стволовых клеток в условиях невесомости». Это настоящему международный проект. На Земле из специально выведенных для этого случая животных — московских мышей и казахских овец — южноафриканский ученый доктор Даниэл Барри выделял культуры этих клеток. Последние полтора месяца перед полетом он работал в Казахстане, рядом со стартовой площадкой. И в день полета клетки были доставлены на борт. Моя задача заключалась в том, чтобы поместить их в специальный бокс и регулярно обновлять среду. О том, что даст это науке, пока еще говорить рано. Но уже ясно одно: в условиях невесомости эти клетки развиваются иначе, чем на Земле, они приобретают другие свойства. А это можно использовать в биотехнологии и медицине.

— Ваш экипаж тоже был интернациональным: командир корабля — русский, бортинженер — итальянец. Говорили, что у Роберто Виттори непростой характер, он, например, в отличие от вас наотрез отказался проводить на себе эксперименты. У вас не было психологических трудностей в общении с ними?

— Нет, абсолютно никаких. Юрий Гидзенко летал в космос уже третий раз, он самый опытный. Роберто — классный специалист, а то, что он отказался от экспериментов, так он и не обязан был этого делать, он ведь инженер, а не ученый. А у меня все-таки более научный склад ума, поэтому мне это было очень интересно. Оба они прекрасные, замечательные люди, с большим чувством юмора. У Роберто двое маленьких детей. Они дали ему в полет игрушечный самолетик на память, и мы его сами с большим удовольствием запускали и радовались как дети.

— Вы какие-нибудь неудобства испытывали в полете? Может, еда не очень вкусная или чего-нибудь не хватало?

— Нет, никаких неудобств я не испытывал. В еде я не привередлив, тем более что в полете все было очень вкусно. Особенно мне понравились соки. Они оказались российскими. А не хватало — времени. Я бы очень хотел, чтобы полет был более продолжительным. Но все рассчитано заранее на Земле.

— Что для вас было самым трудным во всем полете?

— Самым трудным — выходить из невесомости после полета. Идешь по земле словно пьяный, как будто у тебя балансировка нарушена. Все вещи кажутся неподъемными,



АЛЕКСАНДР БАСИ

слишком тяжелыми, ноги будто налиты свинцом. Это продолжалось день-два. Потом прошло. Осталось только воспоминание, эйфория от той «невыносимой легкости бытия», которую я испытывал в полете.

— Вы хотели приобрести спускаемый аппарат и скафандр. Зачем? На память?

— Да, конечно. Ведь этот полет, я думаю, будет главным событием всей моей жизни. Но спускаемый аппарат мне не разрешили приобрести, это не положено по условиям контракта. А скафандр я взял. Он прекрасный, весит немного, около 10 кг. Я все-таки надеюсь, что он мне, может, еще когда-нибудь пригодится.

— Расскажите немного о себе. Назовите три вещи из того, что вы любите и не любите в жизни.

— Всего три из того, что я люблю, слишком мало. Я так много чего люблю, что можно целый список составить. Даже не знаю, с чего начать. Ну, например, люблю весну, лимонный мармелад, русскую сауну, слушать Сезарио Эвора, смотреть на закаты, путешествовать, возвращаться домой... Добавьте к этому невесомость, африканскую природу, леопардов, снег. А из нелюбимого — бюрократию, лондонские зимы, переговоры о зарплате, выступления перед публикой. Пожалуй, и все.

— Марк, вы теперь самый знаменитый человек ЮАР и, наверное, самый завидный жених. Вы не собираетесь скоро жениться?

— Ну насчет самый — это преувеличение. У нас в ЮАР есть очень много знаменитых и гораздо более достойных людей, чем я. И потом скоро жениться я не собираюсь. Некогда. У меня столько грандиозных планов, расписан буквально каждый день. Вот сейчас собираюсь в Лондон, потом в Дурбан — там будет международная конференция. Очень много дел.

— Но по крайней мере девушка какая-нибудь у вас на примете есть?

— Не скажу. Это секрет.

ЕСЛИ ВЫ СОБИРАЕТЕСЬ В КОСМОС

Вадим ГУЩИН, психолог Института медико-биологических проблем, где проходит отбор космонавты и космические туристы

— Прежде чем заняться космотуризмом, трезво проанализируйте свои возможности. Во-первых, вы должны быть социально успешны. Без этого у вас не будет необходимой суммы. Во-вторых, должны подходить по состоянию если не здоровья, то хотя бы психики. Перегрузки, стыковку, посадку можно выдержать благодаря набору специальных навыков. Возможно, через двадцать лет требования будут гораздо ниже. Но ниже будет и привлекательность этого вида туризма. И еще. Полет дает уникальную на сегодняшний день возможность самореализации. Но надо, чтобы было что реализовывать. Иначе говоря, надо быть личностью.

Несмотря на то, что в космос слетали уже сотни людей, каждый, кто там был, имеет полное право отнести себя к элите рода человеческого. Опыт, через который он прошел, недоступен большинству окружающих. Трудности отбора и подготовки только укрепляют это ощущение избранности. Когда число слетающих в космос станет измеряться десятками тысяч, исчезнет мотивация преодоления и уникальность, так что торопитесь.

Полет в космос — поступок из разряда не осуществимых для большинства. Это еще один мотив космического туризма — азарт наподобие спортивного. Турист, я говорю обо всех видах туризма, — не ученый, не врач, не географ, не астроном. Он исследователь самого себя и своих возможностей. Так, с точки зрения науки подъем на Джомолунгму человечеству ничего не дает. Но зато вы знаете, что Джомолунгма вам по плечу.

Побывав на орбите, можно что-то в себе понять и что-то полюбить больше, чем ты любишь сейчас. Вид сверху на маленькую круглую Землю коренным образом меняет ваши представления о жизни. Опыт показывает, что все свободное время космонавты проводят у иллюминатора. Те, кто стремится в космос, не находят в обыденной жизни того, что надеются обрести в полете. Чего им не хватает? Наверное, жизнь слишком спокойная, слишком мало в ней перца. А сложнее и опаснее полета в космос не придумано пока экстремального развлечения.

Имейте в виду, что после полета человек сильно меняется. Профессионалам-космонавтам кажется, что высшая точка пройдена и жизнь идет на спад, чудес в ней уже не будет. Да и интерес людей к тебе вызван лишь тем, что ты космонавт, а не тем, что ты — это ты. Для профессионалов полет является реализацией всей их жизненной программы. Космонавт, который всю жизнь убил на подготовку и не полетел, — неудачник. Неудачный полет лишает смысла все его существование. У туриста же психология принципиально иная. Для него на полете жизнь не кончается. Он не обязан добиваться успеха, у него есть право на ошибку и неудачу.

Мы привыкли судить о космосе по фантастике. Герои «Пятого элемента» прилетают на планету и совершают там некие действия: путешествуют, развлекаются. В каком-то смысле это и есть туризм. Пока что дело ограничивается простым болтаньем в космосе. Предельный срок туристического полета на сегодня — две-три недели. Двух-трехмесячный полет требует совершенно иной подготовки, да и скучно становится непрофессионалу без привычных дел на Земле. Начинаются проблемы со сном, чувствуется недостаток внешних импульсов, монотония. Поэтому я думаю, что орбитальные полеты очень быстро исчерпают себя. Следующий шаг — полеты к другим планетам. С привлечением частных средств это становится вполне реальной задачей.

Космотуризм — очень специфический отдых, и не всем он покажется привлекательным. Будут и те, кто полетит по ошибке. Заплатит большие деньги, а удовольствия не получит. Чтобы этого не произошло, надо иметь четкую модель полета. У первых туристов модель неизбежно будет неправильной до тех пор, пока не накопится критическая масса людей, объединенных одним опытом. Тогда появятся клубы, где те, кто уже слетал, будут общаться с тем, кто хочет слетать. Выяснится, что некоторым и лететь-то не надо. Участие в эксперименте на Земле вполне заменит им полет в космос. Космическая пища, барокамеры, центрифуги вроде тех, которые стоят у нас в институте, хорошие симуляторы невесомости — может быть, им нужно именно это...

Рано или поздно произойдет социальное расслоение на тех, кто уже слетал в космос, и всех остальных. Нищие в космос летать не могут, и даже «средний класс» не может. Но надо понимать, что это расслоение именно по социальному, а не по экономическому признаку. Ведь социальный успех — показатель уровня личности. Он у всех разный, с этим ничего не поделаешь.

Расслоением дело не ограничится. Возможность космического туризма самым радикальным образом изменит общественное сознание. Освоенный космос — это лучшая психологическая защита человечества против страхов перенаселения, экологических катастроф, войн. Как-то спокойнее жить, если знаешь, что тебе есть куда бежать или, например, эмигрировать. Но приятнее, конечно, думать не о победе, а о том, что есть куда развиваться.

Подготовил Ян ШЕНКМАН

ЖУРНАЛ "ОГОНЬК"

ЖИВУ СЧАСТЬЕМ!

With best wishes!

Mark Gushin

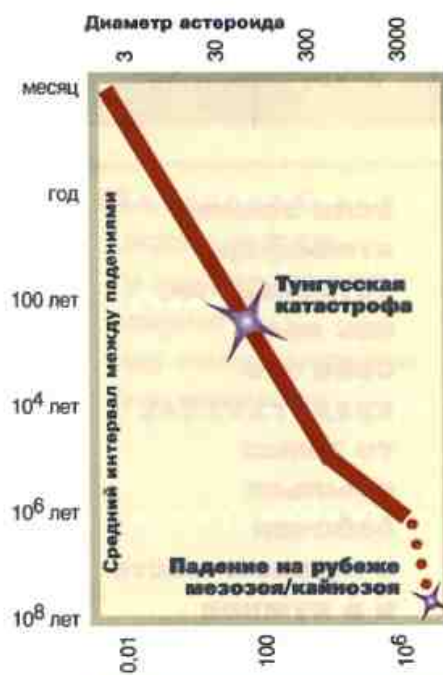
Кромка

спасай кто может

Хаоса

У нас есть все, даже специалисты по удаче

Частота падения тел
разного диаметра



Среднегодовое число
жертв при падении тел
разного диаметра



До недавнего времени я думала, что катастрофы, кризисы и прочие бедствия планирует Бог. Такая у него работа. Оказалось, что этим же самым занимается профессор Георгий Малинецкий, заместитель директора Института прикладной математики им. М.В. Келдыша Российской академии наук.

Георгий Геннадьевич считается одним из крупнейших, если не самым главным кризисологом России. Он умеет предсказывать кризисы. Более того, он умеет предсказывать поведение любой сложной динамической системы, будь то катастрофа, фондовый рынок или полет облаков. На Западе специалистов такого класса называют «прогнозистами» или «строителями будущего». У нас чаще всего — «кризисологами», потому что предсказывают наши проектировщики в основном кризисы.

Свои прогнозы Георгий Геннадьевич делает с помощью особой науки — нелинейной динамики, которая занимается теорией хаоса. Даже не надейтесь, что если ваше время распланировано, а жизнь упорядочена, то теория хаоса и профессор Малинецкий не имеют к вам никакого отношения. Все мы живем в хаосе, более того, сами его создаем. Любой наш поступок вызывает массу последствий, нарушает стабильность в мире. Последствия могут самым неожиданным образом разрушить тщательно спланированную жизнь. Нелинейная динамика пытается найти закономерности в причинно-следственных связях и описать хаос уравнениями. Иногда эти уравнения спасают сотни человеческих жизней.

Елена КУДРЯВЦЕВА

Специалисты по хаосу из Института прикладной математики уже тридцать лет занимаются прогнозами. Они уточняли небесную механику для запуска спутников, рассчитывали уравнения полетов ракет, мощность ядерных взрывов. Для всех этих сложных дел в институте еще на заре компьютерной эры стояли мощные ЭВМ. Так что перед встречей с Малинецким я представляла себе, что увижу кабинеты, под завязку набитые вычислительной техникой. А вся техника, думалось мне, мигает разноцвет-

Вероятность крупных аварий

ТИПЫ ОБЪЕКТОВ	РАСЧЕТНЫЕ		РЕАЛЬНЫЕ
	Проектные	Запроектные	
РЕАКТОРЫ			
Активная зона	10^{-6}	10^{-6}	$2 \cdot 10^{-3}$
Первый контур	10^{-6}	10^{-6}	$5 \cdot 10^{-3}$
РАКЕТНО-КОСМИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ	10^{-4}	10^{-3}	$5 \cdot 10^{-2}$
ТУРБОАГРЕГАТЫ	10^{-3}	10^{-4}	$3 \cdot 10^{-3}$
ЛЕТАТЕЛЬНЫЕ АППАРАТЫ	10^{-3}	10^{-4}	$5 \cdot 10^{-3}$
ТРУБОПРОВОДЫ (1000 км)	10^{-4}	$2 \cdot 10^{-3}$	10^{-2}

Сравнение жертв от разных причин



ными лампочками и над ней висит надпись, как в операционной: «Тихо! Рассчитывается будущее». Но в кабинете Малинецкого не было даже логарифмической линейки.

— Что же вы так? — задала я первый вопрос. — Вы видели, как нас охраняют? — спросил Георгий Геннадьевич, имея в виду охрану на первом этаже. — Поверьте, здесь есть такое, чего нет больше нигде в мире, — очень мощный компьютерный центр с уникальным программным обеспечением.

И на дальнейшие расспросы в этом интригующем направлении сказал только одно:

— Помните «Понедельник начинается в субботу»? Знаменитый НИИЧАВО? Так вот он — здесь. Я на пять минут отойду, а вы пока поиграйте с динамическим хаосом, — профессор дал мне в руки неперiodический маятник. Это что-то вроде «вечного двигателя», продающегося в киосках: шарики на пружинках, вращающиеся в разные стороны. Наигравшись с хаосом, я заинтересовалась:

— Георгий Геннадьевич, вы мне его просто так дали или с научным умыслом?

— На примере этого маятника я вам объясню теорию прогноза, — профессор дотронулся до маятника, и шарики послушно заплескали вверх-вниз, — используя самые мощные в мире компьютеры, мы сможем предсказать положение шариков только в течение пяти колебаний. Как они будут вести себя дальше — неизвестно.

— Подождите, а о каком тогда прогнозировании вообще можно говорить, если вы с шариками не можете справиться?

— В том-то и дело, что пять колебаний мы рассчитать можем. То есть мы предсказываем развитие ситуации до какого-то момента, а потом — только вероятность. Момент, до которого мы прогнозируем, называется горизонтом прогноза. Для каждого случая горизонт прогноза свой, но он обязательно существует. Например, прогноз погоды. Даже если мы будем знать положение каждой капли воды и каждой молекулы воздуха, даже если мы построим какой-нибудь суперкомпьютер, точно предсказать погоду мы сможем не больше чем на три недели.

Если земная атмосфера устроена так, как мы себе это представляем, то взмах крыльев бабочки в нужном месте и в нужное время может изменить погоду, скажем, через две-три недели, в громадном регионе

Мир устроен так, что тотальное прогнозирование невозможно. Очередной запрет природы.

— От чего зависит предел прогноза?

— От начальных данных самой системы. То есть от ее сложности и устойчивости. Например, если строить домик из костяшек домино, то сложность системы в том, сколько костяшек в домике, а устойчивость зависит от того, как они опираются друг на друга. Сложный неустойчивый домик посыплется менее предсказуемо, значит, и горизонт прогноза меньше.

— Но результат-то мы можем предсказать — будет куча костяшек!

— Какая куча! Что останется от домика — вот ведь что важно! У Ред Бродбери есть рассказ «Бабочка». Главный герой отправляется в путешествие во времени в эпоху динозавров. Чтобы не нарушить ход истории, герой должен двигаться по специальным тропам, но он случайно сходит в сторону и убивает золотистую бабочку. Возвратившись в свое время, он видит, что изменились состав атмосферы, правила правописания и итог предвыборной кампании. Изменения, вызванные гибелью бабочки, стремительно нарастают и обернулись катастрофой. Мир — очень сложная система, и гибель одной-единственной бабочки — это тот случай, когда предсказать последствия невозможно. Могла, например, измениться не орфография, а Правила дорожного движения. Математики называют это чувствительностью к начальным данным.

— А есть какой-нибудь нелитературный пример?

— Метеоролог Эдвард Лоренц писал, что если земная атмосфера устроена так, как мы себе это представляем, то взмах крыльев бабочки в нужном месте и в нужное время может изменить погоду, скажем, через две-три недели, в громадном регионе.

— Я смотрю, бабочки — страшные «животные». Если нужно учитывать всех бабочек, как же тогда можно составлять прогноз?

— В пределах горизонта — можно. Дело в том, что разные катастрофические события могут развиваться по разным законам. Нелинейная динамика позволила установить универсальные сценарии перехода системы от порядка к хаосу. Так что в ряде случаев можно говорить об одинаковых сценариях возникновения катастроф.

Графики поведения сложно организованных иерархических систем, будь то фондовый рынок и текстовый разлом, одни и те же. Перед катастрофой на них виден ускоренный рост некоторых коэффициентов, на который накладываются ускоряющиеся колебания.

— Тогда напишите, пожалуйста, уравнение для какой-нибудь катастрофы.

— $I(t) = A + B(t-t_0)^{\alpha} [1 + C \cos(\omega \log(\log(t-t_0)) - \gamma)]$

— И что оно описывает?

— Любое катастрофическое изменение.

— Сюда можно подставлять различные данные и высчитывать, когда же грянет гром?

— Теоретически — да. Но на практике мы обладаем пока слишком малым количеством данных, которые можно использовать для решения. Особенно это характерно для российской действительности. Знаете, иногда мы приходим в какой-нибудь научный институт и просим информацию, которая им самим уже не нужна и они ее завтра же выбросят. Но на наш запрос, подкрепленный письмом из министерства, мы получаем один ответ: «Платите».

— Но, несмотря на это, вы же что-то считаете. Скажите, от чего нелинейная динамика уже спасла наше общество?

— От развала системы образования. В 1994 году к нам обратились Министерство образования России и Европейский банк реконструкции и развития. Речь шла о выделении кредита на реконструкцию высшей школы в размере двух миллиардов долларов. И тогда возник вопрос: если будут реализованы пожелания ЕБРР, то к чему это приведет в пяти-, десяти- и двадцатилетней перспективе? Пожелания предусматривали почти полный переход на американские учебники, ликвидацию системы техникумов и ПТУ и сокращение вузов до пятидесяти на всю территорию России. С помощью моделей нелинейной динамики нам удалось подсчитать, что через небольшой промежуток времени страна вышла бы на устойчивый низкопродуктивный режим. У нас бы было много профессиональных специалистов среднего класса. Но после этого на сцену должны выходить специалисты, занимающиеся перспективными технологиями. А вот их бы как раз не оказалось. Нам удалось убедить министерство не брать кредит, а это, поверьте,

было очень сложно. Сейчас мы активно сотрудничаем с МЧС, составили серию карт, ранжирующих территорию России по вероятности риска возникновения природных катастроф. Но главная опасность наступающего века не в природных стихиях, а в человеке.

— Это выяснилось с помощью нелинейной динамики?

— Да. Связь стала ясна недавно. Осознать ее помогла парадоксальная статистика аварий: «Титаник», «Челленджер», Чернобыль, Три-майл, Бхопал. Каждая из этих крупнейших катастроф XX века связана с длинной цепью причинно-следственных связей, с «неблагоприятным стечением многих маловероятных случайных обстоятельств», как часто пишут в актах государственных комиссий. Знаете, даже не оставляет чувство, что нам просто очень не везет. Но знаковые катастрофы последних лет показали, что рядовые технические решения конкретного человека могут повлечь за собой длинную цепочку причин и следствий, приводящих к трагическим последствиям. Инженер атомной станции может сделать более страшные вещи, чем тайфун или смерч.

— Техногенных катастроф в будущем веке будет больше, чем природных?

— Сложно сказать. Дело в том, что XX век окончательно сформировал искусственную среду обитания человека — техносферу. Мы уже не можем без нее существовать. Но техносфера сегодня так усложнилась, что поддерживать ее в исправном состоянии очень трудно. Нет абсолютно надежных технических сооружений. Возьмем пример с буровыми платформами. Это более миллиона тонн металла и бетона стоимостью более двух миллиардов долларов. Платформы делали сверхнадежными. Когда они запускались, было ощущение, что здесь ничего аварийного не может быть. Авария предполагалась раз в двадцать миллионов лет! Тем не менее на пятнадцати платформах уже были тяжелые аварии. Полностью предотвратить возможность катастрофы сегодня невозможно, и это обратная сторона прогресса и новых технологий.

— То есть нам следует оторваться от суесть и готовиться к техногенному коллапсу?

— Если ничего не изменится, то да. Основная задача в наступившем веке для всего человечества — научиться управлять рисками, вырабатывать философию риска. Ученый-футуролог Форстер тридцать лет назад вычислил, что если взять все сегодняшние показатели общества (потребление ресурсов, загрязнение природы, рост численности населения) и оставить их на прежнем уровне, то мир придет к краху в середине XXI века. Чтобы вывести человечество из пике, уже сегодня необходимо 30% мирового валового продукта тратить на очистку мира от всяческих загрязнений. Эра количественного прогресса, проходившая под девизом: «Выше, дальше, быстрее», заканчивается. В XX веке ученые дали возможность человечеству делать выбор — по какому пути развиваться. Теперь они должны сказать, какую цену придется заплатить при том или ином сценарии развития. К сожалению, хорошо проработанных глобальных прогнозов пока нет.

— Все, что вы говорите, настолько пессимистично, что хочется бежать с этой планеты.

— Ну, во-первых, жизнь, уж какая есть, существует только на Земле, а, во-вторых, лично я оптимист. Я верю, что человечество и Рос-



Вот он какой, профессор Малинецкий —

**ждет, когда
у нас возникнет
спрос
на специалистов
по везению**

сия найдут правильный путь развития. Ведь он существует, и его вполне можно рассчитать, но для этого государство должно определить, в какой сфере страна будет возрождаться в первую очередь. Сегодня в мире существуют пятьдесят макротехнологий, наличие которых обеспечивает процветание страны. Они были озвучены ведущими японскими специалистами и признаны во всем мире. Двадцать две технологии — у США. Советский Союз владел двенадцатью, в том числе основополагающими — передовыми ядерными технологиями, космическими, военными, авиационными. Сейчас еще не поздно принять решение. Если же этого не сделать, то мы упустим возможность вернуться к прежней мощи.

— Странная вещь получается: с одной стороны, вы предлагаете развивать технологии, а с другой — говорите, что мы от них и погибнем.

— Человечество уже не сможет вернуться на дотехнологическую стадию развития. Поэтому ко всему нужно подходить разумно. Нужно выбирать те технологии, которые будут наименее разрушительными для будущего. А для этого необходимо серьезно заниматься прогнозами. Ведь прогнозы обходятся в десятки, а иногда и в сотни раз дешевле, чем ликвидация последствий уже происшедших бед. Но ДРАМА в том, что у нас нет на это социального заказа! Мнение ученых никого не интересует. Например, Дума соглашается на ввоз отходов ядерного топлива. С кем они консультировались? А между тем этот проект по рискам и стоимости сопоставим с полетом американцев на Луну. Там требовались миллиарды, и здесь требуются, там не было конкретных технологий, и у нас нет. Ведь как мы собираемся перерабатывать топливо? Оно сверхрадиоактивно, для такой переработки необходимо построить полностью роботизированные заводы, аналогов которым нет нигде в мире! Представляете, сколько нужно будет вложить средств в изобретение технологии?

— Тогда нужно создать в Думе комиссии ученых, которые бы отслеживали законопроекты.

— Ох, какие идеальные слова вы сказали! Недавно я посетил Госдуму и побеседовал с одним из ее руководителей. Я задал ему простой вопрос: «А как принимаются законы?» Он объяснил, что сначала комитеты разрабатывают тот или иной законопроект. Потом тот идет в проверку: в первую очередь проверяют на наличие орфографических, а во вторую — юридических ошибок. «Погодите! А кто занимается смыслом? Кто проверяет сущность закона?» А такого органа нет. На прощание мой собеседник сказал: «Если вы будете выступать, не говорите одного жуткого словосочетания: «экспертиза по существу». Вам просто оторвут голову».

— Может быть, у нас просто все верят в удачу?

— У нас думают, что «как-нибудь обойдется». При таком подходе ни кризисологи, ни специалисты по удаче не нужны.

— А на самом деле?

— А на самом деле нужны и те и другие. Прогнозы катастроф, бедствий и кризисов приносят реальную пользу и поэтому все же развиваются даже у нас. Я говорил о сотрудничестве с МЧС, а вот другой пример: третьего декабря прошлого года Путин собрал руководство Российской академии наук, чтобы поставить перед ним только две задачи. Первая: прогноз и предупреждение бедствий, катастроф, нестабильности и кризисов социального, техногенного и природного характеров. Вторая: анализ перехода страны от сырьевой ориентации к высоким технологиям. Первая задача по масштабу и важности для страны сравнима с разработкой стратегических вооружений и космических программ. Теперь что касается удачи: представьте себе сильную и слабую державы. Сильная будет выигрывать все время, даже если она плохо играет. 11 сентября был жуткий террористический акт, а США в результате него добились своих геостратегических целей. В США есть специалисты по удаче — это аналитики и проектировщики будущего. Но у нас они появятся только тогда, когда будет ресурс кого-то переигрывать: технологи, конкурентоспособная продукция. Слабой державе специалисты по удаче не помогут. Сначала нужно создать ресурсы. Я буду счастлив, когда у нас возникнет социальный заказ на специалистов по удаче. ■

«Начался отсчет нового времени — не возраста. Просто одни испугались свободы, самостоятельности, дерзости, а другие попытались прыгнуть»

Ирина КЛЕНСКАЯ

— «Я вам, молодой человек, не верю. Очень уж вы чистенький, вылизанный. А мне кажется, бизнес всегда дело грязное. Через что только не придется переступить, чтобы выиграть, и не каждый согласится на такой выигрыш. Много умных, талантливых, энергичных людей осталось за бортом, потому что не смогли переступить. И самое главное — в ваших рассуждениях нет сомнений, для вас все слишком ясно...»

— Тамаз, вы ожидали другой реакции, когда давали ему читать свои черновики для будущей книги? Вам хотелось, чтобы знаменитый писатель, литературная легенда Давид Гранин восхитился, одобрил?

— Мне обидно непонимание. Я старался рассказать о себе, я хотел искренне рассказать о себе.

— Столкновение поколений?

— Где границы поколений? Может быть, это вообще вопрос интерпретации. Одни испугались свободы и самостоятельности, дерзости, а другие нет, другие — рискнули и прыгнули. Сверх сил своих стремиться ввысь — вот мой принцип. К сожалению, до сих пор мы живем в рамках старой схемы. Да, я многое нарушал, потому что законы, которые существовали, и правила игры, по которым мы все существовали, вынуждали меня, человека, хотевшего действовать, нарушать их.

Человек делает в минуту 12 вдохов — это столько, сколько ему необходимо для жизни, а ему говорят: «Нет, это запрещено, можно только пять вдохов». И что же мне теперь, смириться и умирать? Я нарушал? Нет, я хотел жить и поэтому нарушал те законы, которые были аморальны и безнравственны. И нисколько не жалею — я был прав. Представьте себе ситуацию: я врач-стоматолог, и мне для работы нужны импортные наконечники для бормашины. Каждый такой наконечник стоит тысячу долларов. Естественно, я их берег как зеницу ока и дезинфицировал в специальном редчайшем и дефицитнейшем по тем временам растворе — лизитоле, а по инструкции Минздрава я должен дезинфицировать инструменты в хлорке. Но если бы я опустил хоть на минуту инструменты в хлорку, я бы их уничтожил!

— И что же вы делали?

— Банку с хлоркой всегда держал для проверяющих, а инструменты дезинфицировал в дефицитном растворе. И урызженный совести не испытывал.

К сожалению, я испачкан советской моралью, как, впрочем, и многие из нас, привыкшие жить от надежды к надежде.

— Ахматова говорила, что коммунизм невозможно понять, если человек не знает, каково это — просыпаться в СССР по утрам от звуков радио и слушать его весь день.

— Да, целые поколения выросли во времена бесправия. Инерция неверия в себя — мощная, сила бездействия — велика.

— Тамаз, вам сорок лет. Вы тоже росли в клетке, но вас уже отпускали полетать.

Тамаз Чедлидзе:
Зри в корень

— Я работал день и ночь. Я делал то, что людям необходимо, то, что приносит пользу. И в той системе координат агрессивной я построил свою систему и старался жить по ее принципам. У меня свой стандарт и свои ценности.

— Какие же?

— Самые простые: преданность пациенту, профессиональная честность, мастерство, и во имя своих идей я приспособливался, как мог, к системе.

— Но было что-то, в чем вы сомневались, через что не могли переступить?

— Вот и Гранин говорит: «Вы не сомневаетесь!» А в чем я должен сомневаться? Я иду своим путем. Я хочу быть сильным человеком, живущим по законам сильного человека, убежденного в правоте своего дела.

— Согласитесь, есть понимание искренности и честности. Надо разобраться в понятиях.

— Искренность — то, что вы думаете, честность — то, что вы делаете. Меня много раз пытались сломать, раздвинуть. Важно, во что события превращают твоё представ-

ление о самом себе, верно? Я научился из самого плохого, что случается, всегда извлекать пользу. Чем больше меня давят, тем больше я сопротивляюсь. Чем хуже складываются обстоятельства — тем лучше для меня.

— Но так ведь только в сказках бывает: захотел — дворец возник, захотел — все обстоятельства приспособил к себе. Вы создали крупнейшую частную систему здравоохранения в стране, которая живет, развивается, обогащается. 700 человек сотрудников, один другого лучше, первоклассные врачи, несколько клиник различных направлений, самые новейшие технологии, оборудование и материалы. Вы хотите сказать, что все это можно было создать за десять лет своим трудом?

— Вот это удручает больше всего! А почему нет? Для меня бизнес — осуществленная схема. Я ее развиваю, и мне интересна динамика процесса. Я понимаю, что, кроме реальных законов, есть законы ирреальные. И чаще успех и удача — вне логики. Поймите, рынок на то и рынок, что он позволяет выбрать способ жизни. Я приехал

из Грузии в Питер, город, в котором я учился, город, который мне снился, город, в котором я всегда хотел работать. Я приехал в Питер с большими деньгами — 15 тысяч долларов у меня было, я их заработал сам — у меня в Грузии был частный стоматологический кабинет, и я день и ночь работал. Скопил деньги. Приехал в Питер, взял помещение в аренду, сделал ремонт, закупил оборудование. Пригласил двух врачей — мы рискнули! И потихонечку, день за днем, вставали на ноги.

— А если бы не получилось и вы потеряли деньги?

— Так произойти не могло. Мне помогла судьба.

— А почему же она вам помогла?

— Потому что я занимаюсь своим делом и люблю его. Поэтому я шел вне зоны риска. Гранин замечательно сказал: «Попасть в себя». Когда ты попадаешь в себя, ты счастлив, а я попал. А потом, конечно, мой бизнес, если это можно назвать бизнесом, стабильный, без резких поворотов.

— Что же вас привлекает в бизнесе, да еще в нашей стране, в которой искусство и нарушение супружеской верности были единственными формами свободного предпринимательства?

— Движение, к которому я могу приложить силу. Как говорили в старину, государство должно быть пестро, сложно, крепко, сословно и с осторожностью подвижно. Меня привлекают в бизнесе мои действия.

— Что для вас успех?

— Для меня успех — движение, соединение проигрышей и выигрышей. И не всегда проигрыш — неудача, просто еще один шаг. Надо набраться терпения и не останавливаться, двигаться. Я не люблю зависеть от чьей-то воли, мне нравится действовать самому. Все выигрыши и проигрыши, очарования и разочарования — мои.

— А в чем же главный принцип рынка, на ваш взгляд?

— Личность. Понимание того, что личность бесценна. Мы долгое время привыкли, что самое важное, во имя чего мы живем — идеи, принципы, идеалы, государство. Мы бесконечно рассуждали о людях. Но никогда ими не дорожили. Мы кричали о том, какие мы мощные, великие, а я считаю, что если граждане богаты, благополучны, здоровы, значит, государство великое, а если нет... тогда нет. Значит, что-то с нами не в порядке. Вы знаете, одно из моих самых сильных потрясений: лет двадцать назад ко мне на прием пришла пациентка, только что вернувшаяся из-за границы. А я весь такой уверенный в себе, опытный врач, подошел к ней: ну-ка, посмотрим, что там, откройте рот... Она открыла рот, и я чуть с ума не сошел! Я всю ночь не спал! Я впервые увидел потрясающую, безукоризненную иностранную металлокерамическую коронку. Я подумал: как же так, они могут то, о чем мы даже понятия не имеем? Мы с ними живем на разных планетах!

— А теперь вы сами ставите такие коронки?

— В наших клиниках — конечно!

— Вы создали целую систему стоматологии, аналогов которой нет не только в нашей стране, но и в Европе. Как вам удается держать такую высокую марку?

— Появился новый класс людей, сформировавшихся в конкурентных условиях. Вот вам и решение всех вопросов — дорожите рынком, изучайте его, совпадайте с его ритмом. Для меня самая важная идея рынка — преданное служение своему потребителю.

Да, конечно, я хочу заработать, и много заработать, но для меня очень важно, как я это сделаю. Меня выберут, если я буду лучше всех: самым блестящим и лучшим специалистом. Я раньше не понимал рыночного механизма. Ко мне на прием стояли огромные очереди — я и мои врачи не успевали, нервничали, спешили. И я понял: неправильно, в спешке можно потерять мастерство. Цену не мы, рынок устанавливает, мы ее только фиксируем. Образовалась очередь — значит, мы стоим больше. Пустота, нет пациентов — зависели свою оценку. Хочешь больше зарабатывать — стань еще лучше, поднимись на ступеньку выше.

— Но как научиться выживать в этой идеальной системе, как сделать, чтобы она тебя не поглотила?

— Нужно придерживаться единых цивилизованных правил игры. Пока, правда, их нет. Мне не нужны никакие привилегии, но мне нужны общие, понятные правила, одинаковые для всех. Если красный зажегся — значит, для всех красный, для всех запрет, а не как у нас: кому-то чуть-чуть красный, а кому-то позеленее. Так не выжить.

Я помню, как первый раз приехал в Финляндию. Чистота, порядок, еду в машине, восхищаюсь и вдруг ловлю себя на мысли: у них никто не бросает мусор из окон. И я посмотрел на себя с ужасом, я-то бросаю жвачку в окно! Отучился.

— Я помню, Марк Розовский рассказывал историю, как к его другу-писателю приехала графиня из Швейцарии. Они решили съездить в Суздаль на туристическом автобусе. Ехали-ехали, графиня попросила остановиться. Водитель понимающе посмотрел на писате-



Тамаз Шалвович Мchedлидзе, доктор медицинских наук, президент медицинской ассоциации МЕДИ, председатель правления некоммерческого партнерства «Санкт-Петербургская Медицинская Палата»

ля и остановил автобус возле скромной деревянной будочки: вот вам, господа, туалет! Графиня вошла в будочку и через минуту вылетела оттуда пулей, вбежала в автобус, схватила все газеты, которые были на сиденьях, и снова скрылась в будочке. Народ замер. Прошло минут сорок, графиня вышла, распахнула дверь, и мы увидели чистый, вымытый туалет. Графиня сожгла газеты, закурила... Народ безмолвствовал. Потом она вошла в автобус, и все тихо поехали в Суздаль.

— Вот вам и ответ на все вопросы: надо за собой убирать и не сорить, ни в жизни, ни в обществе.

Я занимаюсь комфортной медициной, она помогает человеку быть красивым. Советских людей всегда узнавали по железным зубам, а по золотым коронкам — особенно богатых и особенно партийных. Сейчас мы освобождаемся из этого плена. Мы создаем новую философию медицины, когда красота, естественность, здоровье — норма жизни и красивые зубы — это необходимость. И мой основной принцип в профессии: не рань, не навре-

ди, относись к больному, как к своему ребенку. Трепетное отношение к пациенту, к медицине — проблема, актуальная не только для нашей страны, а для всего мира, без исключений! Вот вам «интернациональный» пример совершенно безответственного подхода к стоматологии. Во всех странах идет такая реклама: семейная паста, одна для всех членов семьи! Абсурд! Зубная паста должна быть не только у каждого своя, она должна быть подобрана специально для вас вашим стоматологом. Один пациент мне сказал: «Я так люблю свою зубную щетку, она у меня уже пять лет!» Можете представить, в каком состоянии его зубы? Я счастлив, что могу поменять ритм жизни, уничтожить эти привычку, косность, нелюбовь и неуважение к себе.

— Что для вас значит «жить»?

— Работать. Многим я кажусь глубоко несчастным и даже сумасшедшим человеком: живу в обычной трехкомнатной квартире в панельном доме на окраине Петербурга. Мне говорят: «Что ты хочешь этим доказать?» Да ничего я не хочу доказывать, просто моя жизнь и мое дело — это одно и то же. Деньги для меня важны тогда, когда они работают, помогают материализовать мои идеи.

— Вы экономный человек?

— Мне жалко тратить деньги на быт, на какие-то удовольствия... Я вспоминаю одну историю. У меня был приятель, который в начале перестройки сильно разбогател. Однажды он мне говорит: «Ты видел когда-нибудь живьем миллион долларов? Пойдем покажу!» Мы пришли к нему, и, как сейчас помню, он открывает чемодан, а там пачки долларов! Ему захотелось все потратить на себя, на дом, на развлечения. И где он теперь, где его деньги?

— А у вас были искушения?

— Конечно. В самом начале моей самостоятельной работы мне предложили большой кредит, я загорелся, размечтался! Мне хватило ума отказаться.

— Почему же?

— Важно соответствовать своим возможностям и рассти сообразно своим деньгам. «Не отдавай сердце мамоне», — говорит Христос. И я часто вспоминаю слова: «Когда богатство умножается, не прилагайте к нему сердца». Я много думаю об этом. Понимаю, что, с одной стороны, нельзя привязываться к богатству, но, с другой стороны, когда богатство идет к тебе, не бойся его, не стремись быть бедным, потому что плохо, если все будут бедными, надо найти равновесие.

— И как же вы его найдете?

— Очень просто: «Светильник для тела есть око. Итак, если око твоё будет чисто, то всё тело твоё будет светло; если же око твоё будет худо, то всё тело твоё будет темно». Вот вам и весь ответ, чего же прощ? Я еще думаю о том, что если человек щедр, то никакое богатство ему не страшно, а если щедрости нет в сердце, то никакая бедность не спасительна. Не богатство плохо, а сребролюбие.

— Вы о чем-нибудь жалеете?

— Мало знаю. Мне постоянно не хватает опыта: идей всегда больше, чем возможности их реализовать.

— Вы обидчивый человек?

— Стараюсь не обижаться, стараюсь воспринимать все как данность, научился с благодарностью принимать все обстоятельства. Я помню, когда я был студентом, у нас была практика в онкологической больнице. Я вошел в палату и увидел глаза, услышал запах гниющего мяса, запах смерти... О чем вы говорите, на что в жизни можно обижаться? Надо быть благодарным, что ты еще жив, пока еще здоров... Все, что с нами происходит, зависит от нас самих. Хотите быть уязвимыми, обиженными? Будете.

— Как же справиться с обидами и неудачами? С болью?

— Простое правило: если тебя пихнули — улыбнись. Нельзя искать оправданий своим неудачам — чем больше себя жалеешь, тем больше тебе не везет. Тупиковый путь. Не для меня.

Экономисты 99 круглого стола 66

Михаил ДОВЖЕНКО,
Дмитрий НАЗАРОВ

«Внимание, вопрос!» — эта интригующая фраза, скорее всего, знакома большинству читателей «Огонька» или по крайней мере тем из них, кто хотя бы раз в жизни видел телепрограмму «Что? Где? Когда?». Но при чем же здесь телевизионная лирика? Да при том, что любой другой «круглый стол», вне зависимости от того, где он проводится, какие проблемы за ним решаются и сколько человек участвует в их обсуждении, имеет такую же структуру. Не является в данном случае исключением и Петербургский экономический форум, который ежегодно проходит в городе на Неве. Именно форма обсуждения вопросов за «круглым столом» и была в свое время выбрана организаторами и участниками этого международного экономического события как основной метод решения насущных проблем. А проблем-то у нас всегда достаточно.

Возникший еще в 1997 году по инициативе Совета Федерации Федерального собрания РФ и Межпарламентской ассамблеи государств-участников Содружества Независимых Государств, а также при активной поддержке российского президента (тогда еще Бориса Ельцина) Петербургский экономический форум вот уже в шестой раз с 18 по 22 июня 2002 года предоставляет возможность международной деловой, интеллектуальной и политической элите превратить Таврический дворец в центр настоящей коллективной «интеллектуальной атаки», направленной на решение актуальных вопросов современного общества.

Какие же именно проблемы обсуждаются и решаются на форуме? Это глобализация, региональная интеграция и государственный суверенитет, межрегиональное сотрудничество, вопросы управления минерально-сырьевым комплексом России, международное военнотехническое сотрудничество, проблемы партнерства между странами ВТО. Появляются новые «круглые столы», одним из них в этом году станет законодательное обеспечение реформирования естественных монополий. Об этом мы попросили рассказать нам одного из ведущих этот семинар Оганеса ОГАНЯНА, председателя комитета Совета Федерации по экономической политике, предпринимательству и собственности.

— Насколько тема вашего «круглого стола» кажется вам актуальной? Ведь она новая для форума, в прошлом году ее не было.

— В прошлом году ее действительно не было, но для нас она не новая. Мы, как палата регионов, очень предметно относимся к вопросам, связанным с деятельностью естественных монополий, и в первую очередь всего, что касается связи. Процесс укрупнения монополий продолжается, и люди тревожатся — не вы-

зовет ли это объединение конфликтов корпоративного интереса с жителями регионов? Поэтому что финансовые потоки могли распределиться таким образом, что для корпорации вроде все хорошо, а налоговая база уменьшается. И в этой связи была очень жесткая позиция федерации относительно реструктуризации. Мы считаем, что обслуживание населения ухудшаться не должно.

Нужно, чтобы та работа, которая проводится, не была направлена только на извлечение прибыли. «Связьинвест» слишком крупная компания, чтобы можно было говорить только об экономической составляющей деятельности. Мы несем на себе еще и огромную социальную нагрузку. Поэтому для нас эта тема совсем не новая...

Нам хотелось бы публично вернуться к этой теме и обсудить ее еще раз. Ведь пока основные моменты не урегулированы. Та программа, которую нам представило Минсвязи, имеет большой перекос в сторону чисто технического совещания. Не политическая акция, а такое совещание по-министерски, каждый будет высказывать свои проблемы... Мы же хотим придать обсуждению более политическое направление — ведь Петербургский форум проходит под эгидой Совета Федерации. Нужно говорить о роли законодательного обеспечения тех реформ, которые проводит Россия, и о той роли нашей страны, которую мы хотим видеть в процессе мировой глобализации.

На форуме вообще будет много нового. Видимо, на одном из «круглых столов» будет обсуждаться закон о банкротстве. Ведь это тоже достаточно серьезная проблема — закон макроэкономический, он касается вообще всех хозяйствующих субъектов. Большой спор идет о банкротстве естественных монополий — как это должно происходить? Если они имеют право банкротить, то почему мы не должны иметь права банкротить их? В то же время их банкротить нельзя, но тогда нужно и естественные монополии лишить этого права. А как тогда обеспечить функционирование экономики?

Мы считаем, что комитет по экономической политике должен больше участвовать в организации содержательной работы. Раньше этим занимался аппарат, политическое управление, а мы хотим сместить немного этот акцент. Уже сейчас идет очень предметная работа — например, мы договорились провести обсуждение законодательного обеспечения реформ естественных монополий. Будем обсуждать реформирование железных дорог и электроэнергетику. Это та концепция, которую исполнительная власть уже подготовила, эти законы внесены в Государственную думу правительством.





ПЕТЕРБУРГСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФОРУМ — ЦЕНТР КОЛЛЕКТИВНОЙ «ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ АТАКИ»



АЛЕКСЕЙ КОМАНЧЕНКО



АЛЕКСЕЙ КОМАНЧЕНКО

— От тех решений, которые вы готовите, кто выиграет — потребители услуг монополий или сами монополии?

— Дело в том, что Совет Федерации — это законодательный орган власти, и мы в первую очередь должны смотреть на благосостояние людей и интересы наших регионов: как они будут учтены? В плане законодательного обеспечения мы и будем рассматривать эти темы. Это будет обсуждением позиций. Мы должны найти золотую середину и облечь наши мысли в конкретные документы — рекомендации для анализа.

В общем, нетрудно заметить, что сам форум, в результате, превращается в своеобразный индикатор происходящих в соответствующих об-

ластях изменений. И одновременно в неплохой рычаг, с помощью которого участники таких петербургских саммитов имеют реальную возможность влиять на принимаемые в этих сферах решения не только в России, но и в странах Содружества. Поскольку те концептуальные вещи, которые проговариваются на форуме, затем, как правило, становятся основой для разработки соответствующих проектов федеральных законов, постановлений правительства, указов и распоряжений президента.

— Тот факт, что на ПЭФ присутствуют многие представители бизнеса и власти, которые интенсивно обмениваются мнениями, очень важен. Поскольку на форуме бизнесмены имеют дополнительную возможность в чем-то убедить представителей власти и затем уже в своей работе опираться на подобные договоренности, — говорит участник ПЭФ-2002 Сергей Александрович ВАСИЛЬЕВ, председатель комитета Совета Федерации по финансовым рынкам и денежному обращению. — Я считаю, что бизнес очень многое для себя выносит из этих встреч. Кроме того, форма «круглого стола» очень гибкая, обсуждение проблем происходит динамично, неутомительно и в результате более эффективно, чем традиционные заседания, где выступает один докладчик.

— Сергей Александрович, в этом году вы собираетесь курировать работу «круглого стола» по теме «Актуальные проблемы развития рынка ценных бумаг и взаимодействия регуляторов рынка ценных бумаг». Насколько актуальна эта тема для сегодняшней России?

— Во-первых, я думаю, что тема именно этого «круглого стола» очень актуальна, потому что все мы находимся в преддверии настоящего инвестиционного бума (это мое достаточно глубокое убеждение). И основным механизмом привлечения инвестиций в российский реальный сектор в обозримом будущем, на мой взгляд, будет именно фондовый рынок. Это более предпочтительный на сегодня механизм заключения долгосрочных инвестиций, нежели, например, банковское кредитование. По крайней мере в этой сфере меньше риска. Во-вторых, важно то, что этот вопрос обсуждается в рамках СНГ. В данном случае нам важно обеспечить единство правил в этой сфере экономических отношений. Наверное, ясно, зачем это нужно. Очевидно, что российский капитал будет участвовать в развитии экономики сопредельных государств и поэтому нам очень важно, чтобы правила на всех этих территориях были хотя бы сопоставимы. Безусловно, нет нужды в том, чтобы они были обязательно одинаковыми, однако общий знаменатель у них должен быть. Кстати, ассамблея СНГ в конце прошлого года приняла модельный закон о рынке ценных бумаг, и сейчас есть понимание того, что законодательство в этой сфере будет проходить процесс унификации. Поэтому все эти вопросы, в том числе на форуме, обсуждаются сейчас на практическом уровне.

— А существует ли какая-то градация важности тем «круглых столов» на форуме?

— Официально — нет, ну а неофициально, наверное, существует. Наиболее важные темы обсуждаются в Таврическом дворце, хотя это тоже не главный показатель. Кстати, параллельно с «круглыми столами» организаторы петербургских встреч также успешно взяли на вооружение традицию организовывать в рамках форума тематические выставки, которые

вполне можно назвать хорошими иллюстрациями к выступлениям участников ПЭФ. Так вот «картинки» с выставкой организаций и инвестиционных проектов участники форума наблюдают в Таврическом дворце уже в третий раз. Сия выставка, как говорят, достаточно подробно способна ознакомить представителей финансовых и деловых кругов с потенциалом предприятий и регионов, определив при этом наиболее привлекательные сферы вложения их капитала.

Именно проблема зарубежных инвестиций в российскую экономику превращается, пожалуй, в один из основных вопросов развития экономики нашей страны последних лет. Вместе с тем в работе Петербургского экономического форума вот уже не первый год участвуют представители множества зарубежных предприятий и организаций, потенциально заинтересованных в сотрудничестве с Россией.

— Удовлетворены ли организаторы форума в Петербурге тем, какой интерес форум вызывает у западных компаний?

— Например, совсем недавно я прилетел из Лондона, где вел переговоры с президентом Европейского банка реконструкции и развития Жаном Лемьером, который, кстати, примет участие в работе форума. Так вот для них наш форум — это приоритетное мероприятие. При этом следует сказать, что ЕБРР — крупнейший европейский инвестор в российскую экономику. В цифрах это свыше 1 миллиарда долларов год. Так что интерес западных компаний существует, и я, например, им в достаточной степени удовлетворен.

Сам я пока не очень доволен результатом. Но это зависит еще и от нас самих, поскольку мы еще не всегда оказываемся готовы к тому, чтобы создать условия для зарубежных инвестиций. Я, например, представляю Ленинградскую область в Совете Федерации, и нашей области не приходится жаловаться на отсутствие интереса со стороны частных инвесторов. Иногда предложений даже больше, чем возможностей, и нам приходится вести до десяти совместных проектов одновременно. Не говоря уже о таких мегапроектах, как, например, «Балтийский трубопровод» или порт Усть-Луги. Но, конечно же, одна или две области еще не делают погоду в России, и иностранные инвестиции еще не пошли таким потоком во все российские регионы. И совместное с западными коллегами обсуждение этой ситуации на форуме представляется очень полезным.

— Каков ваш прогноз на результаты форума в этом году?

— Мы, например, ожидаем и надеемся на подписание рамочного соглашения между Межпарламентской ассамблеей и ЕБРР о дальнейшем совместном проведении этих форумов. Европейский банк реконструкции и развития, таким образом, станет нашим ведущим партнером на Западе. Он будет, используя свою достаточно большую экспертную базу, регулярно готовить какие-то темы для обсуждения на форуме и так далее. Ведь, помимо того, что они инвестируют в Россию, они еще и занимаются тщательным исследованием российской экономики.

Что ж, остается пожелать участникам новых встреч в рамках Петербургского экономического форума не только тщательных исследований российской экономической ситуации, но и плодотворных обсуждений проблем за «круглыми столами».

Сергей Миронов

К Давосу нам не нужно тянуться...



Уже в приемной ощущается, что этот человек безумно занят. На председателе СФ Сергее Миронове и так немало обязанностей. А в последние недели полностью на нем подготовка к шестому Петербургскому экономическому форуму. Плюс еще журналисты, которым именно в это время понадобилось взять интервью. Поз-

тому Миронов говорит быстро, но предельно конкретно и по делу. Признаться, это нравится.

— Нет, вторым Давосом нам никогда не стать. У нас нет иллюзий на этот счет, — заявляет он сразу с порога, и этот реализм тоже нравится: ведь журналисты уже успели окрестить форум «Северным Давосом». —

С другой же стороны, коль скоро Петербургский форум — это детище Совета Федерации, мы не хотим, чтобы это было такое... дежурное, помпезно-торжественное мероприятие. Когда кто-то приезжает, говорит речи, а народ тем временем занимается только «культурной программой». Нет. Мы хотим



Дмитрий НАЗАРОВ
Лев ШЕРСТЕННИКОВ
(фото)

сделать: а) интересно; б) насыщенно; в) полезно с точки зрения контактов в бизнесе. Чтобы люди, потратившие время и даже деньги, для того чтобы принять участие, получили реальную пользу. А к Давосу нам не нужно тянуться. Мы должны найти что-то свое, и мы будем искать.

— Но раз вы считаете, что Давосом вам не стать... В таком случае можно ли рассчитывать на результат? Что-то можно потрогать руками?

— Конечно, обязательно будет что-то, что можно выразить цифрами. Только в 1998 г. были подписаны договоры и протоколы о намерениях на 2,5 млрд. долларов. Можно вспомнить проект Балтийской трубопроводной сети и нефтеналивного терминала в Приморске — эта идея была принята именно на Петербургском форуме. На этом ждем подписания важных контрактов с чехами... но главное — не абсолютные цифры. Мы хотим, чтобы те, кто принимает участие в форуме, смогли получить новые контакты в сфере бизнеса, среди политиков — ведь к нам приезжают многие первые лица государств. Чтобы люди могли завязать новые знакомства, узнать что-то новое в тех или иных сферах деятельности.

А то, что будет получаться у участников по результатам этих новых связей и знакомств, и будет нашими успехами. Впрочем, успехов уже достаточно — посмотрите хотя бы, как изменились состав и количество участников за последние годы. Люди едут, значит, считают форум эффективным.

— То, что с этого года форумом будет руководить петербуржец, то есть вы, повлияет как-то на судьбу форума и на то, что будет там происходить?

— Вряд ли повлияет место моего рождения. А вот место работы — да. Мне как руководителю Совета Федерации хочется сделать форум максимально привлекательным и полезным. И первое, что произойдет, — все без исключения депутаты Законодательного собрания Санкт-Петербурга будут участниками этого форума. Раньше нам давали какую-то разнарядку на пятерых-десятерых. Теперь будут приглашены все пятьдесят депутатов.

Будут и другие изменения. Раньше каждый форум проходил по специальному указу президента. Теперь же подписан указ о том, что форум будет проводиться ежегодно. Пройдут новые «круглые столы»: вступление в ВТО — актуальнейший на сегодня вопрос, «круглый стол» проведет Евгений Примаков, а второе

Ф О Р У М

Для того чтобы обсудить вызовы XXI века, площадки нужного уровня в мире пока нет. А форум вполне мог бы ею стать

важнейшее мероприятие — обсуждение проблем рынка ценных бумаг. Для участия в нем уже записались представители 19 стран мира.

Для того чтобы было интереснее, формальных докладов не будет. После сообщений последуют вопросы к докладчику в формате дискуссии, причем мы постараемся дать возможность высказаться каждому, независимо от того, VIP-персона участник форума или нет. Мы обеспечим техническую возможность для выступления из зала, вопросов, реплик и комментариев.

В этом году мы расширим круг проблем для обсуждения. Попробуем провести «круглый стол» на общегуманитарную тему и посмотрим, как это будет звучать. Мировое сообщество сегодня волнуют не только финансы, но и проблемы глобализации, здравоохранения, экологии, прав человека.

Но если Давос у нас в основном для экономистов, и по финансовым проблемам вообще есть множество площадок для работы, то для того чтобы обсудить, например, вызовы XXI века, проблемы сохранения цивилизации или экологические проблемы, площадки нужного уровня в мире пока нет. А форум вполне мог бы ею стать.

Если все пойдет хорошо, то на следующий год планируем расширить это начинание и постепенно переносить экономические проблемы на Байкальский экономический форум, который тоже курирует Совет Федерации. Мы не собираемся отказываться в Петербурге от экономической составляющей, потому что есть уже определенные наработки, традиции, но хотим дать возможность высказаться и на другие темы.

А что касается культурной программы, тут ничего не надо выдумывать. Белые ночи, наш город-музей под открытым небом замечательны сами по себе.

— А вам самому часто удается бывать в родном городе в последнее время?

— Нет, не так часто, как хотелось бы, совсем нечасто, примерно раз в месяц. Наверное, у кого-то из моих знакомых есть ощущение какой-то моей оторванности от города. Хотя я читаю все статьи, смотрю все новости — два раза в неделю мне привозят кассеты с новостными блоками. Со своими коллегами я на прямом контакте. И обязательно, когда еду в Петербург, встречаюсь там с ними, отчитываюсь о своей работе. Кстати, очередная встреча будет проходить во время форума. По их просьбе я проведу приватную беседу так, чтобы они могли задать любые вопросы, откровенно высказаться.

— Говорят, что сегодня питерских стало во власти слишком много.

— Мало! Слишком мало! Нужно, чтобы было больше.

— Тогда откройте секрет — как жителю Питера попасть во власть, чтобы питерцев было больше?

— Нет, не открою. Государственная тайна. (Смеется.) А вообще в Питере в целом мягче отношение к людям. Видимо, это помогает. Ведь душевность, чуткость во взаимоотношениях с людьми — это чисто питерская черта, и политики, работающие здесь, приносят это с собой. В Москве как-то больше прагматизма. В Питере люди легче идут на контакт, и это чувствуется. Появился даже термин — «петербургский стиль».

В столице многие говорят про Питер: мол, «провинция приехала». На самом-то деле так оно и есть. Питер действительно провинция, и когда нам говорят: «Когда вы избавитесь от своего провинциализма!» — имеют в виду как раз то, от чего не надо избавляться. Это абсолютно нормальная манера общения с людьми.

— По поводу провинции... а как же быть со слухами о переносе столицы в Петербург?

— Никто реально не хочет туда переносить... мне так думается. Жалко город. Потому что весь питерский особый менталитет и дух, о которых я говорил, сразу исчезнут. После того как город был столицей столько лет, он живет с этой гордостью... Но если сделать из него столицу, эта самобытность начнет из города исчезать.

— А если начать с Думы? Раньше ведь она была в Таврическом дворце.

— Нет. Мое глубочайшее убеждение, что президент, правительство и Федеральное собрание должны работать в одном городе — в столице нашей Родины Москве.

— Тогда пару слов о вашей работе. Что изменилось по сравнению со Строевым, как поменялся с вашим приходом Совет Федерации?

— Много поменялось объективно, независимо от того, что был Строев, а пришел я. В связи с тем, что изменился порядок формирования, изменились и ритм работы, и объемы, и стиль. Постоянно работают комитеты и комиссии в отличие от предыдущих созывов, когда на сессии приезжали раз в месяц и накануне один день работал комитет... Изменили аппарат, привели его в соответствии с новыми задачами и функциями. Все это было завершено в феврале, а сегодня уже идет нормальная работа в соответствии с новыми функциями.

То, что мы организовали Совет законодателей, и то, что президент присутствовал на этом совещании, говорит о том, что идет нормальная, очень плотная и конструктивная работа.

— С началом вашей деятельности в Совете Федерации на малой родине что-то изменилось в отношении к вам?

— Чувствую, конечно, что в публикациях есть эта нотка — мол, куда-то улетел наш соколик, высоко, далеко и, дескать, теперь ему не до города... Хотя на самом деле до города. И кто реально знает ситуацию, в курсе, что и сегодня я вовлечен во все городские процессы, в том числе и через общественно-политическое движение «Воля Петербурга», которое возглавляю. Сейчас мы готовимся к выборам в Законодательное собрание...

— Волнуетесь за своих?

— Конечно, волнуясь.

Кумир китайской молодежи

**Николай Островский
как
основатель
новой религии**

«Как закалялась сталь» в суровой серой обложке, с пожелтевшими страницами я выбросила в позапрошлом году во время ремонта в квартире. И теперь жалею об этом. Почему — сейчас расскажу.

Если выйти на Тверскую и идти к книжному магазину «Москва», непременно наткнешься на пластиковый щит выставки восковых фигур. А вот мимо скромной таблички «Музей-квартира Н.А. Островского «Преодоление» пройдешь не заметив. Но, войдя с жаркой и пыльной Тверской то ли в обычную музейную, то ли в могильную прохладу, удивленно отметишь: ведь приходят же! Честное слово, сюда приходят и старенькие, и маленькие, и средних лет.

— Как? Почему это вас удивляет? — встречно удивляется Галина Храбровицкая, директор музея. — Тут приходил к нам писатель Ерофеев, так он ушел от нас совершенно другим человеком. У нас уникальный музей. Мы музей человеческого духа.

Пятнадцатилетний Островский, уходя на войну с врагами светлого будущего, вряд ли предполагал, что через несколько десятков лет в музее его имени будет настоящая Мекка для людей, которые «преодолели»: слепых художников, парализованных скульпторов и безногих спортсменов. Стенды, посвященные их «преодолениям», занимают сегодня большую часть музея. Вот Марголин со своим пистолетом — я даже не задумывалась раньше, что он создавал его, будучи слепым. Вот потерявшая в 43-м под Курском руки и ноги медсестра Зина Туснолбова, работавшая после этого диктором на радио и каким-то непостижимым образом воспитавшая двоих детей. Победивший болезнь Бехтерева и предсказания врачей «голодарь» Сергей Бородин. Слепоглухонемой кандидат психологических наук Александр Суворов.

Директор «Преодоления» Галина Ивановна — идеалистка. Она неважно себя чувствует сегодня, у нее гипертония, а на этой неделе, как назло, опять навалилось много хлопот. Администрация «Елисеевского» давно желает расширить свои площади. «Елисеевские» мечтают наполнить мертвое на первый взгляд помещение Музея Островского живой суетой торговли, продавать не задумывающимся о светлом будущем гражданам шампанское и перепелиные яйца (интересно, ел ли Островский яйца перепелок? Пил ли шампанское? Что он вообще ел? Ведь герои тоже едят. Но уж про восемнадцать видов майонеза в одном магазине Островский точно не мечтал. Он мечтал, наверное, о каком-то другом счастье всего человечества). Хлопоты с несознательными чиновниками здорово подрывают здоровье Галины Ивановны. Но она не унывает.

— Островский тоже терял с чиновниками здоровье, — говорит она, — предчувствовал обворочивание партии. Но вы идите, идите. Посмотрите экспозицию.

В школе многих из нас стыдили аттестатом Островского. Вот он висит, этот пятерочный аттестат. В сущности, Островский всю свою жизнь прожил отличником, но нас его пример тогда вдохновлял плохо. Потому что мы уже тогда понимали, что со светлым будущим нас прокатили.

Личные вещи — трость (он с двадцати лет ходил с тростью), керосиновая лампа, шахматная доска с неполным набором фигур — потерялись во времени. Пишущая машинка, простая рубашка. Вполне аскетичный набор, он подошел бы любому святому. Андре Жид так и назвал Островского — «святой», кокетничая, что стесняется делать это в атеистичной стране.

В Музее «Преодоление» нет экскурсоводов. Экскурсии ведут научные сотрудники. Один из них — Дмитрий Сарана. У него простое лицо, восточные ясные глаза и большие руки.

— В начале девятых да, спад посещений был у нас, потом приходили некоторые, плевались буквально. Или ведешь экскурсию, а один выходит: «Вранье это все, — с вызовом говорит. — И книжку не сам писал, и вообще... Кому жизнь отдал, за что?»

— А за что действительно?

— Ну как. Идеалы были у него. Верил он в это. А как без веры? Наша страна всегда на этом выживала. Возьмите вот 1612 год. Смуты, поляки, все, казалось бы. И пожалуйста — откуда что берется — Минин и Пожарский! У нас всегда так.

— Без веры нельзя, — подумав, продолжает Сарана. — Один посетитель пришел, смотрел-смотрел и вдруг ко мне подбегает.

— Он же Иисус! Настоящий Иисус! — говорит.

— Получается, он даже круче, — говорю я. — Он девять лет висел на своем кресте, а Иисус — меньше суток. А Будда, девять лет просидевший перед стеной, по сравнению с Островским — просто мальчишка.

Сарана смотрит на меня искоса и ничего не говорит. Согласен, наверное.

— Вот вы зря иронизируете, — говорит Галина Ивановна, хотя я не иронизировала. — Сразу видно, что вы сами по себе далеки от Островского. Вы хотя бы понимаете, что при жизни как писатель он был известен всего четыре года, и за это время вышли пятьдесят четыре издания его книги — это же рекорд Гиннеса! Магнитофонов ведь тогда не было. Он диктовал свои книги и все главы держал в голове. Представляете?

Я попыталась представить себе хотя бы абзац собственного текста и потерпела поражение. — Кольцов в «Правде» сравнил тело Островского с мумией, и писатель обиделся. Сказал, что он не мумия. Он ведь жил, его мозг был жив! У него было восемь диагнозов, и от каждого можно было умереть, а он не умер. А теперь — не сам писал, не сам страдал...

Возле стенда с фотографиями стоит подорожник.

— Это что, он уже слепой нарисовал? — спрашивает он Сарану.

— Да, уже слепой, — и рассказывает мальчику о слепом художнике Сергее Поползине. Как тот использует для разметки холста медвежьи иглы. Как в руке смешивает краски. Задумчивый мальчик долго еще разглядывает нарисованную чайку.

— Вот к нам девочка пришла однажды, — продолжает Галина Ивановна. — Провалилась

на экзамене, идет по музею, рыдает. Потом перестает плакать и пишет в книге отзыв: «Знаю, как теперь жить». То есть ее проблема оказалась ей очень мелкой, понимаете? Ведь, чтобы что-то в жизни преодолеть, необязательно не иметь ног и рук. Вот я недавно была в Китае. Экономически он изменился за последние годы, это факт. И что вы думаете — за последнее десятилетие Островский издавался у них тридцать два раза! Полуторамиллионным тиражом! И китайцы не пожалели полтора миллиона долларов, чтобы создать фильм «Как закалялась сталь».

— Там что, китайцы играют?

— Нет, там играют украинские актеры. Только когда, по книге, на площадь в Шепетовке выбегает китаец — только это сыграл китайский актер. Но дело не в этом, а в том, что прежде чем начать делать фильм, они провели социологический опрос, по кому из мировых классиков люди хотели бы видеть сериал. И Островский с большим перевесом победил! Двадцать серий они сняли. И первый показ по телевидению был во время китайского Нового года. Когда семей садятся и смотрят телевизор! И портреты Островского там не редкость. Он до сих пор сегодня кумир китайской молодежи. А у нас почти забыт. Разве это правильно?

— Учителя сегодня какие-то странные, — говорит другая сотрудница музея, Людмила Ильинична. — Я провожу экскурсию, дети слушают, всем интересно. А учительница говорит: «А теперь, дети, давайте вспомним, когда Островский написал свою пьесу «Гроза».

— Лев Аннинский, литературный критик, так и спрашивал: «Зачем душе сталь?» — испытывает меня Галина Ивановна.

— Зачем?

— Как зачем? Ведь не знает никто, что вас поджидает в этой жизни — вот зачем душе сталь. Один начинает пить, другой попрошайничать. А кто-то хочет быть полезным, как Островский.

Слабый человек, я уже не знаю, кем восхищаться — то ли Островским, то ли парализованной марафонкой Натальей Алексеевой, выигравшей золотую медаль в гонках на колясках. Меня поражает, что на стенах столько самоделок. Американским инвалидам и не снилось, что может придумать и сконструировать русский инвалид для того, чтобы войти в строй нормальных людей. Это наша славная традиция — от трафарета, резной дощечки, которую смастерили слепому Островскому для письма друзья, до самодельной колясочки, которую сделала себе, чтобы ходить, простая русская женщина Людмила Рогова, когда врачи обещали ей неподвижность. Мы сами выживаем вопреки всему. Есть общества, где удобно быть инвалидом, а есть — где удобнее быть героем. У нас надо быть героем. Островский, уже отдав Родине здоровье, неподвижно лежал в неудобной и шумной коммунальной квартире, пока не стал героем, не написал (не надиктовал жене) книжку. Тогда, ровно за год до смерти, Родина перевезла борца за светлое будущее на Тверскую, в эту двухкомнатную квартиру.

Дмитрий Сарана показывает мне книгу отзывов. Там в основном, конечно: «Удивительно» и «Восхищена» и «Давно не было так светло». Детский лепет еще интереснее. С ошибками пишут похвалу Островскому юные

кадеты. «Очень неразвитые парнишки», — комментирует Сарана. Пэтушники пишут: «Островского надо читать! Леха и Питон». Сарана морщится.

— Молодняк с пивом часто приходит. Рекламы насмотрятся... Я их гоняю.

Приходят скауты — учатся мужеству. И даже православная школа «Радонеж» привела своих питомцев учиться христианскому терпению. У Островского, у Павки Корчагина учится школа «Радонеж»! Ну просто не устаешь поражаться сюрреализму жизни. Вдобавок мне рассказывают, что дом, где сегодня находится Музей «Преодоление», был построен в XVIII веке Матвеем Казаковым для вдовы статс-секретаря императрицы Екатерины Второй Екатерины Ивановны Козлицкой. В XIX веке здесь был знаменитый салон княгини Зинаиды Волконской. Для сотрудников же музея все они — и княгиня, и Островский, и инвалиды-герои — уже одна большая семья «преодоленцев», есть такое слово.

— Знаете, как она умерла? — рассказывает мне про княгиню Людмила Ильинична. — Однажды зимой в Риме, она тогда уже уехала из России и жила в Италии, старая княгиня отдала какой-то нищенке свою накидку, простудилась и умерла. Вам, возможно, это трудно понять, но это высшая форма христианского самопожертвования. У нашего музея удивительная энергетика. Все тянется в наш дом. И наследники декабристов. И потомки Кутузова приходили. И первый клавесин, который потом с женами декабристов приехал в Сибирь, здесь был водружен. Мы проводим фестивали памяти княгини каждый год. У нее был талант доброты...

Нет, честное слово, от этого музея у меня едет «крыша». Пионеры и кадеты, фестивали княгини Волконской, отдавшей нищенке накидку, и Островский, и православная школа, и декабристы, и глухой певец, и безрукий художник... Срочно надо на воздух, на Тверскую — с ее рекламными щитами, с «Елисеевским» магазином...

Я выхожу из пахнущей мастикой двухкомнатной квартиры, где все с 36-го года осталось по-прежнему — суровая железная кровать с высокими подушками, задранные шторы... В соседних залах вокруг восковых знаменитостей с желтыми лицами толпятся зеваки. Меня провожает Людмила Ильинична.

— Есть у нас тут мистика какая-то, да, вы чувствуете?

О! Еще бы я не чувствую!

— Получается, что в этом склепном, как вы сказали, помещении жил абсолютно жизнелюбивый человек. Островский. Да, его пытались идеализировать. Его рафинировали. А он был нормальным темпераментным мужчиной. Он был даже чуть ли не троцкистом и из комсомола исключался. Оказалось, что он увлекался многими девушками. Будучи уже неподвижным. И он вдохновил людей жить и до сих пор вдохновляет. Вы это увидели?

И вот тогда я пожалела, что выбросила в позапрошлом году «Как закалялась сталь» в суровой серой обложке. Оказывается, за последние двенадцать лет она не издавалась у нас ни разу. Надо будет взять в библиотеке. А вы, если не сдали экзамен, если вы инвалид, если вам чего-то не хватает, идите на Тверскую, 14. Здесь всего за пять рублей вас хотя бы ненадолго сделают счастливым. ■

фильм «Как закалялась сталь» — двадцать серий И первый показ китайцы не пожалели полтора миллиона долларов, чтобы создать

по телевидению был во время китайского Нового года

Дмитрий
БЫКОВ

Собрание сочинений



Не будет большим преувеличением сказать, что темы школьных экзаменационных сочинений в этом году почти безупречны. Особенно на фоне тестов по литературе, предложенных в качестве предварительного образца для единого госэкзамена: там, помнится, был перл на перле. На этот раз Министерство образования постаралось как следует, пожалуй, что и с некоторым перебором: единственная проблема набора из 280 тем, собранных в 35 блоков по 8 штук, заключается в том, что почти все эти темы рассчитаны на довольно-таки продвинутого школьника. И это несколько контрастирует с уровнем преподавания литературы в отечественных школах — не только провинциальных, но и московских.

Я об этом уровне имею некоторое представление, поскольку не так давно преподавал и сам, да и новые авторы приходят в газету ежедневно: то девочка напишет, что «Гамлет» входит в число «Маленьких трагедий», то мальчик не знает, что в России творили трое Толстых... Для меня, ребенка книжного, такие темы были бы сущим подарком, но вот современному выпускнику большинство, боюсь, не по зубам. Особенно если учесть, что москвичам достался достаточно трудный седьмой блок.

Но обо всем по порядку. Что поначалу даже радует, так это отсутствие наиболее нудных произведений советского периода. Нету не только фадеевского «Разгрома» или, допустим, горьковской «Матери», но и Гроссмана; сведен к минимуму Шолохов. Из всего XX века оставлены Бунин, «Мастер и Маргарита», «Белая гвардия», новеллистика Платонова и Солженицына, «На дне» и малая проза Горького да «одно из произведений» (на выбор) В. Распутина. В общем, подозреваю, что темы эти составились людьми моего поколения, которым почти вся литература советского периода представлялась чем-то вроде жесткого мяса, навязавшего на зубах, или красного кирпича, из которого кладут фабричные трубы. Никаких социалистических строителей и революционных развитий — все старательно переведено в нейтральный философский и психологический план, вроде «Кто ничего не делает, с тем ничего не становится» (тема жизнестворчества у Горького). Тут, кстати, можно проследить единственную явно идеологическую тенденцию — формирование активной жизненной позиции: детей все время пытаются заставить что-нибудь делать. Со своей стороны я ничего против этого не могу возразить, даже если б и хотел: «Без действия нет жизни» (В.Г. Белинский) — отличная тема, тем более что и развивать ее предложено на любом произведении русской литературы.

Это вообще приятная черта новых тем — дается некий тезис (причем автором его может быть и Ключевский, автор внепрограммный, и Добролюбов, в программе представленный по минимуму), а иллюстрировать и раскрывать его можешь на чем хочешь. Хоть на материале современной российской литературы. И цитаты все подобраны приличные, о необходимости светлых мыслей, добрых чувств и деятельной любви к Родине. Спекуляций на патриотизме практически нет, и это отдельный повод для радости. Нету размытых, абстрактных, мучительных формулировок вроде «Тема Родины у такого-то». Вообще отбор произведений для анализа отражает еще одну приятнейшую тенденцию — капитально возросшее доверие к старшекласснику: ему предлагается разобрать любовную (а часто и попросту эротическую) прозу Бунина, ему предписано читать «Идиота» и сатиру Салтыкова-Щедрина... Словом, для подростка, который действительно любит читать, тут настоящий пир самовыражения и самоутверждения. Слава богу, что отказались от ублюдочной идеи — заменить сочинение изложением; слава богу, что почти тотальное упрощение русской культуры и общественной жизни покуда не коснулось школьного филологического курса. Новая и тоже важная тенденция предлагаемых тем — их прохладный эстетизм, отсутствие перекося в либеральную либо консервативную сторону, литература и впрямь

должна изучаться не с политических и даже, боюсь, не с исторических позиций. Хорошо, что нет разоблачений проклятого прошлого, как и апологетики в его же адрес. Из всей обширной историко-революционной литературы выбрана наиболее нейтральная, объективистская «Белая гвардия» (хотя мне обидно отсутствие Бабеля, а, впрочем, школьник свободен привлечь его к анализу в сочинении на любую свободную тему). Почти ничего о Сталине, никаких «Детей Арбата» или «Белых одежд», над которыми так мучились (а иногда и не только мучились) дети девяностых. Такое чувство, что в России последних двух веков ничего особенного и не было, кроме природы да подвижнического труда русских интеллигентов. Был, конечно, Иван Денисович, но и тот сохранил душу живу, о Матрене уж не говоря. Шестидесятников как будто тоже не было, но, во-первых, они исторически слишком близко, а во-вторых, едва ли они входят в активный читательский обиход современного старшеклассника. Можно было бы посотать на полное отсутствие в программе — и соответственно в темах — тех произведений, которые наверняка читались и читаются нынешними детьми: я говорю о фантастике, сказках, условных и сатирических сочинениях — за всю фантастику отдывается один Булгаков с «Мастером». Гоголь представлен в основном сочинениями реалистическими — «Мертвыми душами» и «Ревизором»; Пушкин — «Онегиным» и «Повестями Белкина» (хотя «Пиковая дама» и «Медный всадник» ничуть не менее увлекательны). Если на то пошло, я пересмотрел бы и такой фундаментальный вопрос, как включение в программу «Войны и мира» — этот главный русский роман явно труден для десятиклассников, его и в одиннадцатом классе не все осилили бы, — тогда как у Толстого есть «Полтава» и «Казак»; «Отец Сергий» и «Фальшивый купон», то есть сочинения ничуть не менее увлекательные и куда более доступные. Однако от предложения сделать «Войну и мир» факультативным чтением, на любителя, удерживает меня только предположение, что тогда школьники могут вовсе никогда не прочесть эту вещь: в современной русской жизни к такому умственному усилию никто не располагает...

Примечательная черта нового курса литературы, какому он вырисовывается по темам выпускных сочинений, — внимание к деталям, к второстепенным эпизодам... Но тут я, пожалуй, уже и задумываюсь — хорошо ли это. Это как раз отражение главной тенденции — полной, хотя и тщательно маскируемой неразберихи в новой концепции российской истории. Этой концепции попросту нет, а потому нет и сравнений «Базаров и Рахметов» или, допустим, «Базаров и Раскольников». А ведь русская литература, что хотите со мной делайте, была прежде всего социальна, и рассматривать ее в чисто эстетическом ключе никак не получается. Везде, где речь заходит о государстве, о конкретном социальном зле, о потерянном поколении, школьнику предлагают отвлечься на что-нибудь более нейтральное: вместо хрестоматийной старинной темы «Почему Печорин назван героем нашего времени?» предлагаются мельчайшие темы — странички на две, и то размазывать придется — «Печорин и Вернер» или «Печорин и «водяное общество». Предложили бы уж тогда, что ли, «Печорин и женщины» — все как-то ближе старшекласснику, да и материала больше... И вместо анализа лермонтовской «Думы» — вероятно, во избежание нежелательных ассоциаций, — школьнику предложено разобрать «И скучно, и грустно», то есть стихотворение чисто лирическое вместо стихотворений откровенно гражданственного звучания типа «Кинжала» или «Жалобы турка». Тогда уж вспомнили бы, что ли, «Валерию», с его знаменитыми строчками: «Чеченец посмотрел лукаво и головою покачал».

Вот откуда удивительная на первый взгляд тонкость и сложность, а на деле, увы, мелочность формулировок: авторы новых тем всячески скрывают — боюсь, даже от себя — свое желание отвлечь школьника от главного. Про-

работка деталей, обилие натурфилософской лирики Тютчева и Заболоцкого, темы, разработка которых сделала бы честь изобретателям формального метода, при каком-то стыдливом стремлении отводить глаза, когда речь заходит о наиболее болезненных нервных узлах российской истории: идиллия у нас, да и только! Если же старое и конфликтует с новым, то исключительно в поэме «Кому на Руси жить хорошо». Нет бы поговорить о лжи и умолчаниях в литературе социалистического реализма, или рассмотреть бы отношение Чехова к богатеньким, или поговорить хоть о страшной деревне в изображении Бунина... Но нет, и в деревне у нас все было пристойно, как в «Суходоле»: «И старинная мечтательная жизнь встанет перед тобою» — это, стало быть, тема по Бунину. Словно и не он писал «Деревню» или «Братьев». Больше того, предлагается проанализировать сцену прощания Катерины с Тихоном — задача вполне формальная, литературоведческого свойства, но ни слова не говорится о проблеме пресловутого «темного царства»: насильственная социализация литературы была, конечно, дурна, но ведь и насильственная ее эстетизация и выхолащивание тоже ничего доброго не сулят. Конечно, темам судьбы и Бога, единения с природой и борьбы за счастье русские писатели уделяли много внимания, кто спорит, однако не меньше их волновала проблематика социальная и экзистенциальная, причем одно без другого не мыслилось. О смысле жизни думали, не только глядя в небо, как Тютчев. Кстати, ему посвящены целых три темы — очень актуальный стал поэт.

И еще одна забавная деталь. Русские писатели в рамках курса родной литературы по-прежнему не эволюционируют. Они словно застыли в рамках раз и навсегда обозначенных периодов, а между тем и Пушкин, и Гоголь, и Толстой, и Достоевский (которого, слава богу, в программе теперь много) менялись непрерывно. Почти у всех вектор этой эволюции прослеживается довольно четко — от либерализма к государственничеству, от вольнолюбия к консерватизму, един и целостен, но и в целостности этой изменчив был Маяковский. Именно эволюция писателя представляет наибольший интерес в истории литературы, однако тем типа «Творческий путь Пушкина» или «Духовная эволюция Гоголя» в школьных сочинениях как не было, так и нет. Писатель есть непререкаемый духовный авторитет.

Короче, обрадовавшись поначалу деидеологизации и утонченности формулировок, под конец начинаешь всерьез задумываться: да что же вынесут эти дети из курса литературы? Над какими мелочами им предстоит всерьез ломать голову, вместо того чтобы задуматься об истории и предназначении своего государства, о метаниях и отчаянии его лучших писателей? Разумеется, все эти темы легко наполнить произвольным содержанием, сформулированы они, слава богу, не императивно, но разве не чувствует школьник, как его подталкивают к культурологии и натурфилософии — от историзма и гражданственности?

В общем, все это очень приятно. И очень тревожно. Оно, может, и правильно, что школьнику во всем предлагают разобраться самому, а все-таки русская классика состоит не из деталей, не из ремарок и не из психологических портретов. Это все гарниз. И русская литература всегда была школой совести — пусть даже создатели ее и ошибались в своих прогнозах на каждом шагу. Не нужно думать, что включение в программу «Идиота», а не «Бесов», допустим, отвлечет школьников от идеологии. Это тоже идеология — идеология эскапизма, которой в той или иной форме проникнут весь современный курс русской литературы.

Наверное, это лучше, чем сплошная идеологизация и зазубривание наизусть фрагмента: «Чествуя Герцена, мы ясно видим три этапа...»

Но тогда уж давайте, что ли, изучать французскую литературу. С эстетической точки зрения она не слабее, а с социальной даже и безопаснее.

Людмила ЛУНИНА

Как воспитать олигарха

Мария Александровна Йордан

На интервью с Марией Александровной Йордан, мамой известного российского олигарха Бориса Йордана, я шла со смешанным чувством любопытства и неловкости. Насчет любопытства все понятно — кто же откажется поговорить с мамой олигарха? А заранее неловко было потому, что я в принципе не понимаю их менталитета.

Их — то есть потомков русских эмигрантов

В 1993 году в Париже меня познакомили с Андреем Гучковым, младшим сыном октябриста А.И. Гучкова, который входил во Временное правительство. Андрей был сама любезность: показал мне Версаль, пригласил на фондю. Оно должно было состояться в доме батюшки местной церкви после вечерней службы. А так как Андрей Александрович (помимо членства в организации Amnesty International) пел в церковном хоре, то он меня позвал на всю программу, включая пение. В результате я простояла два часа в церкви, дивясь собственной набожности. А потом в доме у батюшки меня спрашивали, верю ли я в Бога. И я плела что-то, в таких случаях слабо уместное, о пионерском детстве и еврейской крови, которые безумно усложняют мое конфессиональное самоопределение. И

еще там же, за фондю, молодые люди, мои ровесники, говорящие на чистом и неуместно галантном русском языке, показывали фотоальбом своей боевой славы (аналог советского дембельского): во французской провинции они восстановили кладбище русских гренадеров, павших в войне 1812 года.

В общем, странные эти заграничные русские. Они святее, чем патриарх, гуманнее, чем Д.С. Лихачев. Они так трепетно относятся к своей национальной идентификации, словно в быту их окружают не европы-америки, а Центральная Африка. Они живут по патриархальным традициям: много детей, жена — хранительница очага, по воскресеньям вся семья ходит в церковь. Они гораздо более русские, чем те, кто никуда не уезжал. (Кстати, в том парижском доме, где я была, самой ортодоксальной христианкой оказалась француженка — невестка батюшки, она во время службы нещадно крестилась и кланялась в пол.)

Рядом с потомками эмигрантов легко почувствовать себя если не бедным, то уж наверняка диким родственником. Отношение в современной России к ним настороженное: приехали из своего благополучного далека в немытые пенаты сеять разумное, доброе, вечное. Чем больше они выказывают благородства, тем больше мы ощущаем себя благодетельствованными. Не очень комфортное чувство. А они, наверное, и не хотят никого благодетельствовать. Они хотят приносить пользу обществу, быть такими, как все. Но для этого им надо перестать быть собой. Мы ведь страна победившего индивидуализма.

Впрочем, к Марии Александровне Йордан все вышесказанное относится постольку-поскольку. Если ее и тревожит культуртрегерская миссия, то гораздо меньше, чем жизнь ее семьи, мужа, четырех детей и девяти (скоро родится десятый) внуков. На все мои мировоззренческие недоумения у нее находились понятные, житейски разумные ответы.

— Мои родители повенчались в 1923 году. Отец успел в России поступить в Институт путей сообщения, доучивался он в университете в Югославии, где родилась я. Не сразу, но постепенно жизнь наладилась. И вдруг война, все рухнуло. Родители тянули с отъездом до последнего — отец не хотел оставлять в Белграде старенькую мать. Мы уходили, когда уже были взорваны мосты, с несколькими чемоданами в руках.

— У вашего мужа такая же трудная судьба, как и у вас?

— Наши судьбы все-таки отличаются. Алексей Борисович в шесть лет потерял мать, сначала воспитывался бабушкой, а затем в кадетском корпусе в Югославии. Высшее образование получил во Франции. В детстве он страдал от недостатка семейного тепла. Мне же жаловаться не на что. Несмотря на все трудности, мы с родителями жили дружно и счастливо.

И позже, уже в моей взрослой жизни, нам приходилось непросто. Четверо детей, трое стариков на руках, мачеха мужа ослепла, отец был разбит параличом. Физически иногда было очень тяжело. Но у нас такая семья: все обычно любят пошутить, и никто ни на



Мария Александровна
и Алексей Борисович
с детьми:
Борисом, Екатериной и Николаем

что не жалуется. Я думаю, и для детей это было важно: они видели, что жизнь оборачивается разными своими сторонами, что есть и болезни, и страдания. Но, если ко всему относиться правильно, это все можно пережить. Трудности забываются, в памяти остается только хорошее. Оглядываясь назад, я бы ничего в жизни не изменила.

— Мария Александровна, а если по порядку. Родились, в десять лет бежали с родителями из Югославии.

— У нас была большая семья, много родственников. Перед эвакуацией на карте Европы мы выбрали город и условились, что если выживем, то встретимся потом в этом городочке. Добрались до него всего две семьи.

Нас поселили в лагере беженцев. С русскими эмигрантами было много проблем: у нас не было паспортов, не было гражданства. Многие, живя в Югославии, Франции или Германии, не хотели принимать новое гражданство. У первой волны эмигрантов была горячая вера, что пройдет еще год, пять, десять — и можно будет вернуться в Россию. Каждое Рождество первый тост поднимали за то, чтобы следующие рождественские праздники отмечать в России. В 50—60-е годы мы утратили иллюзии своих родителей, но тост за Россию поднимали всегда.

— И как же тогда, сразу после войны, решилась проблема с гражданством?

— В конце концов Лига Наций выдала нам так называемые нансеновские паспорта. Мой двоюродный брат живет с ним до сих пор. Он так и не принял гражданства ни одной страны.

— Это мешает?

— В принципе нет. Но не так давно мы собирались в Самаре, всей своей большой семьей. Он приехать не смог, ему не дали русской визы.

— Мария Александровна, вы не объясните мне, почему потомки русских эмигрантов в большинстве своем глубоко верующие люди? Да, так было принято до революции в России, но весь XX век — это же перманентное торжество позитивизма: Фрейд, Маркс, после войны — сексуальная революция.

— Когда я была молодая, сексуальная революция еще не пришла. Вы правы, в России до революции было много верующих людей, но когда на людей находит беда, они всегда еще больше обращаются к Богу: «Гром не грянет, мужик не перекрестится». Хорошим примером может послужить террористический акт 11 сентября в США. После этого акта все американцы обратились к Богу и начали чаще посещать церковные службы. Так и русские эмигранты Богу молились о спасении России. И еще один важный момент: на наше поколение сильное влияние оказали наши родители.

— Но обычно дети восстают против родительских ценностей.

— Это в том случае, если родители думают одно, говорят другое и делают третье. Наше же старшее поколение было очень цельным. Чем дольше я живу, тем сильнее я перед ними преклоняюсь. Их патриотизм, любовь к России были такими неподдельными, что не проникнуться их ценностями было

просто невозможно. И потом, не забывайте, что поколение моих родителей, те, кто уехал из России в 20 — 30-летнем возрасте, за границей жили очень трудно. И они прилагали максимум усилий, чтобы сберечь свою национальную сущность. Открывали гимназии, школы, девичьи институты, преподавали там часто бесплатно, хотя у них была возможность устроить свою жизнь в материальном плане более удачно. Они бились как могли с нами, с молодежью. И свою веру в то, что мы обязательно вернемся, они передавали нам. Они были очень идейными.

Мы знали обо всем, что происходило в России. Это здесь жила за «железным занавесом» — для нас такого понятия не существовало.

А что касается церкви, это был мощный объединительный институт — и духовный, и национальный, и патриотический. Денег на роскошные развлечения не было — церковь была самой привычной формой социальной жизни. При ней обычно работали дом культуры, клубы, музеи. Здесь учили детей, проводили танцы, завязывались знакомства, любовь, устраивались браки. В каждом скаутском лагере имелись церкви. Вы могли приехать в незнакомый город, в новую страну — шли в русскую церковь, и у вас появлялись друзья, вам помогали. Так было везде, где жила русская эмиграция: в Венесуэле, США или Франции.

— Вы, как я прочитала, по образованию детский психолог. А где вы учились?

— Гимназию и университет я окончила в США, куда наша семья переехала в 1947 году. В 58-м мы с Алексеем Борисовичем поженились. Нас познакомил мой брат: они вместе учились в кадетском корпусе.

Воспитание детей — мое призвание. Часто забывают, что воспитание — это работа, даже если занимаешься только собственными детьми. Тот, кто сидит дома, никогда не сидит. Чем иметь детей и отдавать их гувернерам, нянькам, боннам — лучше не иметь их вообще. То есть няни, конечно, могут помочь, но они не в состоянии заменить мать. Я против того, чтобы воспитание детей передавалось посторонним.

В США обычно весь дом держится на жене. На прислугу нет средств, да это и не принято. Сад, машина, дети, животные, старики — все это ложится на твои плечи. А мужья обычно работают. Мой муж помимо основной работы в банке двадцать два года по субботам преподавал в русской школе. Безвозмездно, по велению души.

— Ну и каков же рецепт воспитания, основные принципы хотя бы?

— Я считаю, что 50% определяет наследственность. А остальные пятьдесят добавляете вы.

— У вас четверо детей. Кто из них был самым сложным?

— Все были непростыми. Каждый человек — другой. И надо развить его индивидуальность, не сломать, передать все то, что ты хочешь, чтобы он это усвоил. Это тонкая работа. С ребенком постоянно надо разговаривать, понимать, чего он хочет, что ему интересно.

Я не выступаю адептом какой-то одной жизненной позиции, дескать, каждая женщина обязана посвящать себя семье. Профессиональная реализация очень важна. Но



Мария Александровна в форме скаут-разведчика, с мужем, Алексеем Борисовичем Йорданом. 1978 год

Все семейство в сборе (Си-Клифф, штат Нью-Йорк, 1998 год)

На благотворительном балу потомков русских эмигрантов М.А. и А.Б. Йордан принимают гостей. Май 2002 года

воспитывать детей — тоже карьера. Когда видишь, что вырос достойный человек, испытываешь удовлетворение.

— В России детей воспитывают по-разному, но чаще в строгости. Американцы в этом отношении либералы: там каждый ребенок может позвонить по телефону доверия и пожаловаться на собственных родителей. Как обстояло у вас в семье?

— Мы своих наказывали. Жаловаться на родителей могут где-нибудь в Нью-Йорке или Сан-Франциско. Америка в массе своей страна очень консервативная, патриархальная и глубоко религиозная. Основу американской нации составили протестанты. На каждой американской денежке написано: «Мы верим в Бога» — In God we trust. В каждой официальной речи американский президент обязательно вспомнит о Боге. Есть множество религиозных организаций, которые мощно лоббируют свои нравственные и моральные принципы. Если реклама какого-то продукта или новый голливудский фильм покажется им аморальным, они тут же развернут кампании против продукта или проката фильма. Производители вынуждены с этой идущей снизу цензурой считаться. Она оказывает серьезное влияние на экономику.

— Все ваши дети стали финансистами. Это потому, что ваш муж работал в банке?

— Отчасти да. У каждого из них были свои увлечения, дочь долго танцевала. Но я всегда им говорила, что надо иметь профессию, которая бы давала заработок. Все же остальные дела — искусство, спорт — могут быть просто хобби.

— Женщины, посвятившие себя воспитанию детей, годам к сорока оказываются застигнутыми кризисом среднего возраста. В принципе этот кризис переживают все, но тут дело усугубляется тем, что дети уже подросли, делать нечего, профессии нет. У вас был такой момент в жизни? Вам не хотелось, как, скажем, Мадлен Олбрайт, переквалифицироваться из домохозяйки в бизнесвумен?

— Я приветствую Мадлен Олбрайт и всех женщин, которые вырвались из семьи на просторы политики и бизнеса. Я не заметила кризиса среднего возраста, у меня всегда были заботы. Все наши родители жили очень долго, до девяноста с лишним лет, я за ними ухаживала до самого последнего времени.

Но учиться мне все равно пришлось. Когда дети стали взрослыми, окончили университеты, начали работать, я почувствовала себя отрезанной от их проблем и интересов. Они собирались вместе, говорили о каких-то экономических делах на своем птичьем языке, которого я не понимала. И я начала почитывать учебники, специальную литературу, финансовые журналы, освоила компьютер, научилась пользоваться электронной почтой и интернетом.

— И в биржевых котировках вы разбираетесь?

— Что же мне оставалось — смотреть на собственных детей, как баран на новые ворота? Я хотела сознательно понимать их работу.

— Они, наверное, таким вашим усердием были изумлены?

— Мы всегда пытались как-то наши интересы сблизить. Когда они были маленькими, им очень нравилась громкая современная му-

зыка. Я была от этого не в восторге. Но мы договорились, что час в день я слушаю их музыку, а час — они мою. Не могу сказать, что я любила хард-рок, зато дети, повзрослев, с удовольствием начали ходить в оперу и на симфонические концерты.

— Вы первая из всей семьи приехали в Россию в 1986 году.

— Да, это была деловая командировка. Я свободно владею русским и английским, у меня был опыт переводческой работы. Накануне Рождества мне неожиданно предложили съездить на неделю в Россию — быть переводчиком в группе музыкантов, дирижеров и композиторов. Это был не самый удобный момент, но муж сказал: «Поезжай! Второго такого шанса может уже не представиться».

— И как вам родина?

— С одной стороны, все получилось замечательно. Была безумно холодная зима, огромные сугробы на улицах, в общем, приблизительно так, как я себе представляла. С другой — 86-й год, дефицит, пустые магазины и темные улицы. Естественно, какие-то мелочи меня поразили. Например, абсолютное отсутствие витрин. Кое-где висели вывески «Хлеб», «Молоко», но витрин не было.

Все выглядело несколько иначе, чем рассказывали наши родители. Они Россию идеализировали. У них все воспоминания были положительные, чудесные: и природа сказочная, и люди добрые. Когда наши дети поселились в Москве и начали приезжать к нам на летние каникулы, они повторяли: «Там все не так хорошо».

В свой первый приезд я пошла в Александров-Невскую лавру, а затем на кладбище. Я спросила, где здесь могила такого-то. Работница кладбища мне очень грубо ответила. Я ее спокойно выслушала: «Я же вас вежливо спросила, почему же вы со мной так резко?» Женщина мгновенно смягчилась: «Вы откуда приехали?» Расстались мы почти друзьями.

— Кто из ваших детей первым тут поселился?

— Вначале дочь. Ее мужа пригласили работать в банк «Диалог». Потом приехал Борис.

— Вы предполагали, что Борис Алексеевич станет таким известным в России человеком?

— У нас с мужем было чувство, что сын сможет многого в жизни добиться. Он очень интересовался всем вокруг, все пробовал — бегал на коньках, занимался теннисом, играл на гитаре, учил языки. Если в своей бойскаутской организации он делал бал, то были задействованы абсолютно все.

— Другие ваши сыновья тоже такие же энергичные?

— Они все разные. Старший работает в «Дойче банке». У него аналитический склад ума, он прекрасный собеседник. Но он никогда не разбрасывался: выбрал стезю и все жизнь по ней идет. Третий сын очень общительный, душа любой компании, у него в доме всегда много гостей.

— А в воспитание внуков вы вмешиваетесь?

— Нет. Это уже не моя ответственность. Мое дело — сказать, их родительское дело — сделать. Или не сделать. Каждая семья — это свой сплав из характеров родителей. Лучшее не вмешиваться.

— У вас не было желания перебраться в Россию навсегда?

— Мне часто задают этот вопрос. Два обстоятельства удерживают нас в Америке. Во-первых, медицина. Мы с мужем немалоду, уже лет тридцать мы лечимся у одних и тех же докторов, которые с закрытыми глазами знают все наши болячки. И второе обстоятельство — наши друзья. У нас в России много хороших знакомых, даже родственников новых мы тут нашли. Но в Америке есть люди, с которыми мы дружим полвека. Не хочется лишать себя душевного комфорта. Если бы перестройка началась в 70-е годы, мы бы, наверное, переехали навсегда. А теперь уже поздно. Мы бываем в России два раза в год. Вот мой двоюродный брат полгода проводит в Москве, полгода в Швейцарии. Но ему легче — из Швейцарии всего три часа лету.

— Ваш муж занимается возрождением кадетского движения в России. Вы ему помогаете?

— Не сильно. Я вообще перед мужем преклоняюсь. Ему почти восемьдесят лет, можно было просто отдыхать и наслаждаться жизнью — он ездит по России, посещает корпуса, печется о кадетах. В Америке издает кадетский журнал. Он, кстати, очень переживал из-за гибели губернатора Лебеда, с которым был лично знаком; в Красноярском крае кадетское движение развито как нигде в России. Я думаю, от работы мужа детям будет только польза: корпус развивает патриотизм и воспитывает внутреннюю дисциплину.

Что касается меня, то моя забота — скаутское движение. В Америке я много лет работала в летних детских лагерях. В 1990-е я присутствовала на трех скаутских всероссийских съездах.

— Пионерия вас не привлекает?

— Надо понимать, что первично. Скаутское движение возникло в России в 1909 году, его «подсмотрели» у англичан. Советская же пионерия множество своих ритуалов, сам стиль позаимствовала у скаутов. Жизнь в палатках и песни у костра — это все скауты придумали, не пионеры. Различия движений — в отношении к религии, идеологии, национальному вопросу.

В Америке в скаутских лагерях четыре образовательные дисциплины: русский язык, история, закон Божий и следопытство, то есть разведчество. Приехав в Россию, мы перевели слово «скаут» на русский как «разведчик», что не всем понравилось. Для многих слово «разведчик» равносильно «шпиону».

— В прошлом году Борис Йордан принял на себя руководство НТВ. Тогда это было воспринято общественностью очень остро: душат свободную прессу. Только через год страсти поутихли. А как вы тогда ко всему этому относились?

— Мы не можем влиять на решения Бориса. И он не жалеет, что возглавил НТВ. Он доволен, что смог финансово поставить канал на ноги. Дальше посмотрим.

— И наконец для пышного финала: у вас есть мечты?

— Чтобы дети были здоровы и счастливы.

— И богаты?

— Я не против материального благополучия, это очень важно. Но поверьте — это не главное.



АЛЕКСАНДР ДАВЫДОВ

ТО НЕ ТЕЛЕФОННЫЙ РАЗГОВОР

Ну вот я и дождался, граждане,
обновленной невиданными переменами
России! У метро на Пушкинской,
где чугунный поэт скучает и тоскуется
вечная молодежь, какой-то
навороченный парень в «мобилу»
все трендел да трендел, а потом вдруг
посуровел, сделал соответствующую
скорбную «позу ролси», и я вдруг
слышу знакомое сизмальства,
с младых носей сознательной жизни:
«ЭТО НЕ ТЕЛЕФОННЫЙ РАЗГОВОР!»

Евгений ПОПОВ, шестидесятник

Однако начну с питательных воспоминаний о тех временах вляотекущего социализма, когда нашей страной правил от КПСС жовиальный дядя Леня Брежнев из Днепродзержинска, а ихней — Ричард Мишкаус Никсон от республиканской партии. Ну, про дорогого Леонида Ильича либо ничего, либо только хорошее, а вот этот самый Никсон, с одной стороны, оставил вьетнамскую войну, в результате чего я недавно видел на Студенческой улице города Москвы бывшее студенческое общежитие, под завязку набитое упомянутыми вьетнамцами, а с другой — совершил ужасное преступление, и его выпнали с хорошо оплачиваемой президентской работы под угрозой импичмента, того самого, что «непримиримая оппозиция» все сулилась устроить Б.Н. Ельцину, да не успела.

Неслабое преступление это заключалось в том, что его ребята пытались установить по случаю очередных выборов поделушку в штабе конкурирующей демократической партии (отель «Уотергейт»), на чем и погорели вместе с начальником. Весь мир облетела скорбная весть о таком антидемократическом уотергейтском беспределе в США, достигла она и ушей советских граждан.

И вот диво, подтверждающее правило, как шашни Билла Кли-

тона с хитрой Моникой вызвали исключительно положительные эмоции у душевных россиян, особенно женского пола, с любопытством наблюдавших за процессом публичного изучения президентского белого пятна на невинном девичьем платице, так и факт подслушивания чужих разговоров никого в СССР не удивил, а скорее — наоборот. Все как у людей, то есть у нас. Что ж это, президенту и подслушивать, получается, никого нельзя? А как он тогда узнает о коварных замыслах врагов? И вообще нечего американцам целок из себя строить. С тех пор как телефон изобрели, ясное дело, все всех и всегда прослушивают...

Таковое общественное сознание, конечно же, определялось соответствующим бытием, когда из всех существующих предприятий в стране хорошо работал только КГБ, денно-нощно отслеживающий, чтобы все у нас было, как всегда, и никак иначе. Врут, что контора плохо работала, она работала хорошо. Бывший политзаключенный и исследователь советского «черного рынка» Лев Тимофеев, некогда получивший за свои ученые труды два года исправительно-трудовых лагерей, рассказывал мне, что на зоне встретил музика, который вырезал из советских газет слова и буквы, составляя из них клеветническую матерную хулу на родную власть. Его и обнаружили, не покладая рук... Не побрезго-

Железное ухо родины

**Дмитрий НАЗАРОВ,
девяностник**

вали, видать, чистые руки-горячие сердца рыскать, вооружась холодным разумом, по мусоропроводам да помойкам ради такого великого дела, а вы говорите — подслушка, подслушка...

Оно, конечно, пролетарию, особенно люмпену, у которого никогда ничего нету, кроме цепей и пустых бутылок, совершенно было начихать — слушает его кто или не слушает. А вот у представителей так называемой интеллигенции мирное сосуществование с подслушкой было образом жизни и занимало весомое место в сером веществе головного мозга вне зависимости от того, имели ли они отношение к диссиде или просто прозямали отпущенное им Господом время, как плавающие предметы в проруби. В моменты пика судьбоносных споров за бутылкой портвейна «Кавказ» о путях много-страдальной России твой собеседник, спохватившись, час-тенько накрывал телефонный аппарат семейной перьевой подушкой или включал на требуемую мощность вечно бубнящий советский телевизор. Неплохо было также удалиться для интимных разговоров о главном в ванную комнату со струей громокипящей воды. Один технически образованный человек, помню, уверял меня тогда, что если чуть крутануть телефонный диск и заклинить его, например, карандашом, то им слышно ничего не будет и тогда можно спокойно и неторопливо обсуждать, например, полемику Солженицына с «нашими плворалистами» или содержание свежего номера «Континента», из чего следует, что кнопочных телефонов тогда еще не было, а зловредный антисоветский журнал попадал в СССР с завидной периодичностью.

Уверяли также, что узнают про прослушку по особому тону телефонного сигнала. Так это влетает в сигнал некое электронное «пи-пи-пи», если они слушают. Естественно, что когда связь вдруг неожиданно прерывалась, интеллигент изрекал, нехорошо улыбаясь: «Пленку перематывают», изредка добавляя слово «суки», потому что все мы вышли из народа. Как-то один мой приятель, позвонив мне и сказав, что это не телефонный разговор, вызвал меня на свидание, где взволнованно сообщил, как утром, подняв трубку, услышал вместо гудка

обрывок своего вчерашнего разговора. Это его сильно поразило, потому что автоответчиков тогда в Москве тоже почти не было. Из моих знакомых такой умной машиной обладал лишь покойный драматург Григорий Горин, который жаловался мне, что друзья допекают его, записывая на автоответчик анонимную брань и веселую похабщину. Как все-таки далеко шагнул технический прогресс с тех времен! Но куда? Чудо автоответчика, факса, электронной почты стали обыкновенными чудесами, и я иногда думаю, что советскую власть пуше всяких диссидентов доконали успехи науки и техники. В космосе ведь спутники летают, а забор до космоса не построишь, никаких денег не хватит, которых и так в стране нету.

Кстати, о деньгах. Я был единожды на Всесоюзном совещании молодых писателей, и там на обязательной лекции, посвященной нюансам идеологической борьбы, хорошо осведомленный лектор (он же в дальнейшем один из «прорабов» перестройки) жаловался нам взволнованным и притихшим с похмелья голосом, как дорого обходится глушение западных радиопередач на русском языке, сеющих ложь и клевету, а пожинаящих сумятицу умов ничтожной горстки «отщепенцев», зомбированных этими «голосами». Я задал деловой вопрос: «Накладно ли прослушивать телефоны или, чебуха, сдвожим», но получил в ответ внимательный взгляд и сентенцию о том, что в СССР прослушивание телефонов запрещено, допускается лишь в исключительных случаях, в рамках закона, не противоречащего советской Конституции и Хельсинкским соглашениям. Я было раскрыл рот, чтобы рассказать лектору анекдот, как Андропов звонит Брежневу, а тот ему отвечает, что «это не телефонный разговор». Но как открыл, так и закрыл.

А ведь чего только ни плела интеллигенция, заинтересованная этим вопросом! Что, например, подслушка для экономии автоматически врубается только на ключевые слова типа «Архипелаг

ГУЛАГ», «обыск», «доллар», «права человека». Вследствие чего одна моя любимая поэтесса звонила мне с таким текстом: «Женя, вы читали мою подборку в журнале на букву «К»? Ну какой вы непонятливый! «К» — это как материк, журнал выходит в городе «П». Где город «П»? В стране на букву «Ф».

Упомянутый «Архипелаг» носил в подобных секретных переговорах хемингуэвский титул «Острова в океане» или в знак уважения к Максиму Горькому «Дед Архип и Ленка», аксеновский роман «Ожог» конспираторы называли словом Вип, которое в переводе с английского означает, как это ни странно, «ожог», отчего шотландский поэт Роберт Бернс в какой-то степени является однофамильцем составителя «Словаря русского языка» Ожегова.

Изданный в США неподцензурный альманах «Метрополь», по причине которого я резко спланировал из молодых писателей в андерграунд, сурово именовался по телефону «штукой».

Кстати, вот еще одна история, связанная с подслушкой. Временю не имея собственной жилплощади, я тогда проживал в однокомнатной квартире покойной матери своего старшего товарища Василия Аксенова, где и собирались метропольцы, чтобы выпить, закусь и вести идейно-ущербные разговоры.

На квартиру эту, как на-чался ли-

«Нетелефонные разговоры» возвращаются, и эта фраза все чаще слышится в разговорах друзей и коллег.

При этом стоит заметить: мои друзья — люди сплошь молодые, не видели Ленина и не преследовались за самиздат и диссидентство. Что им скрывать?

Я опросил народ, не по телефону, лично. Мне ответили. Самая «нетелефонная» тема — про работу. «Да, старик, устроился». — «Что делаете?» — «Да как все». — «Торгуете?» — «Ну, в целом». — «Строите?» — «Да, отчасти». — «Финансируете?» — «Не без того». — «Много работы?» — «Ну конечно». — «А что конкретно?» — «А вот это, дружище, не телефонный разговор». — «Но платят?» — «Хватает».

Тем более что понимать уже научились и без слов. Если на вопрос: «Сколько платят?» — отвечают: «Ну так себе» — значит, от трехсот до пятисот; «Ну, нормально» — до семисот дотягивает, «Хватает» — дело к тысяче, а если «прилично» — работенка тянет на полторы, повезло. Те, у кого еще больше, обычно все на виду, про них надежнее напишут в газетах.

Во многих фирмах на стенах висят памятки — о чем можно, о чем нельзя. По личному делу, конечно, нельзя — это аксиома. Того и гляди, наступят коллеги. Нельзя про зарплату, нельзя про начальство. Нельзя про то, как такой-то относится к такому-то и с кем же-

на босса сами понимаете что: боссу будет неприятно.

Слушают своих свои. Анализируют. Что понравится — то пригодится. «Не раз, — говорил мне один менеджер, — слышал из уст начальства свои идеи, которые рассказывал по телефону коллегам». Вот только бы служба безопасности не лутала голоса.

Конкуренты не дремлют, конечно. Это — враги. Секреты они пытаются разведать, лучших сотрудников — переманить, руководство — отравить ядами. С ними лучше не говорить вообще, никогда, чтобы не быть вызванным на ковер для отчета и не думать потом, за что же еще они имеют право за такие-то деньги. При этом не стоит искать работу на работе, можете остаться без обеих.

...И конечно, не говорят про политику. А вдруг припомнят? Будем лояльнее, а налоги когда-нибудь снизят.

...Кому-то есть что скрывать. Некоторые работают с «черным налом», некоторые недоплачивают все, что надо, другие дают взятки. В сумме получается, что практически все. Ес-



тественно, сложился кодекс. Вести себя принято, как на занятой врагом территории — пароли, шифры. Что интересно, бонзни среди коммерсантов больше, чем реальной угрозы. Бизнес наш в глубоком тылу, судя по контент-анализу его телефонограмм. Окружен со всех сторон. Но держится.

А вообще, поговорив с людьми об их телефонных табу, я думаю вот что. Не говорят-то люди о самом важном, сокровенном, о том, что боится словом осквернить. У кого-то это бизнес, у кого-то любовники. Но это хорошо, что есть сакральные темы. Раз мы задумываемся о том, что нас могут услышать, значит, временами мы говорим что-то действительно важное. И как зовут имеющих уши, совсем неважно: конкуренты или просто Господь Бог. Ведь с важными вещами нужно очень аккуратно, потому что все они, как правило, на учете.

И все, что ты скажешь, будет услышано. Все запишется где нужно. И раз мы стали в разговорах осторожнее — значит, начинаем это понимать...

тературный скандал, тут же нацелились советские братья-писатели, аргументировавшие это тем, что «нехорошая квартира» превратилась в «антисоветский вертеп». Однако информированный председатель писательского кооператива близ метро «Аэропорт» драматург М. миглом остудил кипящие квартирные страсти, произнес на собрании жильцов ясную, а оттого крайне загадочную фразу: «Этот вопрос, товарищи, не в нашей компетенции».

Но когда хризантемы отцвели, меня и Вик. Ерофеева выперли из Союза писателей, Аксенов, Липкин, Лиснянская в знак протеста вышли из этого Союза — и прослушивать было больше нечего. Тут же пришла бумажка, подписывающая немедленно освободить «незаконно занимаемую жилплощадь». Экономика должна быть экономной, как, помнится, утверждал покойный Леонид Ильич.

Так что, здравствуй обратно, племя младое, но знакомое! «ЭТО НЕ ТЕЛЕФОННЫЙ РАЗГОВОР» — снова услышал я сегодня. О чем ты боишься говорить, навороченный парень, что бы ты хотел утаить, от чьего уха? Всеслышащего — государственного, мохнатого — «братков» или острого — конкурентов? От налогового ль ты скрываешь сумму, содержащуюся в конверте, что вручили тебе вчера на работе, где платят «черным налом»? Вряд ли ты имеешь счет в швейцарском банке. Вряд ли ты собираешься покупать оружие для борьбы с «антинародным режимом». Вряд ли ты, модно и чисто одетый, ступил на кривую дорогу добычи или продажи «дури»...

А если и ступил, брось ты это дело. Экономика действительно должна быть экономной, а Царство Божие действительно внутри нас. Не верь, не проси и не бойся ничего, в том числе и болтать по телефону, что влезет тебе в башку и в этот телефон. Все будет хорошо. Мир действительно стал одной общей деревней, и утаивать что-либо нерационально. Равно как врать. Впрочем, может быть, я тебя не понял и смысл твоей сакральной фразы лишь в том, что долбо трепаться тебе пока что не по карману. ■

ДИАГНОЗ:

Социолог ГАСПАРИШВИЛИ Александр Тенгизович, заведующий лабораторией Центра социологических исследований МГУ:

— В советские времена люди боялись говорить о политических вопросах, сейчас о том, чего тогда не было совершенно.

Сегодня люди боятся вполне конкретных вещей — например, говорить, что они не будут дома в какое-то время суток. Наш социологический центр постоянно сталкивается с этим в телефонных опросах. Люди не хотят нам отвечать: «А зачем это вам? А где вы взяли мой телефон?» Они не верят, что это именно социологическая организация. Задавать вопросы по телефону относительно того, какой у человека доход, сегодня вообще невозможно. Или вот недавно мы делали опрос по городскому транспорту. Нам всего-навсего нужно было узнать, каким транспортом в течение недели пользовались люди, когда они выходили из дому, когда возвращались. И вот на этот вопрос граждане отвечать отказывались категорически. Приходилось задавать косвенные вопросы, слава богу, мы умеем это делать. Но сказать, что это специфически российская проблема, нельзя. Я недавно беседовал с коллегами из европейских исследовательских центров, как раз обсуждали эту вещь. У них, правда, проблемы с вопросами о доходах не бывает, как правило, люди отвечают довольно-таки четко и ничего не боясь, но вот о том, когда они выходят из дому, предпочитают не распространяться.

Я уверенно могу сказать, что говорить по те-

лефону на политические темы, насчет выборов или лидеров, наши люди нисколько не боятся. На самые скользкие вопросы люди отвечают, практически никогда мы не встречаем отказов. Никакого страха ни в личных интервью, ни в телефонных. Но вопросы экономического плана — большие вопросы. И это естественно — если человек каждый день узнает из СМИ об ограблениях, о том, что люди ходят под чужими именами, с чужими паспортами... Страшно, что еще не все этого боятся. Две цыганки называются сограбительницами и обходят квартиру за квартирой. И открывает как раз то поколение, которое боялось что-то сказать «про политику». Это и есть, можно сказать, самые бесстрашные люди в экономическом смысле.

В общем, совершенно нормальные предосторожности, пока в обществе существуют преступность и прочие несовершенства.

Как социологу мне интересно отметить, что в нашем стремлении к безопасности каждый сегодня сам за себя. Общественное мнение играет все меньшую и меньшую роль. Мы превратились в скопище самовыживающих одиночек, каждый защищается сам, утопая решеткой на окнах, совершенствуя сигнализацию. Никому не приходит в голову и высказывать свое мнение, потому что подразумевается, что тебя все равно никто не будет слушать. Впрочем, это уже совсем другой разговор, кажется...

Психолог БОРИСОВА Марина Александровна, сотрудник лаборатории «Личность и стресс», член Психоаналитической ассоциации РФ:

— Можно найти несколько мотивов того, почему человек не говорит с вами на те или иные темы. Во-первых, многие люди сегодня, как тысячи лет назад, являются носителями так называемого примитивного способа мышления, когда слова подсознательно воспринимаются как имеющие магическую силу заклинания. Сегодня таких людей, как ни странно, очень много, и если сознательно вызывать дождь или смерть врага они не станут, потому что вроде бы понимают, что это невозможно, то подсознательно уверены: сказанное слово может что-то непостижимым образом изменить. Разве мало сегодня женщин, которые боятся сказать, что они беременны, или мужчин, не рассказывающих о своих деловых успехах «раньше времени», чтобы не сплести? Это не принято афишировать, но вы удивитесь, если узнаете, сколько людей живут с подобными ощущениями!

Есть люди, в себе неуверенные, и их тоже немало, которым для разговора необходимы глаза собеседника, которые, не видя лица слушателя, вообще двух слов связать не могут.

Есть скрытные и подозрительные люди, жертвы так называемых массовых психологических феноменов (МПФ). Причем «массовый» — это не обязательно значит «общегосударственный». Жертва МПФ переводит на внутренний план, делает своими нормы общества, в котором формируется. Иногда это по-

лезно, но зачастую очень мешает человеку. Первый массовый психологический феномен — это семья человека, в которой он родился. И если родители скрытничали, были друг с другом не искренни, то ребенок впитывает в себя этот способ поведения и потом испытывает трудности, когда нужно что-то о себе рассказывать... И так же воспитывает своих детей, образуя замкнутый круг.

Есть у психоаналитиков и специальное понятие «страх другого», который также формируется в младенчестве: если ребенка кормят насильно и это все сопровождается неприятными ощущениями, то формируется первичный «страх другого», страх преследования. Такой человек всю жизнь психологически защищается, любую открытость и откровенность воспринимая как вторжение. Из «страха другого» вырастают мнительность, осторожность, подозрительность...

Да, все это есть, но, как мне кажется, мало имеет отношения к неоткровенности в телефонных разговорах. И мне не кажется, что мы «нашли что-то важное», как пишет автор статьи. Это идеалистический взгляд на происходящее. Телефонное общение — прежде всего безличное общение, в нем трудно реализовать себя психологически, поэтому телефонная неоткровенность скорее социальный, чем психологический феномен.



КАК разговорить человека

Деятельность телезвезд нам куда ближе, чем занятия большинства публичных персонажей. Чем в основном занимаются телеведущие? Ответ тривиален: общением. А общение, как известно, нынче модная тема. Недаром книжные прилавки забиты пособиями, повествующими о том, как правильно вести переговоры, беседовать по телефону, что говорить на первом свидании и как за пятнадцать минут получить консультацию юриста, сэкономив деньги. Успех в жизни теперь объясняется исключительно успехом в коммуникации. Телевидение в этом образовательном процессе, понятно, не слишком задействовано: в смонтированных программах процесс общения от нас почти всегда скрыт. Ловкие приемы, техника расспрашивания и прочие коммуникативные хитрости в большинстве случаев остаются за кадром. Жаль, некоторые из них пригодились бы не только в телевизионном общении. Тем более что добрая половина именитых телеведущих, как и большинство их сограждан, не имеют журналистского образования, и ловкие приемы отрабатывали исключительно на практике. Да и вообще, попытка поговорить с телезвездами о технологиях общения кажется весьма увлекательной

Юлия МЕНЬШОВА:
комфортное общение

— До программы «Я сама» у вас был опыт интервью?

— Никакого опыта не было. Перед съемками первых выпусков группа, которая готовила программу, давала мне советы. Тогда меня зацепило то, что собеседника стопроцентно располагает вопрос, которым демонстрируешь, что ты в сути его проблемы. В качестве примера была рассказана история о том, как снимали сюжет про женщину-крановщицу. С немалым трудом интервьюер с оператором поднялись наверх, с камерами как-то уместились в этой кабинке. Когда они поднялись, то поняли, что женщина зажалась, односложно отвечала на вопросы. И интервьюер вдруг ее спросил: «А писать вы куда ходите?» И это было как зеленый свет. Она сказала: «Слушай, это такая проблема на самом деле!» И дальше сложностей не возникло, они сделали хорошее интервью.

А чуть ли не с первой программы «Я сама» стало понятно, что я просто умею разговаривать с людьми, я умею их расположить к себе. Мне не нужно специально делать заинтересованное лицо. Мне на самом деле интересно. Так что особых технологий общения у меня нет.

— Но ведь все равно нужно установить доверие собеседника к себе, вне зависимости, правится он или нет?

— Конечно, нужно. У нас на программе работает психолог-консультант, она перед съемками объясняет, как все будет происходить. Героинь приводят в студию, показывают, где их кресло, где камера, где сидит аудитория. Собеседнику нужно создать комфортную атмосферу. Потом — вот это, кстати, можно считать правилом, которое помогает и в жизни, — я никогда не делаю так, что вот человек пришел, сел в кресло, хлоп, камера включена, и я сразу задаю вопросы. Я всегда спрашиваю: «Вам уютно? Как вы себя чувствуете? Вы хотите попить что-нибудь? Вы увидели лица в зале? Поэтому, вы на них не посмотрели. Давайте поаплодируем нашей героине!» Это важно, потому что человек обычно выходит зажатым. Он садится, никуда не смотрит, у него шок. Затем я всегда спрашиваю: могу ли я начать задавать вам свои вопросы? Получив разрешение, мы начинаем разговор. При этом не должно быть резкого перехода: человек говорил, говорил, потом я сказала: «Все! Скажите, пожалуйста!» Перемены тона голоса не должно произойти. Ровно в той же тональности, в которой я предлагала попить, я начинаю задавать вопросы. Это абсолютно расслабляет. Не возникает ощущения перехода жизни в телевидение.

— А бывает, что вы все это проделали, начали съемку, и тут выясняется, что собеседник не настроен разговаривать?

— У меня нет стопроцентно выверенной техники. Я внимательно смотрю на каждого конкретного человека. Иногда героини дают односложные ответы поначалу. А я гну свою линию, понимая, что первый блок вопросов придется проработать в конце. Иногда такая тактика приносит результаты. У человека просто дольше снимается зажим. Он адаптируется и расслабляется не на пятой, а на пятнадцатой минуте. Если человек не расслабляется, я могу остановить съемку и спросить: «Вас что-то не устраивает, вас что-то смущает? Я не так задаю вопрос?» В резкой остановке съемки есть определенная провокация, она помогает снять зажим. Правда, бывают случаи, что человек совсем не зажат, а даже хитрит. Мы недавно снимали программу про тюремные романы. Героиня вот-вот собиралась выйти замуж за зэка, с которым познакомилась по переписке. Я ее спрашиваю: «А он вас просил в письмах привезти продукты?» — «Нет». — «А вы, когда сами на свидание ездите, вы не привозите ничего?» — «Нет». — «А почему?» — «А у него все есть». — «А он вас не просил ничего привезти?» — «Нет, он говорит, что ничего не надо». — «А вот вы замуж собираетесь, вы мужа собираетесь прописывать?» — «Нет». — «Почему?» — «Ему это не нужно». Такая глухая оборона. Я понимаю, что для нее главное — обелить избранника. Я боролась с этим минут пятнадцать, после чего сказала: девушка, вы меня извините, но я знаю, что вы мне врете, вы решили всячески защищать возлюбленного. Это ваше право, но я вам не верю.

— Раскрывая ложь не портит отношений с героинями? Вы же им все карты путаете.

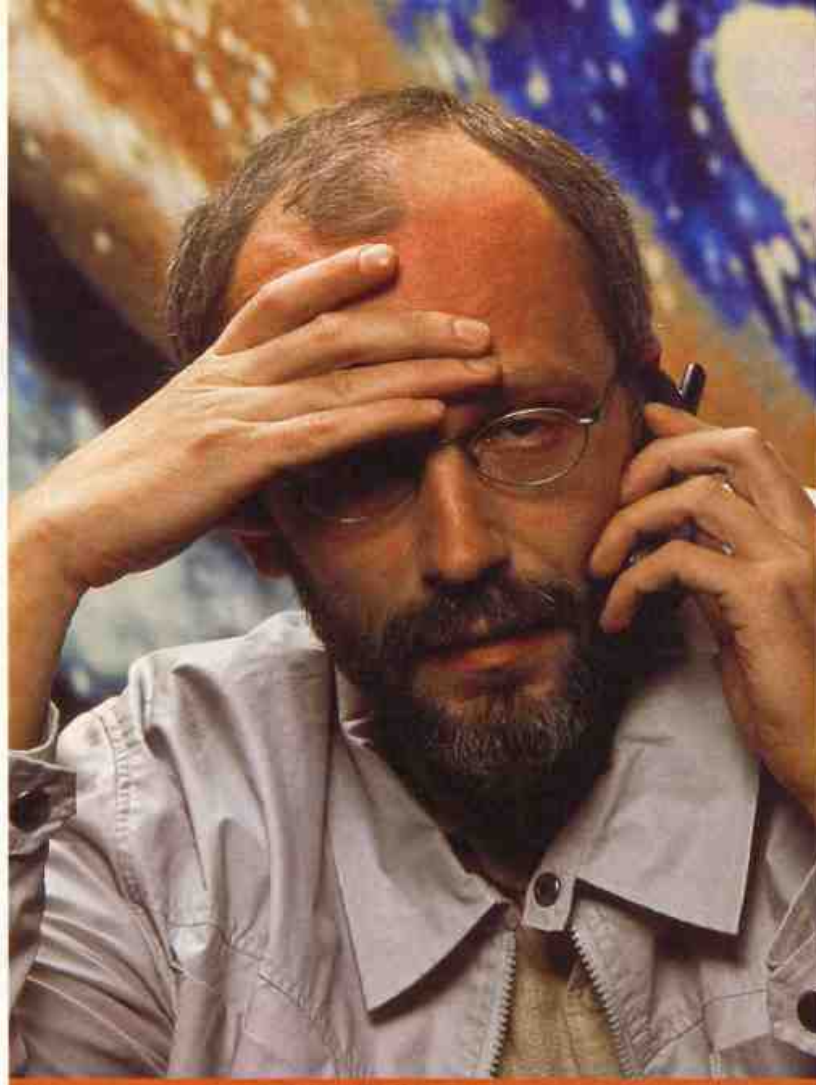
— Наоборот, раскрытый обман даже облегчает диалог. По крайней мере в данном случае девушка смеялась. Опустила глаза, но смеялась. Но надо помнить, что интервью тет-а-тет отличается от интервью в студии с залом. Я не могу пропустить реакцию зала, аудитория — это мои партнеры, я не могу их обмануть. Если бы я спокойно реагировала на односложные ответы, возникла бы пропасть между мной и залом. Зал прекрасно понимал, что героиня врет. А если потерял контакт с залом — он отключается через пять минут. Хотя бывали случаи, когда героиня испытывала ко мне явную недоброжелательность за то, что я открыто говорила: «Не верю». Или пользовалась более мягкой формулировкой: «Меня не покидает ощущение странности вашего рассказа». Но не сделать этого нельзя, иначе я не смогу дальше задавать свои вопросы.

— У вас есть какой-то этический кодекс? Что вы никогда не будете делать на съемках?

— Этика проста: если я за кадром узнала детали, а человек спохватился и попросил о них не упоминать в студии, я на съемках никогда не буду к ним подводить. Нельзя выводить человека на информацию, которую он не хочет публично выдавать.

— А случалось, что собеседник вами манипулировал?

— Это тот случай, когда собеседник хочет вам рассказать все. Но это не осознанная манипуляция. Просто человек считает, что его история может прозвучать только так, как он считает нужным. И нужно выслушивать все детали. А я чувствую, как зал сдувается от скуки. ■



Александр ГОРДОН: общение как конфликт

Технология
беседы
с человеком никак
не зависит
от его статуса.
С идиотом
и с академиком
нужно
говорить
одинаково

— В программе «Гордон» вы часто сталкиваетесь с манипуляцией со стороны собеседника?

— Сколько угодно. Приходят люди, у них есть почти подчас, чтобы пообщаться между собой до начала программы. Они могут быть знакомы друг с другом или не знакомы. Если знакомы, то в 90% случаев они придумывают свой сценарий, распределяют роли — иногда вплоть до реплик. Иногда доходит совсем до смешного. Приходят люди, рассказывают об НЛП, и всю передачу с помощью техник НЛП пытаются тобой манипулировать, рассказывая, как это у них замечательно получается. А в конце программы я понимаю, что не то что не поддался, а даже заставил одного из гостей мне подпевать.

Техника — простая. Я, например, заставлял их менять позы: специально изображал сначала закрытость, потом стал выбирать открытые позы, наблюдая за тем, как меня копируют. Вот это было удовольствие: борьба с манипуляторами с помощью манипуляции. А вообще самый простой способ — в рекламный перерыв внятно объяснить, кто здесь хозяин. Сказать: все, что вы сейчас говорили, оставьте для ваших студентов, это не интересно никому, кроме вас, я же вас предупреждал, как надо делать.

— Гости не обижаются?

— А как обидишься? Тебе для твоего же блага говорят, что ты сейчас выглядел очень плохо, а я как опытный человек говорю, что необходимо сделать, чтобы выглядеть лучше. Есть идеальные программы, где я практически не произношу ни звука. Я сижу, открыв рот, мне все понятно и интересно. Поразительным образом, это самые высокорейтинговые программы.

— А вообще технология беседы как-то зависит от статуса собеседника?

— На мой взгляд, технология беседы с человеком никак не зависит от его статуса. Грубо говоря, я убежден, что с идиотом, который звонит на радио в «Хмурое утро», и с академиком Российской академии наук нужно говорить одинаково. Сама технология элементарна. Интерес к публичной беседе возникает только при наличии конфликта. Это может быть открытый конфликт, как в программе «Процесс», когда точки зрения участников сознательно заострялись так, чтобы летели искры. Это может быть конфликт не столь резкий: скажем, конфликт понимания-непонимания. Если я не понимаю, о чем говорит собеседник, я никогда не буду делать вид, что я понимаю. В противном случае я моментально теряю доверие собеседника, который осознает, что я не успеваю за сказанным. Вдобавок я теряю доверие аудитории, которая негативно реагирует на всезнайство: когда человек все знает, он становится чужим и искусственным. Поэтому в программе «Гордон» независимо от статуса собеседника и темы я могу задавать самые неожиданные и глупые вопросы, если считаю, что я не понимаю собеседника.

— А какими еще конфликтами вы пользуетесь?

— Существуют искусственные конфликты, которые волей-неволей приходится строить. Я их называю игровыми конфликтами. В ночной программе таких конфликтов множество. Например, конфликт места действия: огромная пустая студия с зеркальными полами и непонятным пространством за спиной каждого. Конфликт времени суток с темами разговоров. Кроме того, в первых программах я сознательно не появлялся на экране. Показывалась лишь тень: это был еще один конфликт — между мной и аудиторией. Мы провоцировали желание не переключать канал, разобраться, что, собственно, происходит, пусть даже не вникая в то, о чем шла речь. С аудиторией связан и другой конфликт. Аудитория программы не однородна, это не только высокообразованные интеллектуалы. По статистике наибольшая часть зрителей программы — женщины среднего возраста, как правило, служащие с высшим образованием. Я понимаю, что может привлечь их в этой программе: повышение самооценки. Всякий раз, когда она понимает, о чем идет речь, она горда собой, всякий раз, когда она не понимает, она не довольна нами.

— А у мужчин нет желания повысить самооценку?

— Конечно, есть, но оно не так ярко выражено. Мужчины свои неудачи, в том числе и в непонимании какого-то материала, всегда списывают на других: на меня или на собеседника. По статистике звонков и сообщений, которые приходят на пейджер, самые агрессивные зрители — это мужчины. Когда они перестают понимать, они всячески выражают негодование.

— Содержательные конфликты с собеседниками вы как выстраиваете?

— Есть несколько приемов. Изучая тему, я знаю, какое научное направление представляет каждый гость. Если мне везет и гости представляют оппозиционные школы, у меня нет необходимости встречать конфликт неминуем. Другое дело, я могу подогреть степень конфликта. Но если я знаю, что сегодня буду общаться с представителем школы А, а материалы, подготовленные для меня редакционной группой, представляют точку зрения школы В, я, не будучи специалистом в обсуждаемой теме, принимаю точку зрения школы В и выдаю ее за свою. Это рождает конфликт. Кроме того, я курю в кадре, что делается подчас сознательно: для конфликта с аудиторией и для конфликта с гостями, которые по-разному реагируют на дым. Я вежливо спрашиваю: могут ли я курить в вашем присутствии? Если человек отвечает, что у него аллергия или он недавно бросил курить, я отсаживаю его подальше, но продолжаю курить. Кроме того, курение — это дополнительный прием. Я сознательно оталекаю на сигарету в тот момент, когда гость отвлекается и рассказывает не о науке, а о себе. Мое сознательное отвлечение дает ему сигнал, что он неправильно ведет разговор.

— А как вы работаете над климатом общения? Общение с гостями ведь начинается раньше выхода в прямой эфир.

— Все происходит по-разному. Главное — я должен определить свой статус, чтобы гость вел себя в программе адекватно. Если человек слишком активен, я начинаю его раздражать, начинаю ругаться с операторами, чтобы у него создалось впечатление, что я человек жесткий. Или наоборот, приходят люди в дикий зажим: они тридцать лет работали в маленькой лаборатории и впервые оказались на телевидении. Тогда я пытаюсь завести разговор на любую тему и даже не предупреждаю, когда мы выходим в эфир.

— Случалось, что приемы, которые вы опробовали в интервью, оказались полезны в обычном общении?

— Конечно. Мой любимый прием — когда я задаю вопрос, человек на него отвечает, а я следующего вопроса не задаю. Просто молчу. Возникает пауза, и человек думает, что, возможно, я что-то не понял или он не договорил. Обычно собеседник этой паузы не выдерживает. И начинает говорить дальше. Тогда наступает самый интересный момент. Его может прорвать на откровения, он может дать информацию, которую не хотел давать. Это хорошо используется во всех переговорах, когда необходимо получить информацию. Но... понимаете, интервью «вопрос — ответ» — это даже не беседа. Интервью — это выполнение задачи, поставленной перед собой, с помощью собеседника.

— То есть насилие над собеседником.

— Абсолютно. Вне всякого сомнения. Тебе что-то нужно. Ты можешь добиться этого только с участием вот этого человека.

— А если при этом собеседнику от вас какая-то информация нужна? Такой двухсторонний процесс.

— Это уже называется переговоры. Это не интервью. Если есть две задачи, поставленные двумя разными людьми, это самая высокая степень конфликта.

Дмитрий ДИБРОВ: мировоззрение в общении



*Общение в кадре
отлично от
общения в жизни.
Но почему бы
иногда
не присмотреться
к какому-нибудь
профессиональному
интервьюеру
и не взять
на вооружение
какой-нибудь
яркий прием?*

— Я узкий практик. Я работаю в жанре, который сам для себя определил как мировоззренческое ток-шоу. Но это вовсе не интервью. Интервью — это последовательный ряд вопросов, направленных на выяснение важной для зрителя (читателя) информации. Я же никакую информацию ни у кого никогда не выведывал. Я всего лишь потешаю моего зрителя: обыкновенного, простого человека. Потешаю — вот и все. Существует метафизическое, от рождения, призвание быть интервьюером. Стало быть, все теоретические размышления по этому поводу — чертова ерунда.

— Теоретические размышления — это что?

— Возьмите любую книжку вроде «Как правильно общаться» или «Выразительные средства ведущего телепередачи». Подобные книжки связаны с инструментарием. В них не говорится главного про общение. Это все равно что книги про карате. Когда они появились, все кинулись их читать и разучивать движения. А в этих книжках не говорилось главного: как при этом дышать.

— А что, по-вашему, главное в телевизионном общении?

— Мировоззрение. Как сформировать незаурядное мировоззрение. Я работаю мировоззрением. Может быть, кто-то из коллег рабо-

тает эрудицией или усиленной подготовкой перед интервью. Но это связано с их задачами, когда нужно в течение интервью подтвердить сведения о чьей-то нечистоплотности. И интервьюер, заранее вооруженный кипой материалов, в течение интервью ловко выпытывает информацию. Это его журналистская задача. Передо мной такой задачи никогда не стояло. Мне кажется, что, разработав мировоззрение, выплавив его, вечно анализируя человеческое сообщество, можно спокойно работать в телеэфире.

— Ну а все-таки: когда вы десять лет назад проводили первые интервью в прямом эфире, неужели не возникало никаких сложностей в общении?

— Вы говорите с рыбой. У рыбы нет сложностей в том, как плавать, ей только воду давай. Другое дело, что я готовился к этому ровно тридцать три года. И когда я оказался в прямом эфире, я почувствовал себя так, будто всю жизнь так работал. Еще до создания НТВ я вел на четвертом канале воскресные эфиры, которые выходили несколько раз в течение дня. И в каждый час каждого воскресенья мне казалось, я знал, что нужно моему зрителю, и сообразно этому вел себя, не задумываясь о комфорте или дискомфорте.

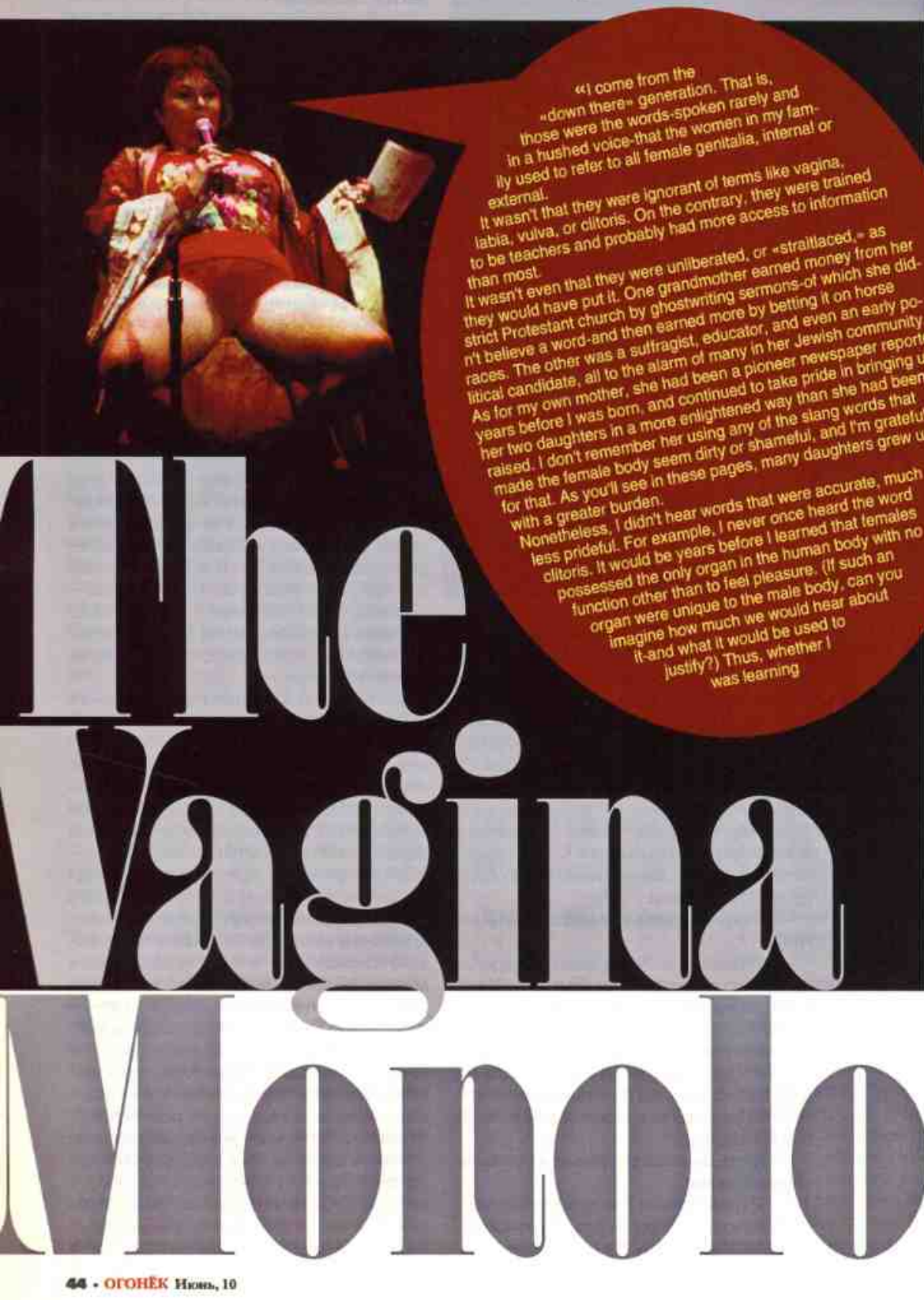
— Интересно: общение со звездами отличается от общения с людьми малоизвестными?

— Ничем не отличается. Нет никакой разницы в разговоре с боксом с «трех вокзалов» и лауреатом Ленинской премии в области квантовой механики. Для меня — беллетриста от журналистики — разницы нет. В том-то и успех шоу, чтобы показать, что объединяет того, кто сидит по обе стороны от экрана. У меня есть единственное правило: главный герой передачи — мой зритель, а не мой гость, не я и не набор информации. Моему зрителю интересно только одно: он сам. Я не вижу в этом ничего предосудительного. Значит, моя задача — показать, какое отношение к зрителю имеет мой гость. Нет разницы в том, с кем говорить: с Никитой Михалковым или с не известным пока изобретателем.

— А разница в установлении контакта с собеседниками есть?

— И здесь разницы нет. Если я буду хамить, ущемлять достоинство собеседника, то, кто б перед тобой ни сидел, ты получишь ответную реакцию. Между прочим, даже и это можно, если в данной конкретной ситуации ничего другого не остается. Главная задача — чтоб твой зритель не переключил канал. Раньше зрителю надо было хотя бы подняться с кресла и переключить жуткий тумблер на отечественном телевизоре, причем часто с помощью плоскогубцев. Человек иногда ленился подняться с кресла, вот и смотрел на тебя. Теперь он просто нажимает кнопку, и ты улетаешь с экрана. Главное в ситуации телевизионного интервью — потешить моего зрителя в течение пятнадцати минут. А раз так — неважно, кто сидит передо мной. Разумеется, с Никитой Михалковым следует разговаривать об одном, а с изобретателем машины времени — совсем о другом. Но в обоих случаях мне предстоит один и тот же процесс: подтянуть вектор общения к одному и тому же знаменателю — к тому, что объединяет разных гостей с обиходным опытом зрителя.

Пьеса Евы Энслер «Монологи вагины» (*The Vagina Monologues*) наделала в Лондоне (а до того в Нью-Йорке) много шума. Премьера состоялась в мае 2001 года и получила восторженные отзывы в прессе. С тех пор пьеса занимает прочные позиции и в театральном хит-параде, и в общественном сознании. О ней слышаны даже те, кто редко ходит в театр. Состав исполнителей *Vagina Monologues* регулярно обновляется. В Лондоне сейчас одну из главных ролей играет наша родная Ингеборга Данкунайте



«I come from the «down there» generation. That is, those were the words-spoken rarely and in a hushed voice-that the women in my family used to refer to all female genitalia, internal or external. It wasn't that they were ignorant of terms like vagina, labia, vulva, or clitoris. On the contrary, they were trained to be teachers and probably had more access to information than most. It wasn't even that they were unliberated, or «straitlaced», as they would have put it. One grandmother earned money from her strict Protestant church by ghostwriting sermons-of which she didn't believe a word-and then earned more by betting it on horse races. The other was a sulfragist, educator, and even an early political candidate, all to the alarm of many in her Jewish community. As for my own mother, she had been a pioneer newspaper reporter years before I was born, and continued to take pride in bringing up her two daughters in a more enlightened way than she had been raised. I don't remember her using any of the slang words that made the female body seem dirty or shameful, and I'm grateful for that. As you'll see in these pages, many daughters grew up with a greater burden. Nonetheless, I didn't hear words that were accurate, much less prideful. For example, I never once heard the word clitoris. It would be years before I learned that females possessed the only organ in the human body with no function other than to feel pleasure. (If such an organ were unique to the male body, can you imagine how much we would hear about it-and what it would be used to justify?) Thus, whether I was learning

Светлана ДУБОВИЦКАЯ,
собкор «Огонька»
Лондон

Сколько раз, стоя на эскалаторе метро, я проезжала мимо многочисленных рекламных афиш «Лучший отдых в...», «В новых джинсах от...» и т.п. и вдруг, заметив картинку с красивой женщиной в откровенном наряде, осознавала, что сказано в подписи к ней. Воздрагивала, конечно. Ибо дискуссии о влаглядице в общественном транспорте мне (считайте меня старомодной) как-то в новинку.

Авторы пьесы — драматург Ева Энслер и режиссер-постановщик Салли Грин — на то и рассчитывали. «Монологи вагины» — это такой наш Гришковец, только женский и по-английски. Текст построен на личных историях, смешных, шокирующих и грустных, добытых в беседах с самыми разными женщинами, жизнь которых в тот или иной момент оказалась в серьезной зависимости от их сексуальности. Женщины разные, национальность, уровень образования и личный опыт у них разные, а общее — искренность в сфере весьма не привычной для обсуждения, но все же жизненно важной, если не сказать определяющей. А эпатаж на то и эпатаж, чтобы будоражить и останавливать взгляд в метро. Не нравится — не ешьте.

Это блиц-интервью Ингеборга Данкунайте дала в своей грим-уборной в театре New Ambassadors. Времени было в обрез. Хрупкая, бледная, не женщина, а Дюймовочка, Ингеборга разговаривала со мной, параллельно смотрелась в зеркало и накручивала волосы на термобигуди. Одета была во что-то вроде потертых джинсов и беленькую блузку, открывающую худенькие ключицы. Выглядела очень молодо. Мы определились с языком. Ингеборге было все равно, на каком говорить.

— Я говорю по-английски, по-литовски, по-русски и по-польски. Няня у меня была полька. Я выросла в Литве. Училась в Вильнюсской консерватории. Тогда это называлось Государственная литовская консерватория. Еще на первом курсе снялась в фильме молодого Бальниониса «Моя маленькая жена», с этого началась карьера.

— Сейчас вас приглашают в Прибалтику?

— Конечно, какие-то предложения есть. Но не всегда выходит.

— У вас нет ностальгии по советским временам?

— Я думаю, очень правильно, что Литва тогда отсоединилась. Я все очень живо переживала. Я была абсолютно за... Это был такой период, когда мы не знали, где мы, в смысле политическом. Но было понятно, что обратной дороги в советскую жизнь нет.

— С переездом в Англию что-нибудь изменилось в вашей жизни?

— Конечно! Я вышла замуж. У меня появились новые друзья. Все теперь по-другому. Мой муж — режиссер Саймон Стоукс. (Он ставил пьесу Moonshine, что можно перевести и как «Самогон», и как «Лунный свет». Ингеборга играла там роль Сирены. — Авт.) Мы вместе уже девять лет.

— Вам трудно было вживаться в английскую действительность?

— А что такое английская действительность, что это значит? У каждого она своя. Что это за вопрос?

— На каком языке вы общаетесь дома?

— По-английски, конечно.

— Работа в английском театре отличается от игры в других странах?

— Если тебя окружают талантливые люди, интересно в любой стране.

— А по мелочам? Например, в России, если уронишь текст, на нем надо посидеть. В Англии, насколько я знаю, в театре считается плохой приметой упоминать пьесу «Макбет».

— (Ингеборга хихикает.) Ну в таких мелочах, конечно, отличается.

— Как получилось, что вы, иностранная актриса, оказались в «Монологах»?

— Я здесь живу.

— И как вам пьеса?

— Отличная. Мы великолепно играем.

— Я читала, что она идет уже во многих странах и скоро пойдет в России.

— Да. Мне показывали русский перевод. Название в переводе слишком громкое — «Вагинальные монологи». Но сам текст очень аккуратный, без пошлостей и скабрёзностей. ■

Ингеборга

Ева Энслер — это такой их Гришкова, только женский и по-английски. Текст построен на личных историях, смешных, шокирующих и грустных, добытых в беседах с самыми разными женщинами

to talk, to spell, or to take care of my own body; I was told the name of each of its amazing parts except in one unmentionable area.

This left me unprotected against the shaming words and dirty jokes of the school yard and, later, against the popular belief that men, whether as lovers or physicians, knew more about women's bodies than women did.

I first glimpsed the spirit of self-knowledge and freedom that you will find in these pages when I lived in India for a couple of years after college. In Hindu temples and shrines I saw the lingam, an abstract male genital symbol, but I also saw the yoni, a female genital symbol, for the first time: a flowerlike shape, triangle, or double-pointed oval. I was told that thousands of years ago, this symbol had been worshiped as more powerful than its male counterpart, a belief that carried over into Tantrism, whose central tenet is man's inability to reach spiritual fulfillment except through sexual and emotional union with woman's superior spiritual energy. It was a belief so deep and wide that even some of the woman-excluding, monotheistic religions that came later retained it in their traditions, although such beliefs were (and still are) marginalized or denied as heresies by mainstream religious leaders.

For example: Gnostic Christians worshiped Sophia as the female Holy Spirit and considered Mary Magdalene the wisest of Christ's disciples; Tantric Buddhism still teaches that Buddhahood resides in the vulva; the Sufi mystics of Islam believe that fana, or rapture, can be reached only through Fravahi, the female spirit...»

Eve ENSLER



Атака клоунов

г у а з н о з

Александр НИКОНОВ

*Они изнасиловали
мой мозг.
Они оскорбляют
мое сознание
(привет Коху).
Они недостойны
моего внимания.
Но они есть.
И они очень любят
есть. И едят —
вкусно и сытно.
Потому что
эксплуатируют
низшие слои нашей
психики.
Чертовы певцы
романтизма!..*

Если за моей спиной открывается дверь и в кабинет входит некто, не оборачиваясь, с вероятностью 50%, могу сказать, что это Иванский. Если я ошибся, значит, это Журенков. Они теперь заходят часто, очень часто. И каждый раз спрашивают одно и то же: «Ну что, ты уже написал про «Звездные войны»?» У молодых коллег идефикс — написать подборку об их любимом сериале. Они свои умные мысли записали на жесткий диск, теперь им нужен подкрепляющий материал мэтра отечественной журналистики. А мэтр устал от людской глупости.

Однако никакие отговорки о том, что «я слишком стар для всего этого дерьма», что ни одной серии я не смотрел и даже не знаю, сколько их существует, жестокие сердца юношей не трогают. Они агрессивно прыгают вокруг и требуют песен. А я, и правда, уже не молод, чтобы смотреть детские сказки. Но на беду свою я слишком добр.

— Ладно, ладно, напишу как-нибудь...

Этим самым я рою себе могилу. Потому что понимаю: рано или поздно молодые хищники потребуют выполнения обязательств.

— Ну, хорошо, дети, расскажите мне хотя бы, о чем кино. Хотя я и так подозреваю...

— Значит, слушай. В космосе борется Добро со Злом.

— Мои худшие подозрения оправдались...

— Лукас — это режиссер — сначала снял последние серии, потом первые. А третьей еще нет. А всего их должно быть шесть. Так получилось по финансовым соображениям, кажется. В общем, джедаи...

— Это чего такое?

— Какой ты ди-икий! Джедаи — это такие люди, как бы рыцари, которые могут управлять Силой.

— Твою мать...

— Они двигают предметы на расстоянии и могут даже задушить человека, не притрагиваясь к нему.

— Достаточно!

— Нет-нет! Значит, суть в чем... сначала была межзвездная республика. Потом один плохой человек решил превратить ее в империю, а сам стать императором. Началась война! И еще там есть один мальчик — о-очень-есть сильный джедай! — он сначала был хорошим, а потом

стал плохим. Короче, его в бою ранили, его подобрал злой император и вылечил. А после лечения надел на него железную маску и сказал, чтобы он никогда этой маски не снимал.

— Зачем?

— Не знаю. Надел, и все.

— Бывает... А я видел по телевизору в рекламе, что там мужички какими-то шашками световыми дерутся...

— О-о! Это мечи джедайские. Они этими мечами могут отражать лучевые пули всех врагов! Вот вытяни руку... Если джедай махнет этим мечом вот так тебе по руке, рука отвалится. Моментально!

— Здорово! Завтра же побегу смотреть!

— Короче, потом у этого мальчика, когда он вырос, родился сын и стал на сторону Добра. А потом они стали драться, и тот ему говорит: «А я твой папа!»

...Ну, скажите теперь, разве можно после этого отказать растущим журналистам в небольшой просьбе написать про столь потрясающее кино? Они ведь будут ребенка моего учить жизни, когда подрастут (и они и ребенок). Поэтому сиюю пишу. Тужась, двигаю цивилизацию вперед.

Дорогие юные журналисты, космонавты, инженеры, рабочие, крестьяне, трудовая интеллигенция и мой сын Артем девяти лет! Меня крайне огорчает тот факт, что до сих пор наше искусство не изменилось концептуально, архетипически. И это несмотря на то, что психотип потребителя искусства поменялся ощутимо! Налицо антагонистическое противоречие между трудом и капита... пардон... и его отражением в информационном пространстве цивилизации. Мы это видим в голливудских штампах, мы это видим в литературе, мы это видим в школьной программе.

...Надеюсь, вы поняли меня правильно и не полагаете, будто я имею в виду только лишь то обстоятельство, что все эти чудовища, разномастные пришельцы и разнокалиберные роботы в кино и книгах — суть современной инкарнации языческих леших, домовых, русалок и водяных? И что человечество просто переносит все свои проблемки и комплексы в будущее, на космическую арену, а потому фантастика смотрится глупо? Нет, конечно,

вовсе не то я хочу сказать вам, крестьяне, хотя все это и верно. А хочу я сообщить, что...

После 11 сентября меня всерьез тревожит арабский терроризм. Другими словами, мне очень не нравится романтизм в искусстве. Это ведь взаимопрониженные.

Зайду издали, с вашего позволения... Как известно, эмбрион во время своего развития ускоренно повторяет всю эволюцию — хвостик, жабы... Это называется онтогенез. Но онтогенез есть не только в биологии, но и в психологии. Человек с момента рождения проходит всю психологическую эволюцию своего вида. В два-три года детеныш человека по интеллекту не отличается от детеныша человекообразной обезьяны — они даже рисуют одинаково, не отличаясь кляксы-маляки. Потом следует мощный рывок — за два-три десятка лет человек проходит путь от детства к зрелости. От родоплеменной первобытной дикости через варварство и феодальный романтизм к трезвому прагматизму, порожденному технологической революцией капитализма.

Я надеюсь, ни для кого не открытие, что эпоха рыцарского романтизма, родившая такие архаичные понятия героического ряда, как «честь», «дуэль», «клятва», «патриотизм», «кровопролитие», «отчизна», «самопожертвование», «прорыв», «прекрасная дама сердца» (из-за которой рыцаря и подростка постоянно тянет на подвиги), — порождение феодального способа производства и эпохи становления национальных государств? Что после промышленной революции хомо романтикус сменился хомо прагматикусом? И что некоторые граждане психологически до своего времени не дорастают, так и оставаясь инфантильными максималистами с романтическим флером в заднице?.. Если все это для вас открытие, тогда читайте внимательно, юноши: с помощью чтения юноши постигают жизнь.

(Особенно меня забавляет понятие «клятва» — этакая псевдомагическая формула. «А если я нарушу эту торжественную присягу, пусть меня покарает могучая рука...» Что за таинственная рука такая? Откуда она растет? Подозреваю, что оттуда, откуда у нас в стране все руки растут.)

Многие безобразники, почитающие себя интеллигентами (как правило, гуманитарии),





не верят в то, что человечество от эпохи к эпохе меняется к лучшему, становится гуманнее. Они считают, что существует только технический прогресс, а морального не бывает. Не буду с ними полемизировать, лезть в историю и отсылать к авторитетам, скажу лишь, что не меняться человеческий психотип от поколения к поколению просто не мог. Хотя бы потому, что меняются технологии общественного производства, а новые технологии требуют нового оператора.

Новые операторы — люди постиндустриальной эпохи — в среднем становятся спокойнее, прагматичнее, терпимее к инаковости, словом, качественнее. Их толерантность приводит к тому, что растет внутреннее разнообразие социальной системы, она становится более гибкой — это весьма неплохо для выживания социума в быстро меняющихся условиях. В общем, все вроде бы хорошо. Но...

Но, как я уже сказал, далеко не все люди взрослеют, достигают высшей формы психологической эволюции — homo pragmaticus. Ничего странного в этом нет — появление высшего творения эволюции не уничтожает автоматических творений, стоящих на эволюционной лестнице ступенькой ниже. Появление на исторической арене приматов не «отменило» примитивных одноклеточных. Мы сосуществуем параллельно. Так же и с психотипами. На одной и той же планете произрастают, с одной стороны, голландец — постиндустриальный человек из сообщества с высокой терпимостью, который спокойно относится и к легальной марихуане, и к религии, и к однополым бракам, протестует против смертной казни... а с другой — арабский шахид — жертвенный рыцарь, нестигаемый, убеждаемый герой. Он не хочет работать, ему это неинтересно, он воин. Романтик. Ребенок.

Есть и промежуточные эволюционные варианты типа депутата Райкова, который собой жертвовать уже не будет, а другими еще сколько угодно. (Я, как вы поняли, намекаю на инициированный депутатом законопроект о том, что нужно зажать гомосексуалистов за их непохожесть на обычных людей.)

...Престарелые хиппи. Барды и байдарочники. Шестидесятники, воспитанные на песнях Окуджавы и влипшие в свое обманчиво-оттепельное время, как мухи в паутину. Упав-

ший с телебашни Минкин. Взрослые энтузиасты, возглавляющие детские военно-патриотические клубы и до седых волос бегающие с деревянными автоматами. «Идущие вместе»...

Кстати, хороший пример. Зайдите для смеха на сайт «Идущих вместе». Предводителю новых комсомольцев Василию Якеменко 30 с лишним лет. А терминология его статей и воззваний носит неизлечимый наивно-юношеский характер — «истинные ценности», «запретить», «однозначно вредно», «подонки и сволочи», «настойчиво бороться»... Психолог скажет вам, что весь этот словесный набор — свидетельство инфантильного ума. Простое черно-белое восприятие мира, в котором обязательно фигурируют «враги» и «настоящие друзья», «преданность» и «предательство», «мужество» и «трусость». А реальный мир давно перестал быть по-детски простым.

Тяжело романтикам во взрослом мире. Сколько семейных судеб исковеркали эти проклятые «Алые паруса» Грина! Эта долбаная Ассоль!

Тем не менее процесс замещения романтиков прагматиками в обществе идет. Книжки и фильмы, которые раньше считались «взрослыми», теперь устойчиво относятся к подростковым. Дюма, Стивенсон и Жюль Верн — детские писатели. А когда-то их романтическими опусами зачитывалась вся взрослая Европа. Стругацких нынче тоже читают только юные студенты да не нашедшие себя в жизни старшие инженеры из бывших «секретных ящиков». Лежа на диване.

Нужно учесть, что все вышесказанное относится к горожанам развитых регионов планеты — именно там царство прагматичного человека. Но есть целые страны и слои населения, состоящие из романтиков (простых людей). Замечено, например, что homo pragmaticus практически не встречается на селе. Просто потому, что излишняя внутренняя сложность избыточна для сельскохозяйственного процесса, которому тысячи лет от роду. Следствие: массовым производством романтиков грешат страны, где еще толком не произошел урбанистический переход — миграция сельского населения в города.

В результате отдельные романтики, будучи в массе своей существами морально незре-

лыми (до уровня постиндустриального мегаполиса с его информационными потоками), садятся в «Боинг» и летят показывать «кузькину мать» всему прогрессивному человечеству. В этом и проблема современного мира — дикарю гораздо легче освоить непростую технологию управления сложной техникой, нежели перестроить собственные мозги. Для формирования человека нужна определенная среда, в которой ребенок воспитывается от рождения до зрелого возраста. А если ты в 17 лет впервые вылез из аула и увидел кадиллак... Только лоботомия.

Впрочем, я несколько отвлекся, не арабы на самом деле являются предметом моего сегодняшнего рассмотрения, а фильм Лукаса «Звездные войны». Точнее вопрос: отчего же появление нового потребителя — homo pragmaticus — не привело к массовому появлению соответствующего искусства? Нет, какие-то вещи создаются, конечно. Это книги и фильмы, в которых не педалируются, или вовсе не присутствуют, или просто высмеиваются героический пафос, романтика и любая, простите за выражение, дихотомия. Но почему большая часть культурного потока все равно эксплуатирует романтизм и «высокие чувства»?

Когда юноши взахлеб читают и изучают в школе литературу про героев или всерьез воспринимают параноика Дон Кихота, которого ВЫСМЕЯЛ умница Сервантес, это нормальный этап онтогенеза. Но потом тинейджер становится взрослым и... не видит иной литературы. Литературы, не эксплуатирующей в той или иной мере давно протухшего романтизма. Явное невосполнение объективной потребности homo pragmaticus, который ищет смысл новой жизни, но не находит, ибо пласт искусства для него еще не создан (не оттого ли в Швеции самый высокий процент самоубийств?). А дело все в том, что растерянным художникам просто нечего сказать людям, нечего предложить, кроме старых штампов, они сами еще новый мир, как говорила моя бабушка, «не расчунали». Ладно, подождем-с.

Будет ли создана новая постиндустриальная культура? Не сомневаюсь. Но когда, в какой форме и о чем она будет рассказывать, сейчас не скажет никто. Может быть, я сам и зачну это новое искусство. Я ведь настоящий постиндустриальный писатель, черт возьми, а не Лукас какой-то!

...А Лукаса оставьте детям. Они опять стучат в мою дверь...

от редакции:

Чтобы Александр Никонов решил и что-либо написал о культуре — это, граждане, невиданное дело.

Наш Александр, по его собственному признанию, культуру (в том понимании, в котором это слово употребляется обычно) не любит.

И, раз написал, значит, дело безотлагательное.

Уверены, многие не согласятся с высказанным сегодня мнением, что мировая культура находится в кризисе.

Или, попросту говоря, устала — то есть перестала соответствовать своему времени. И если в нашей стране еще остались люди, которым дорого классическое искусство, мы приглашаем их высказать свое мнение.

Когда-то по всей стране бушевали дискуссии о физиках и лириках. Может, пришла пора возобновить их на новом уровне?



Лебедев

3

Ирма КАПЛАН

— Скажите, а почему у вас маньяки так на вас похожи? Застенчивые, в очках.

— Как знать. Ничего случайного не бывает. Говорил же Флорбер: «Госпожа Бовари — это я».

— Но вы специально подыскиваете тихонь?

— Евгений Миронов сам выбрал роль Андриона в «Змеинном источнике». Я его предназначал на роль фотографа, но, когда увидел в гриме, чуть в обморок не упал, настолько он оказался похож на человека, с которого роль писалась.

— Что было реальное лицо?

— Ага. Трус и подхалим ужасный. Законченный негодяй.

— И действительно девушек убивал?

— Нет, хотя с девушками тоже взяты реальные истории, из которых и собран сценарий. Что касается «Поклонника», то я хотел, чтоб маньяк сыграл Гена Назаров, но он заболел. И пришел Миша Крылов, который, как потом выяснилось, снимался в роли брата Миронова в фильме «Мама». Так они оказались у нас похожими. В Мише было сочетание силы, которую он умел прятать, и детской улыбки.

— Ужас просто!

— Ну да, наверное. Но маньяк в «Поклоннике» — он же, по сути, хороший человек. Он просто искренне выполняет желания девочек. Если бы Лена просила дарить цветы людям, он так и делал бы. Для меня в этой истории он-то и есть настоящая жертва. А маньяк — героиня, милая маленькая девочка. Получающая наслаждение от того, что кого-то из-за нее бьют.

— По этой истории можно предположить, что маньячья сущность заложена в каждой женщине. Ваша героиня просто утешается возможностью карать неудобных чужими руками.

— А это история незрелого сознания. Человека, который придумывает монстров и делает их реальными.

— Как вы отнеслись к тому, что детское жюри в Артеке сняло «Поклонника» в 2001 году с конкурса?

— Я не настолько наивный человек, чтобы поверить, что это могли сделать дети. Хотя меня там не было, я снимал «Звезду».

— Вы не верите, что «Поклонник» мог напугать детей?

— В это-то как раз верю. Я просил, чтобы фильм не показывали детям младше среднего школьного возраста. А в Артеке «Поклонника» показали чуть ли не дошкольникам. Подросток способен воспринять картину адекватно, а семилетний ребенок... Ну покажите ему «Иди и смотри» или «Спасение рядового Райана», что он поймет или прочувствует?

— Как вы думаете, Хичкок сегодня актуален или все же зрелище для профессионалов?

— Гений не может быть неактуален. Хичкок — гений. И актуален он не тем, что снимал

Он его стал еще до того, как поставил лучший русский военный фильм последнего двадцатилетия. И даже до того, как вышел «Змеинный источник» — полнометражный дебют, сделавший ему первую славу.

Кинорежиссер Ирина Шилова, его преподаватель, говорила задолго до «Источника»: «Каля Лебедев покажет всем». И Каля показал. После первой его картины один критик заметил: «Ну, слава тебе, Господи, вернулось кино, которое можно интерпретировать».

Потом был «Поклонник», почти не имевший проката и все-таки вызвавший скандал: детское жюри в Артеке сочло его слишком страшным для детской аудитории и потребовало снять с конкурса.

Нарваться на подростковую цензуру способен сегодня не каждый.

А потом, почувствовав в Лебедеве профессионала (возможно, единственного настоящего профессионала в его генерации), Карен Шахназаров предложил ему экранизировать повесть Казакевича, когда-то знаменитую, сегодня почти забытую. И картина, даже поставленная на самое неудобное время, на утренние дешевые сеансы, исправно собирает полные залы: режиссер, иронически прозванный «русским Хичкоком», снял классный триллер на военном материале, сумев, однако, превратить его в торжественный реквием и не впасть при этом в патетичный пафос.

В общем, на «Кинотавре» у него шансы предпочтительные, хотя прогнозов делать не хочется, чтобы не сглазить.

Но в общении, конечно, он не звезда абсолютно. Он режиссер литературный, умеющий говорить, свой брат журналист, проработавший некоторое время в кишиневской молодежке. Он говорит подробно, обстоятельно и честно.

Он знает, что делает, и не прячется за формулы типа

«этого не расскажешь» или «знаете, все это так сложно»...

Хотите или нет, но в России появился умный и серьезный режиссер, снимающий не для тусовки и не для кружка посвященных.

И с саморефлексией у него все в большем порядке. Я это знала еще до встречи с ним — в его картинах все маньяки ужасно на него похожи

кино страшное, а тем, что снимал кино моральное. Про то, как человек, совершая некий проступок, потом за него расплачивается.

— Достоевский прямо-таки...

— Именно! Картины Хичкока все на этом стоят. Он великий моралист. И то, как он рассказывает эти истории, не может устареть.

— Как вы реагируете, когда вас называют русским Хичкоком?

— Я вменяемый человек и понимаю, какое расстояние разделяет меня и гения. Вот поверите, что я не смотрел «Психоз», когда работал над «Змеинным источником»?

— Не поверю.

— И ошибаетесь. Не смотрел. Более того, я в момент написания «Источника» Хичкока вообще не видел. У меня видеоматригофон появился к середине 90-х, и Хичкока в Кишиневе нигде было найти. Хичкок оказал влияние на «Поклонника» — вот это, пожалуй, верно. Но не в сюжетном отношении, а в режиссерском строении некоторых эпизодов. Подражать гению бессмысленно. Единственное, что я стараюсь делать



Везда



в том же духе... это снимать фильмы о том, как нехорошо быть злодеем. Я никогда не сниму фильма про хорошего убийцу.

— Герой «Змеиног источника» сказал, что убить можно только из-за ненависти. Вы тоже так считаете?

— Нет. Герой говорит: «А почему нельзя убить из-за любви?» В том-то и ужас, что можно. Можно из лучших побуждений сделать невероятную мерзость, и тут начинается конфликт, который мне интересен.

— Если убийство вам так отвратительно и смерть так вас пугает, почему вы на этом болезненно сосредоточены?

— Да поэтому же! Для меня это ненормально, чудовищно, запредельно! Я не могу показать смерть как нечто бытовое. В «Змеинном источнике» мы не видим убийства беременной героини, а слышим лишь захлебывающийся плач колокольчика. И в «Поклоннике» заведомо жестока сцена убийства в лифте, но мы видим лишь лицо героини и домысливаем происходящее. Я помню, как эту сцену смотрели первые зрители: «Боже, как страшно! Кровь хлещет потоками!» А там нет ни капли крови, понимаете? Просто режиссерскими средствами создается впечатление варварского насилия.

— А Питер Гринуй как-то заметил: «Лучший способ сказать правду зрителю — это сказать ему большую, грязную, наглую ложь».

— Наглую — может быть, но насчет грязной не уверен.

Гнев

— Вас можно спровоцировать на гнев?

— Честно? Не рекомендую. Случилась на «Змеинном источнике» такая история. У меня был ассистент по реквизиту, который долго работал в кино и хорошо знал, как можно бездельничать, изображая кипучую деятельность. Я человек дотошный, загодя затребовал бутфорскую цепь, чтобы избивать актера в кадре. Я собирался снимать эту сцену на крупных планах. Подходит время съемки. Вообразите: ночь, глухой овраг, и мне приносят... металлическую цепь — одним взмахом быка уложить можно. А ассистента нет. «Где он?!» — спрашиваю. «Да вот, спит в автобусе», — отвечают. «Ах, спи-и-ит!». Пригласите его на площадку!» А цепь в руке тяже-елая, а ярость наружу так и рвется. Пришел ассистент, сонный, но уже встревожившийся, и мне суетливо так говорит: «А мы сейчас газетки подложим артисту под рубашку, и можно будет так его цепью бить...» — «Газетки?! Да я сейчас вам самому газетки подложу и проверю вот этой самой цепью!»... Подозреваю, я был очень убедителен. Все забегали, засуетились и через 10 минут принесли злополучный реквизит. Связали из каких-то веревок, мгновенно покрасили и — в кадр. Значит, все можно было сделать, просто расчит на авось. Но, честно говоря, режиссерский ор — это не метод.

— А если иначе человек не понимает?

— Надо выпонять! Ненавижу людей, которые изображают работу, ничего не делая, это такая нашенская, социалистическая черта. Неделю назад я оказался в небольшом российском городке. И я впервые, пожалуй, так отчетливо понял, что разруха, которая там царит, исключительно оттого, что мы ленивые, бездельники. Прав был Булгаков, тысячу раз прав. Работникам кинотеатра лень встать и выключить свет в

зале, когда идет картина. Поэтому там и крыша протекает и, когда идет дождь, вода просто хлещет в зал. В любой нормальной стране мира люди с уважением относятся к себе и своему труду и считают зазорным делать свое дело плохо. И пока мы не начнем уважать себя... Это же твоя улица, чего ты мусоришь, плюешься на каждом шагу? Ты же дома окурки не бросаешь, в унитаз не мочишься. Стыдно, понимаете, стыдно! И так как я люблю свою страну, мне это очень больно. Вот «Змеинный источник» про это.

— Кстати, да! «Источник» сквозит даже некоторой ненавистью к провинции.

— К провинции не территориальной, а нравственной. Я такую встречал и в центре Москвы. Я видел людей, озверевших из-за квадратных метров жилплощади, грызущихся с соседями из-за любой ерунды, выхватывающих кусок из рта. Вот где провинция — в мозгах и душах.

— А школа случайно была выбрана в качестве места действия, такого адского пространства? Или это основной источник зла?

— В школе человек сталкивается с первой несправедливостью и с первой неправдой. Во всяком случае, я свою школу не любил. Точнее, систему школьную, когда 30 человек в классе заставляли быть одинаковыми и без претензий, как кирпичики, такими легче управлять. Но идея сделать центром действия школу принадлежала не мне, а Юле Семенов, с которой мы придумывали эту историю. Мы работали вместе в газете, а до этого она окончила пединститут, и у нее были свои счеты со школьной системой. Никита Михалков, кстати, очень не любит «Змеинный источник» именно за такое изображение российской провинции. Ну у него свой взгляд на провинцию. Думаю, он искренен в своем ощущении этих... как это... чистых родников. Но, по моему разумению, это иллюзия человека, который вырос в столице, в элитной семье, а я вырос именно в глубинке и имею полное право показать ее такой, какой видел и знаю.

— Кишинев — провинция?

— А вы думаете, это большой центр? Международный? Существовало ощущение — кинь камень, и круги повсюду пойдут. Чем меньше сообщество, тем жестче модель отношений. А Кишинев — город небольшой. Я там работал в молодежной газете и объездил с командировками всю провинцию — всякого насмотрелся.

Я долго жил в Молдавии. Поэтому хорошо понимаю, что значит быть национальным меньшинством, и хорошо знаю, когда тебя очень сильно не любят лишь потому, что ты говоришь на другом языке. Когда распадался Союз... Я помню толпы на улицах, скандировавшие: «Чемодан — вокзал — Россия». Доброжелательные люди, сбиваясь в массу, становились страшной, грозной силой. И в городе, в котором родился, жил, я впервые испытал чувство настоящего страха. Я, собственно, и воспроизвел это воспоминание в «Змеинном источнике», в сцене, когда озверевшая толпа лавиной движется по улочкам городка, преследуя Дину и фотографа. На съемке, кстати, этот «синдром толпы» повторился. Массовка понимала, что перед ними артисты, а не убийцы, но, едва раздавалась команда «Мотор!», люди входили в раж — там только ключья летели, кровь лилась настоящая, и мы ничего не могли сделать. Дима Марьянов, помимо того, что он замечательный актер, еще и каскадер опытный, и он закрывал собой Катю Гу-



— Как вы относитесь к перспективе государственного руководства кинопроцессом?

— А что это означает? Я не очень понимаю... Режиссеру навязывают тему для фильма?.. Настоящее кино снимается по велению души, а не по указке сверху.

— Но «Звезда» вашего предшественника Иванова — картина 1949 года — была подвергнута правке руководством...

— Ну и что получилось? Картину просто изнасиловали. Я не думаю, что это нормально. Другой вопрос, что государство должно поддерживать кино как отрасль. А вмешиваться в творческий процесс... Ну кто... кто мне может продиктовать, как снимать картину? Мне предлагают сейчас картины, под которые есть деньги, и не важно, государственные они или нет. Но я выбираю тему, которая заданет меня лично, по-настоящему, всерьез. Как это было со «Звездой». Открою вам тайну: на государственном заказе я получал значительно... почти в два раза меньше, чем на любой другой своей картине. И о том, что «Звезда» — госзаказ, я узнал, когда картина была закончена и об этом стали без удержу писать в прессе. Я работал точно так же, как и всегда. И проблемы были те же. Вот если бы я знал, что это госзаказ, что-то особенное и приоритетное!.. (Хлопая в ладоши.) Эх, да как бы я вел себя на площадке!

сеу, которой расцарапывали лицо, рвали волосы и одежду. Он старался сдерживать себя сначала, а потом уж лупил направо и налево, потому что ему то в ухо, то в нос, то в челюсть заедут. Приходилось звать могучих мужиков, которые растаскивали толпу.

Патриотизм

— Вам не кажется, что в «Звезде» все-таки многовато сантиментов?

— Не кажется. Для меня Великая Отечественная и ее павшие солдаты не какая-то умозрительность, а конкретное и близкое. На войне погибли мои 40-летний дед и 19-летний дядя. Отец всю жизнь искал их могилы. В 60-е поехал в Австрию, пробилась как-то через «железный занавес» и на коленях изложил все воинские кладбища в поисках захоронения брата, потом долгие годы писал в Красный Крест. Не нашел. Мне очень хотелось, чтобы «Звезда» стала режиссером им, моим ушедшим предкам, чьи имена я ношу (их тоже звали Николаями), и миллионам таких же безымянных солдат великой и страшной войны. Поэтому каждого из наших героев мы оплакивали отдельно. Мне хотелось, чтобы их уход был не будничным, насколько про-болтанным, а эмоциональным, трагическим. Как в древнегреческом театре.

— Как вы относитесь к тому, что, снимая «Звезду», выполняли госзаказ?

— Никто и ничего не заказывал. Мне просто предложили прочесть повесть. Я часто читаю чужие сценарии или литературу для работы, бывает, что нравится, но я редко ощущаю желание взяться за это. А тут — просто до дрожи пробрало, и, еще не дочитав повесть, я уже представлял себе сцены, которых не было в книге. Я понял, что безумно хочу это снимать и приложу все силы, чтобы добиться постановки.

— А нынче весьма популярны современные войны — Афган, Чечня...

— Меня мало волнуют популярные, в общепризнанном понимании, темы. И я не очень понимаю, как тема войны может быть популярной. «Звезда», как я ее увидел, — материал для романтического фильма, а не для бытового или политического. А с режиссерской точки зрения было интересно снять историю почти без слов. С того момента, как разведчики уходят в рейд, в фильме почти нет диалогов.

— А по поводу исторического соответствия вас консультировали? Историки, ветераны...

— Разумеется. Мне посчастливилось встретиться с человеком, который послужил прообразом одного из героев повести. Это Иван Васильевич Мещеряков, Герой Советского Союза, Герой Соцтруда. Ему сейчас 80 лет, но выглядит и держится он превосходно. Мещеряков рассказывал много интересных историй — одна меня ошеломила. Был конец войны, группа разведчиков под командованием Мещерякова совершала рейд в глубокий тыл к фашистам. На кукурузном поле они наткнулись на молодых офицеров, праздновавших выпуск из офицерской школы. Разведчики обезоружили немцев и десятки километров вели по вражеской территории, пока не добрались до своих. Немцев было триста человек, а разведчиков — внимание! — восемь! Старшему, Мещерякову, только исполнилось 22 года. Вот такие были люди. А другая история почти напрямую вошла в фильм. Однажды разведчики готовили захват «языка». Долго наблюдали за немецкими сол-

датами, потихоньку пробирающимися на нейтральную полосу к пасеке за медом, уточняли маршруты движения и прочее. Наконец вышли на операцию, затаились в траве. Ждут. Один из разведчиков, родом из Средней Азии, залег в кустарнике неподалеку. Волновался. Это было первое его задание, первый поход за «языком». «И вот, — рассказывал Мещеряков, — видим, появляются немцы. Идут, скрываются за кустом, где спрятался наш новичок. Тишина. Никого. Я уже заволновался, и вдруг — стрельба». Оказывается, один из немцев отошел пописать. И, надо же, выбрал для этой цели тот самый кустик, в котором затаился молодой разведчик. Более опытный боец разведывающего стерпел бы, но не восточный горячий парень. Это было выше его сил. Как только на него брызнула струя, оскорбленный новичок вскокил, приставил автомат к груди немца и громким шепотом произнес: «Не киричи». Эту фразу в фильме говорит Амаду Мамадаков.

— А «Мосфильм» выдвигал какие-то условия?

— У нас совпали позиции с Кареном Шахназаровым, а иначе я бы не взялся за фильм. Я хотел снять фильм о своих предках и не собирался изображать их моральными уродами, какими их и наше прошлое в целом сейчас зачастую представляют. Я недавно посмотрел картину. Она замечательно сделана, но почему-то все люди, которые живут в нашей стране, изображены дегенератами, а те, кто хочет сбежать за кордон, — умными, хорошими и талантливыми. Но это же неправда! При этом я понимаю, что солдаты той войны были разными, были предатели и сволочи тоже. Но мы рассказывали не о них. Я вот сейчас узнал, что за первую неделю проката «Звезда» собрала 13 млн. рублей, что для отечественного фильма цифра просто-таки неправдоподобная.

— А может ли кино быть государственным?

— Кино может быть плохим или хорошим. И кино, которое работает на государственную идею, тоже может быть хорошим и ценно не «государственностью». «Звезда» никак не связана с происходящими в стране политическими процессами. То, что картина задела какие-то болевые точки — но опять же не политические, а человеческие, — это хорошо. Мы просто вспомнили, что не все в нашей истории постыдно и нам есть чем и кем гордиться.

— Некоторых людей все же после просмотра «Звезды» терзает вопрос: «За что гибли разведчики?»

— Я понимаю, как подставилось этим ответом, но... они умирали за Родину. За ту же страну, за которую умирал Андрей Болконский или, скажем, граф Резанов из «Юноны» и «Авось». Просто это для них совершенно конкретное понятие — Родина. Одно время у нас просто стало как бы неудобно признаваться в любви к своей стране. Мол, все плохо, и верхушка прогнила — как же ее можно любить. Но страна — это не чиновники, которые корежили нам жизнь, а наши близкие, наша память, «отеческие гробы», о которых Пушкин писал... Сегодня мы недостойно относимся к ветеранам Великой Отечественной и Афганистана, а ведь нигде в мире так не относятся к своим героям. Америка кается и стыдится войны во Вьетнаме, но не солдат, которых она посылала воевать. А нынче немецкие волонтеры приезжают ухаживать за нашими ветеранами в госпиталях... Они, а не мы — разве это

нормально? Мне хотелось, чтобы нам стало стыдно. Стыдно того, что мы забыли, кому должны быть благодарны.

— Может ли талантливый человек служить насаждению патриотизма?

— Дурак может служить насаждению, чиновник, а талантливый человек просто с любовью рассказывает о своей стране и о людях.

Америка

— Что за кино вам предложили снимать американцы?

— Завязка сюжета такова. Семнадцатилетний американец уезжает в Питер учиться живописи. Уезжает и бесследно исчезает. Его мать беременна вторым ребенком, она не может сразу броситься на поиски. Проходит время. От первого сына никаких вестей. И вдруг второй, уже подросток, сын начинает рисовать странные картины, в которых узнается величественный город с каналами и мостами. В снах мальчик бормочет на неизвестном матери языке — на русском. И тогда женщина решает отправиться в Питер, чтобы вместе с младшим сыном найти пропавшего старшего. Вот такая завязка. Там задействованы довольно крупные имена. Речь идет о том, чтобы пригласить на главную роль Ким Бэсингер.

— Вы верите, что снимете кассовое кино?

— А какое я снимаю? В 1998-м в некоторых крупных регионах публиковали прокатные сводки: «Титаник», «Армагеддон», «Парк юрского периода» и — «Земный источник». Мне эта компания очень нравилась.

— Как вы, будучи журналистом-киноведом, вышли все же на режиссерскую стезю?

— Я не поступил во ВГИК с первого раза и по предложению родителей подал документы в университет. На приемном экзамене, на собеседовании, произошла смешная история. Вообразите: огромный просторный кабинет, солидный президиум — весь цвет молдавской журналистики. Экзамен длится уже полдня, жарко, экзаменаторы утомлены. Кто клячет носом, кто газетку почитывает. Мне задают дежурный вопрос: «Почему вы решили стать журналистом?» Ну я и резанул правду-матку: «А я не хочу быть журналистом!» Видели бы вы реакцию, это просто сцена из «Ревизора». Теперь я понимаю, что это был потрясающий PR-овский ход, но тогда я совершенно искренне сказал. Объяснил, что хочу быть режиссером, но режиссерская профессия требует опыта, а журналистика — лучший способ его получить... Члены экзаменационной комиссии были настолько потрясены моей простодушной открытостью, что меня приняли. А так как я человек ответственный, то сразу начал писать, и писал очень много, и нещадно бомбардировал редакции газет и журналов своими статьями, и их брали, потому что писал хорошо. В итоге после третьего курса меня перевели из Кишиневского университета в Москву как одного из перспективных. Раньше существовала такая практика...

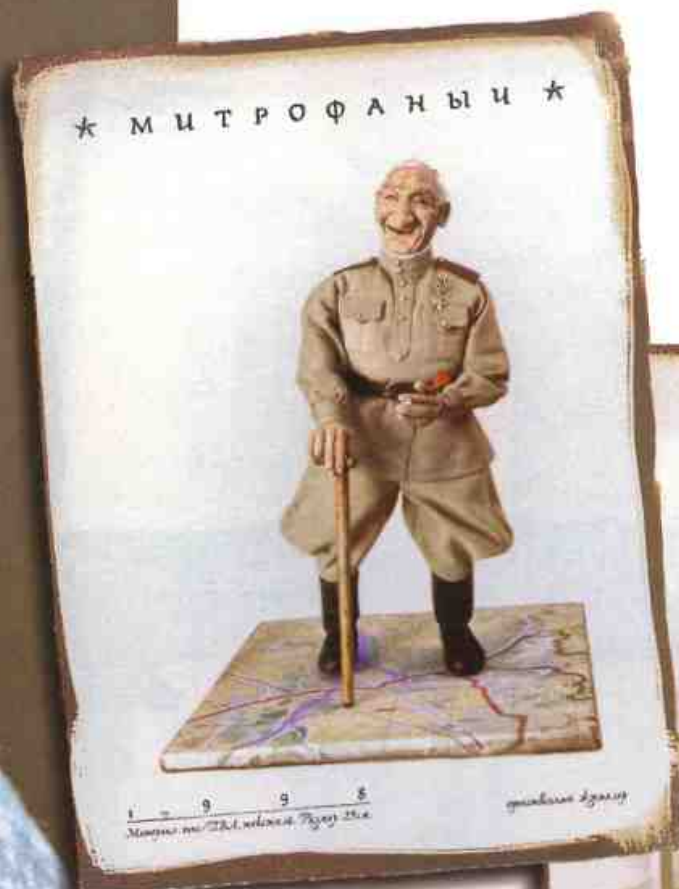
— Вам 35 лет, у вас жена и ребенок, три хорошие и разные картины за плечами. Ощущаете некую середину жизни?

— Вы еще спросите, не собираюсь ли я приняться за мемуары и чем займусь на пенсии. Я, правду сказать, только начал жить, и такая жизнь вокруг... захватывающая! Главное — чтобы все двигалось по направлению к добру.



Ни в одном учебном заведении вы не найдете специальности «мастер-кукольник». Да и самих мастеров в мире очень мало — счет идет на десятки. В подавляющем большинстве это женщины с художественным образованием, делающие кукол в пышных нарядах с кружевами и оборками. Их охотно приобретают коллекционеры, хотя отдельные экземпляры оцениваются в 6 — 10 тысяч долларов. Случается, что и дороже. В среде куклособрателей есть даже такая присказка: «Если купил три куклы, следующим шагом может стать продажа квартиры»

Сын мадам Тюссо и



материал: гипс/ПВА, текстиль;
размер 29 см,
частная коллекция, США



материал: гипс/ПВА, текстиль;
размер 21 см, частная коллекция, Россия

Ирина ЖИРНОВА
Ольга ХАБАРОВА
(фото)

Мужчин среди художников-кукольников раз-два и обчелся. Пример папы Карло вкупе с приведенными выше цифрами почему-то мало кого вдохновляет. Хотя знатоки кукольной науки уверены, что для этого хитрого дела лучше подходит строгий мужской взгляд, не обремененный с детства созерцанием всяких Барби. Мужские работы, считают они, интереснее. Достаточно взглянуть на работы мастера-кукольника Димы со странным псевдонимом, а может быть, позывными — ПЖ, чтобы согласиться с этой сексистской позицией.

Дима ПЖ молод, сдержан в общении и почти не улыбается. Хотел стать ювелиром и даже окончил Московскую школу художественных ремесел. Но десять лет уже занимается куклами. Говорит, правда, что пора с этим делом завязывать. Мол, куклы — это и по времени долго и затратно. Хотя Димины работы украшают собрания известных коллекционеров Швейцарии и США.

Куклы Димы ПЖ трудно понять сразу. Никаких тебе локонов и рюшек, никаких сладких мордашек. Куклы Димы — это такие фантастические существа, то ли люди, как говорится, то ли куклы, явившиеся из какой-то сновидческой реальности. «Я не считаю себя художником, а профессионалов не люблю, — произнес наконец немногословный Дима. — Вы не понимаете, о чем я? А кто, по-вашему, может считаться профессионалом? Я думаю, что

папы Карло

материал:
гипс/ПВА,
папье-маше;
размер 28 см,
экспозиция —
галерея
Вахтановъ

СОДОМСКИЙ ПЕПЕЛ



ЗАБЫЛИ



Сначала кукла
делается
на бумаге.
Потом из
специального
пластика
сооружаются
голова и руки.
Все остальное
изготавливается
из текстиля на
проволочном
каркасе,
гипса, папье-
маше, ПВА
или дерева

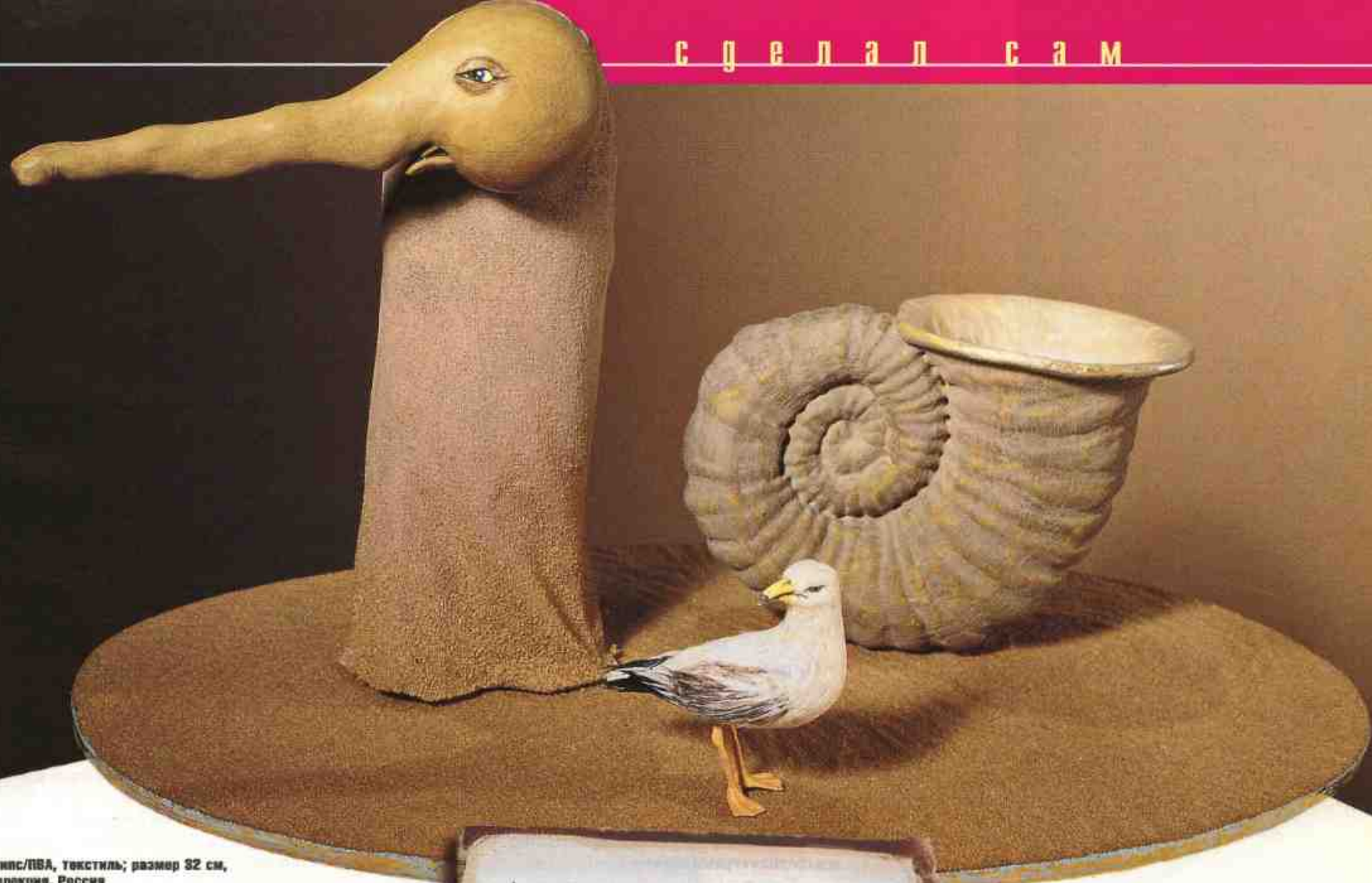
«Забыли»,
материал:
папье-маше,
текстиль,
дерево; размер
20 см,
экспозиция —
галерея
Вахтановъ

профессионал — это человек, который все делает правильно и не ошибается. А я хочу иметь право на ошибку».

И вдруг добавил, что делает кукол потому, что это интересно. Что ювелирка — это скучно и однообразно, а кукла — это огромный простор для творческого поиска. Можно себя попробовать в самых разных качествах — скульптора, парикмахера, портного, сапожника, плотника и т.д. Вот такой он неожиданный человек.

То, чем он занимается, не является, с его точки зрения, ни бизнесом, ни искусством. Просто нашел человек себе занятие, которое нужно в первую очередь ему самому. Наверное, поэтому он не любит делать куклы на заказ. И денег не надо, потому что опять-таки неинтересно. «Мне важно выплеснуть то, что рождается в голове, — задумчиво бросает Дима. — В этом смысле все художники-кукольники похожи друг на друга. Это, как правило, люди со своим внутренним миром, которые не потеряли связи с детством. Дети непосредственны и открыты, всегда стремятся поделиться собственными маленькими открытиями. Ребенок так устроен, что не может удерживать радость в себе. Вот кукольники и свое ощущение жизни передают через куклы».

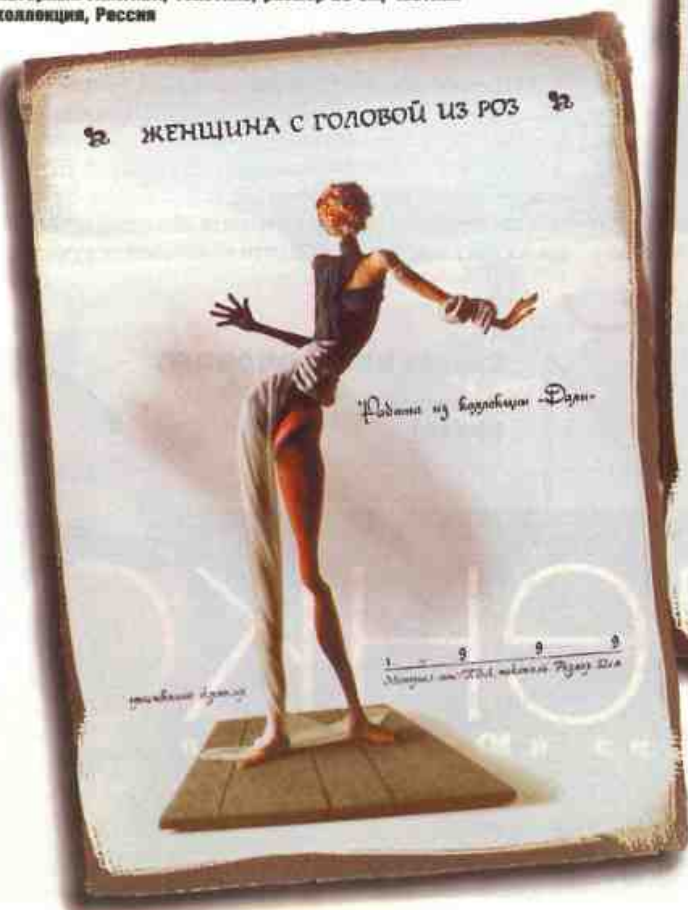
ФОТО: АЛЕКСАНДР ПЕТРОВ



материал: гипс/ПВА, текстиль; размер 32 см, частная коллекция, Россия

материал: гипс/ПВА, папье-маше, текстиль; размер 43 см, частная коллекция, Россия

материал: гипс/ПВА, текстиль; размер 23 см, частная коллекция, Россия





Всего год назад Андрей Кириленко уехал из ЦСКА в команду Utah Jazz (Солт-Лейк-Сити) и сотворил невозможное — стал игроком основной пятёрки одного из легендарных клубов, стал третьим среди новичков лиги и участником «звездного уикенда» НБА. Андрей проводит отпуск в Москве с женой Машей и трехмесчным сыном Федором

Мои нежные чувства к Кириленко объясняются несколькими причинами. Во-первых, я невероятно люблю баскетбол. Во-вторых, по долгу телевизионной службы и по зову сердца прославляю российских спортсменов в программе «Назло рекордам!» В-третьих, до недавнего времени американская Национальная баскетбольная ассоциация была эдаким недостижимым Юпитером, в атмосфере которого сгорели наши чрезвычайно редкие баскетбольные космические корабли. А двадцатилетний Кириленко не только выжил, но и заставил всю страну гордиться собой. Не забуду диалога, подслушанного в метро. Два мужика со спортивными газетами в руках: «Слышал, наш мальчик Портленду пятнашку оттрузил? Восемь подборов и три блокшота!» — «Фантастика! Знаешь, со времен Гагарина так страной не гордился!»

— Ну рассказывай, как ты вырос таким огромным среди северных мхов и болот?

— В первом классе я уже был высоким, почему меня и взяли в баскетбол. Родители эту затею поддержали. Мой папа — тренер по футболу, причем по женскому, а мама — учитель физкультуры, бывшая баскетболистка. Я пошел по ее стопам, а брат Алексей — по папиным, правда, сейчас уже закончил играть.

— В чем феномен питерской школы баскетбола, почему вся сборная страны практически из ее воспитанников?

— Коренных питерских только двое — я и Карась. Остальные просто учились в спортивном интернате, куда собираются ребята со всей России. Таких интернатов в стране два — в Питере и Ставрополе. Как ты понимаешь, в Питер едут с большим удовольствием — там и команда посильнее собирается. Сначала я попал в «Спартак» (Санкт-Петербург). На одном турнире меня увидел Стас Еремин (в тот момент главный тренер ЦСКА. — Авт.) и пригласил в команду с прицелом на выступление в Евролиге и за сборную. Мне было семнадцать лет. На соревнования ездил по доверенности. Родители писали бумагу, что разрешают тренеру Еремину вывезти мальчика за границу для выступления в матчах Евролиги. Однажды мы забыли доверенность и меня не выпускали из стра-

ны. Я смог вылететь в Италию на несколько часов позже команды, когда документ привезли в аэропорт.

— В ЦСКА тебя давили «старослужащие»?

— Поначалу были подколки: «Сходи за пивом». Я не ходил. Но поскольку играл хорошо, особенно не цеплялись. Уже после первого года игры в ЦСКА я был в стартовой пятёрке команды и вошел в состав символической пятёрки плей-оффа. После третьего сезона в ЦСКА получил «лучшего игрока Евролиги» и с этим званием поехал в НБА. Когда я там рассказываю, что у меня процент попаданий был выше шестидесяти, они удивляются, потому что у Шакила О'Нила — пятьдесят один, а он лидер в лиге.

— А как твои американские боссы относятся к твоему участию в сборной России на предстоящем чемпионате мира?

— Особой радости они не выражают, так как у меня есть шанс получить травму. Но и запрещать не будут. Они хотят, чтобы я комфортно себя чувствовал, а то, что я твердо намерен играть за сборную, знают все.

— Зачем ты уехал в Штаты? Мог бы играть еще год в ЦСКА или Европе за очень приличный клуб.

— Когда я переходил в ЦСКА, сразу подписал контракт с американским агентом, который выставил меня на драфт под очень высоким номером — 24. Мне говорили, что еще рано: через два года я мог бы быть в первой десятке или даже пятёрке. Первый номер драфта получает порядка трех миллионов в год. Это очень круто. Но он играет в последней команде лиги (первые номера по правилам НБА раскупают слабые команды, чтобы усиливаться. — Авт.). Я считаю, что у меня все получилось идеально: «Юта» — сильный клуб, и там есть уже достаточно старые лидеры, которые через два-три года уйдут и освободят место молодым. То есть мне.

— А ты сколько денег получаешь?

— Точно даже не знаю. Примерно восемьсот тысяч в год. 51% отнимаешь сразу на налоги. Это в четыре-пять раз меньше, чем я мог бы получать в Европе. Но в Америке уровень баскетбола на голову выше. И оттуда уехать в Европу никогда не поздно, причем с очень хорошим контрактом. А можно остаться в лиге и подписать контракт, который будет в десять раз больше, чем европейский: зависит от того, как играешь. Например, Карл Мэллоун получает двадцать миллионов в год.

— Почему наших в НХЛ много, а в НБА — нет?

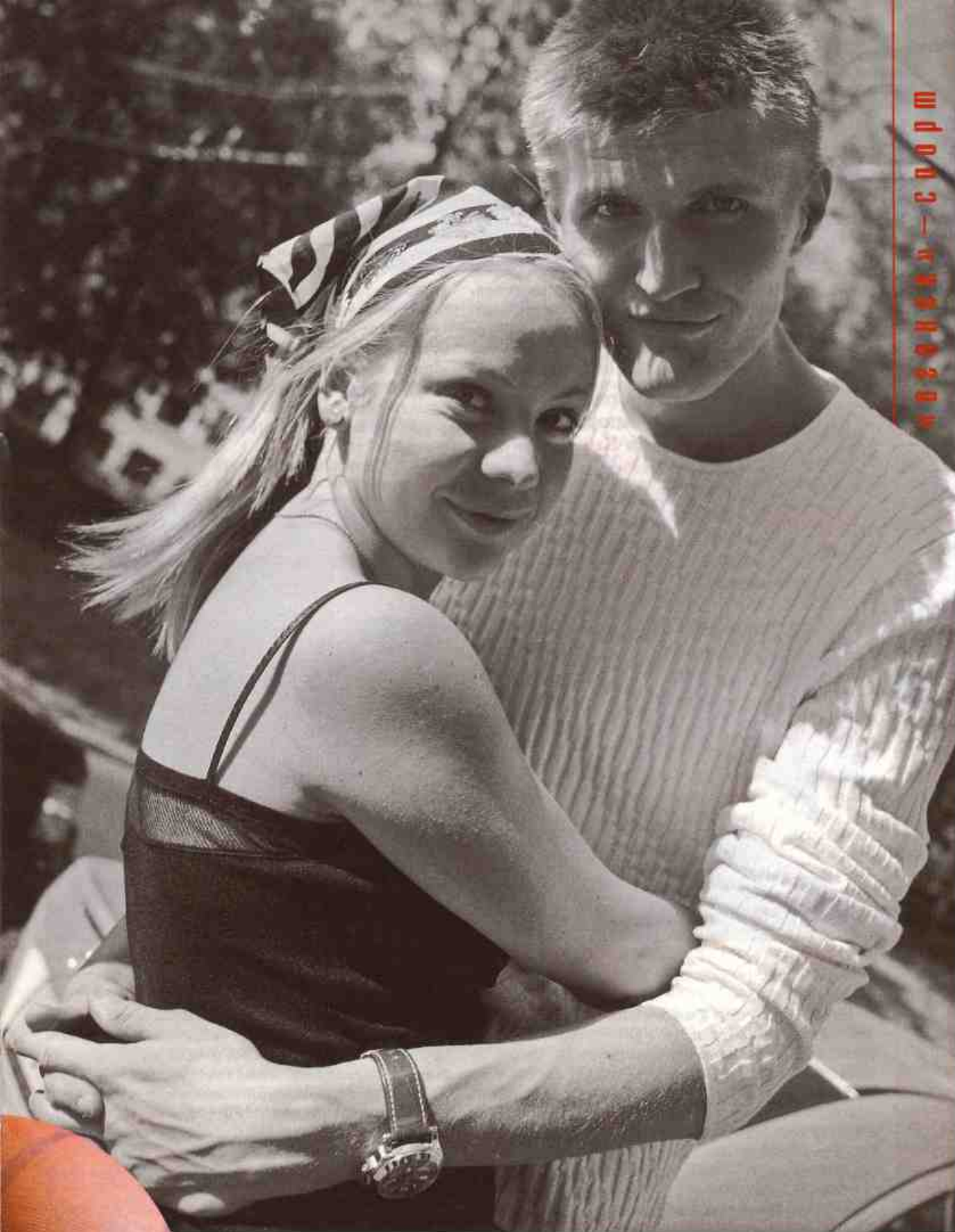
— Потому, что все уже знают, что в НХЛ можно жить и играть. Первопроходцы — Макаров, Крутов, Ларионов, Федоров, Могильный — проторили дорожку. А НБА до сих пор считается недостижимой. Ездил Сергей Базаревич, всего девять игр сыграл, Никита Моргунов почти все время на скамейке сидел. Никто из игроков не сумел за-

Андрей Кириленко

«Автомат Калашникова» из «Юта-Джаз»

47

Сергей БЕЛОГОЛОВЦЕВ
Александр ДЖУС
(фото)



крепиться. Поэтому предпочитают ехать в Европу — там спокойнее. Надеюсь, я прорубил окно в Америку.

— И как ты объяснишь, что ты заиграл в НБА, а другие нет?

— Мне очень повезло с «Ютой». Окажись я в «Клипперс», который слабее «Юты», не факт, что я бы играл — там много толковых молодых игроков на моей позиции. В НБА вообще настороженно относятся к европейцам. Предпочитают своих.

— НБА — это действительно запредельный уровень?

— Да, но не такой, как нам преподносят. Что они все летают, как бэтмены, и европейцам это недоступно. С ними можно играть и можно их обыгрывать. Если не бояться.

— То есть русские у них когда-нибудь выигрывают?

— Думаю, что в сентябре на чемпионате мира в Индианаполисе американцам будет непросто. Сейчас в НБА играют много югославов, они никого не боятся. Ну и мы поборемся.

— Ты помнишь, кто тебя встречал в аэропорту, когда ты приехал в Штаты?

— После пятнадцатичасового перелета я мало что сообщал. Смотрю, отделяется от толпы человек в шортиках, мятой рубашечке, кепке: Andrey, I'm Kennet O'Connor —

vice-president Utah Jazz. Отвез меня в какой-то жуткий отельчик. Ну, думаю, началось. Две недели я там прожил — отыграл летнюю лигу. Вошел в какую-то символическую пятёрку. Решил, что город — полный «отстой» и делать там совершенно нечего. Во второй раз приехал уже осенью — играть сезон. Помню первую тренировку. Заходит Джон Стоктон, потом Карл Маллоун, я представляюсь, они говорят: «Да мы тебя знаем!» Я просто обалдел. Американские тренировки кардинально отличаются от наших. Там, конечно, никакие возражения тренеру невозможны. Слоун — непревзойденный авторитет. В команде нет понятия «дедовщина», как у нас. Игроки, конечно, пытались надо мной подтрунивать, но, поскольку я еще не знал английского в совершенстве, все подколки улетали просто в воздух. Они начинали смеяться, а я сидел с непроницаемым лицом, кроссовки завязывал. Иногда даже, понимая шутки, делал вид, что «не въехал», чтобы не развивали темы. Первую неделю я просто помирал: тренироваться было трудно — акклиматизация, темп очень высокий. Но они особенно ценят, если выкладываешься и на тренировках, и в игре. Меня называют hasel — игрок, который бьется до последнего.

— Нет ли в лиге «белой» дискриминации?

— Если встречается белый, который им не уступает, они сразу начинают уважать, называют brother. В этом году я в составе команды новичков попал на игру всех звезд. Приехал на пару дней раньше остальных. Захожу в гостиницу — в холле Шака О'Нила дает интервью. Занимает ровно половину этого холла. Я протискиваюсь с краешка. Он увидел меня, замахал руками, задев пару люстр, и как закричит: What's up my brother! — и бежит ко мне, как стадо слонов к водопою. Я завертел головой, может, сзади идет кто-нибудь — Дэвид Робинсон или Коби Брайант. Никого. Значит, это ко мне. Я затерялся в его объятиях, пропал где-то под мышкой. Рука утонула при пожатии в огромных лапах. Мой чернокожий носильщик от удивления с открытым ртом на полном ходу врезался в лифт. Очень смешно! Я был вместе с тестем, Андреем Лопатовым, я его представил. Мы вошли в номер и минут пять просидели молча. А потом хором, не сговариваясь, выдохнули: «Да ведь это был сам великий Шакил О'Нил...»

— А ты согласен, что Джордан — самый великий атлет XX века?

— Да. Ему проигрывают, еще не выходя на площадку, морально. Когда я играл против него в первый раз, отработал нормально. Будто и не знал, что это Джордан. На последней минуте матча, когда мы проигрывали два очка, я его горшкинул (накрыл — Авт.), потом улетел в отрыв и забил. Почувствовал себя причастным к победе над Джорданом. Особых восторгов у партнеров не было, как будто обыгрывать «его воздушность» — обычное дело. А во вторую игру у меня уже в самом начале матча диафрагму куда-то прижало, дыхание перехватило. Ноги не побежали. Как играть против бога?

— Часто игроки твоей команды мелькают по телевизору?

— Каждый день обязательно с кем-нибудь интервью или передача. У нас есть телеканал, который ежедневно посвящает «Юте» часов восемь. Ток-шоу, реклама, продажа сезонных абонементов, выступления аналитиков, экстрасенсы, предвещающие победу, опросы на улицах, вопросы звездам, игры — домашние и выездные.

— О чем тебя обычно спрашивают на шоу?

— До сих пор интересуются, ходят ли медведи по улицам. Seriously. Когда говорю, что Москва — мегаполис типа Нью-Йорка, удивляются страшно. И когда рассказываю, какая здесь средняя зарплата, смеются, думают, шучу.

— А болсят по-разному за своих и приезжих?

— Нет. С чужими им, по-моему, даже веселее — экзотика. Зрители приходят с рисованными русскими флагами, изображениями автомата Калашникова (прозвища в НБА дают только самым заметным игрокам. Кириленко зовут АК-47 и, как одноименный автомат, считают лучшим русским оружием. — Авт.). Пишут на транспарантах: «Welcome, АК-47» или «Добро пожаловать». Однажды Машка на моей машине ехала в магазин, ее обогнал здоровенный джип, остановился, из него высыпала куча детей, упали перед нашей машиной на колени и начали бить поклоны. Маня испугалась и на всякий случай заблокировала двери. Мой «порше» с номером АК-47 в городе знают. А у нас в семье кто первый спустился в гараж, тот его и

взял. Я обычно в восемь утра уезжаю на тренировку, жене достается «ауди» с номером MASHKA.

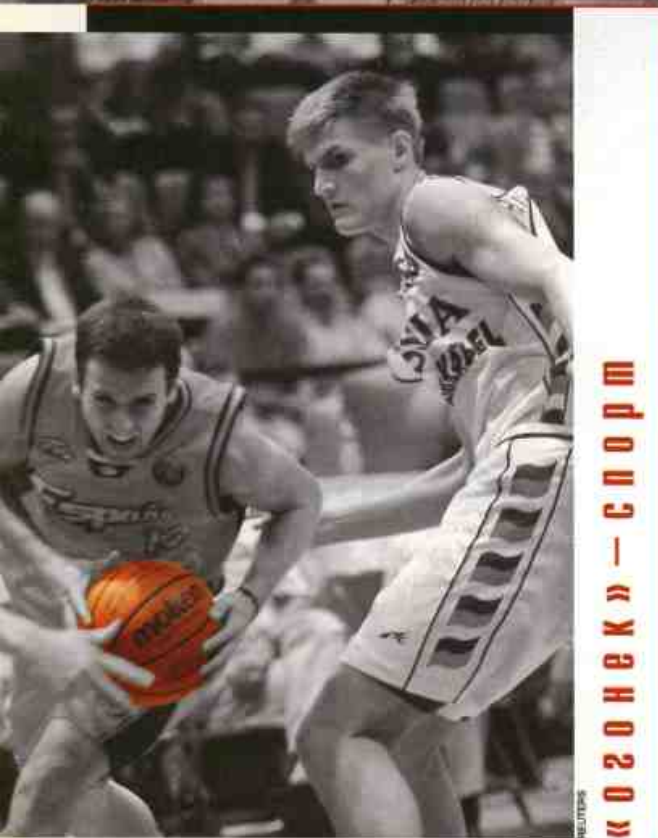
— И с какой скоростью ты на своем «порше» передвигаешься?

— Однажды я устроил проверку собственного мужества, сколько могу выдержать. Максимально получилось 240 — 250 километров в час. Но в такой машине скорость не чувствуется.

— Андрей, а вот такой частный вопрос. Когда выяснилось, что Мейджик Джонсон инфицирован, шли разговоры, что у него было более тысячи сексуальных приложений. Это правда, что за командой следуют тысячи поклонниц?

— Знаешь, каждый мужчина любит прихвастнуть. Насчет тысячи — это слишком. Может, от силы двадцать

Баскетбольная пятерка всех времен и народов от Андрея Кириленко: второй номер — Джордан, пятый — Сабонис, первые — Валтерс или Стоктон, четвертым поставлю Чемберлена, возможно, Белова



пять. Думаю, с российскими шоу-звездами вряд ли кто сравнится.

— А тебя, получается, поклонницы не преследуют?

— Мне рассказывали, что в Сан-Антонио какая-то русская девушка искала меня на этаже в два часа ночи. Говорил потом, что же вы ей номер комнаты не сказали, мы бы поболтали на родном языке. Фаны даже домой приходят. Раз в неделю примерно собираются толпой, стучатся и говорят: «Мы хотели просто посмотреть на тебя». Я им больше не открываю. Но в России это часто гораздо неприятнее — подолгу не отлипают: «Пойдем пивка выпьем, че ты».

— То, что Маша дочь известного баскетболиста Андрея Лопатова (знаменитые армейские «три мушкетера» 1980-х — Мышкин, Тараканов, Лопатов. — Авт.), как-то помогает ей разбираться в твоей игре?

— Нет. Она до сих пор смешит меня вопросами: «А что, разве по площадке не просто так бегают, а еще и какие-то тактические схемы играют?» Или вдруг спросила: «Кому мяч отдают после аута?»

— Она на игры ходит?

— «Домашние» все смотрела в зале. На некоторые ездила — в Вашингтон на Джордана смотреть, например. Клуб покупает билеты женам и организует для них поездки, но летят они отдельно. Могут только в гостинице вместе с нами жить.

— Как это? Российские тренеры жен и игрокам во время соревнований не допускают.

— По-моему, это глупость. Мне Машка помогает настроиться на матч. Жена же не только для того, чтобы сексуальную энергию выбрасывать. Тогда и жениться не нужно. Не надо особо утруждаться, чтобы с кем-то провести ночь. А Маню я люблю.

— Жены баскетболистов «Юты» общаются между собой?

— Да, и очень плотно. Для них есть специальные комнаты, куда они могут уйти с матча, отдохнуть, там работают бебиситтеры. Мы своего Федора брали пару раз на игры, но ему там еще пока слишком громко.

— Как отношения с сыном складываются?

— На мне воспитательная работа. Учю его подавать руку и улыбаться, когда на него смотрит отец. Умею его кормить. Хозяйством не занимаюсь — у меня в доме три женщины. К Федькиному рождению примчались Машины родители и моя тетя — все хотят видеть внука. Федька у меня говорит «гыя». Когда прихожу домой, спрашивает глазами: «Где был?»

— Время свободное остается?

— Да. На компьютерные игры. У меня каждый год проходит под знаком какой-то игры: Diabolo-2, Lord of destruction, или Might and magic, или Age of Empires. Все игры стратегические. Еще я люблю «ходилки» типа Half-Life Counter-Strike. Маня пыталась со мной бороться, и пришлось заключить соглашение: только она мне может разрешить играть в компьютер, и только я могу разрешить ей выпить бокал вина. Иначе получается любовный треугольник: я, Маша и компьютер. А Федька — в центре, и непонятно, кого выберет, когда подрастет.

— Легионеры обычно жалуются, что им тоскливо вдали от Родины. А вы как?

— Мы скучаем по друзьям и родственникам. Если к нам приезжают любимые люди, этого достаточно для полного счастья. Мы с Машкой кайфуем друг от друга. От нашего сына. Независимо оттого, что мы делаем.

— Лена Баранова (лидер женской сборной страны. — Авт.) мне говорила, что баскетболисты умнее, чем, скажем, футболисты или хоккеисты. Потому что у них в руках мяч, который постоянно во взаимодействии с нервными рецепторами на руках.

— Нельзя говорить умнее. Возможно, находчивей и изобретательней. Но это не факт. Если и вправду так, я бы выдвинул другое объяснение. У нас очень небольшая площадка и нет времени на раздумья — на атаку отводится 24 секунды. Футболист может взять мяч, осмотреться, пасануть назад, на край. В баскетболе решения принимаются в долю секунды — поэтому у многих ребят хорошее чувство юмора. ■

Азарт

в рамках закона

Во всемирной истории игорный бизнес давно зарекомендовал себя как серьезная отрасль экономики. От казино берут свое начало многие города на карте мира. К примеру, в начале 60-х годов XIX века Монако представляло собой измученное войной государство — вотчину княжеского дома Гримальди. И что только не придумывали, чтобы возродить былые величия княжества: устроить курорт, проложить хоть какое-то сообщение с остальным миром, выстроить театр и рестораны. Но средств на благоустройство не было. К счастью, блестящий финансист и банкир Морис Блан нашел выход и предложил

построить в княжестве игорный дом. Вскоре вокруг казино вырос целый город, который прославил Монако на весь мир. И назвали этот город по имени казино «Монте-Карло».

В России проблем в игорном бизнесе, пожалуй, больше, чем в какой-либо другой сфере бизнеса. И все потому, что до сих пор нет самой основы для нормального функционирования — федерального закона об игорном бизнесе. Отсюда многочисленные проблемы налогообложения и неразбериха в вопросе лицензирования игорных заведений.

О ситуации, сложившейся в игорном бизнесе, сегодняшний разговор.



Созданием законодательной базы игорного бизнеса занимается председатель экспертного совета по вопросам регулирования лотерейного и игорного бизнеса при Комитете по бюджету и налогам Госдумы РФ Игорь Юрьевич Динес.

— Насколько я знаю, именно вы стали автором проекта зако-

на об игорном бизнесе, который проходит сейчас первое чтение в Государственной думе?

— Да, дело в том, что легальный игорный бизнес в современной России существует уже десять лет, но до сих пор в нашей стране не было какого-либо закона, который бы определял, что такое игорный бизнес, кто имеет право им заниматься, какова государственная политика в отношении игорных заведений.

А ведь очевидно, что отрасль, которая имеет сегодня свой собственный налог — налог на игорный бизнес (это больше 1 миллиарда рублей ежегодно), — наверное, заслуживает того, чтобы быть описанной отдельным законом и работать в более определенных правовых условиях.

Вот почему я внес проект закона об игорном бизнесе на рассмотрение Госдумы. Принятие этого законопроекта к рассмотрению совпало с важным событием! В феврале-марте этого года правительство передало право лицензирования игорного бизнеса Госкомспорту. Однако сложно представить, что Госкомспорт после получения полномочий по лицензированию игорного бизнеса может сразу же всерьез опираться на свои территориальные комитеты как на органы лицензирования. Ведь до выхода этого постановления лицензирование осуществлялось специальными лицензионными палатами, работа в которых предполагает специальную юридическую подготовку служащих, компетентность в сфере бизнеса, подлежащего лицензированию.

Конечно же, у Госкомспорта этого пока нет. Поэтому в своем письме Касьянову я предложил правительству найти форму временного решения данной проблемы, продлив на необходимое время механизм выдачи лицензий органами исполнительной власти субъектов РФ. Единственной реакцией на мое предложение можно считать письмо Госкомспорта президентам республик в составе РФ, губернаторам, главам администраций РФ, в котором Госкомспорт рекомендует органам субъектов РФ до выхода нового постановления правительства РФ сохранить существующий порядок лицензирования. Но, к сожалению, это письмо по нашим правовым оценкам нелегитимно и является просто-напросто филькиной грамотой, которой, к сожалению, нельзя воспользоваться. Дело в том, что полномочиями на передачу прав лицензирования в нашей стране обладает только правительство, а правительство пока молчит.



Алексей Эдуардович Барбарин, почетный президент Союза культурно-развлекательных центров г. Москвы:

— Сейчас я просто не понимаю, зачем Госкомспорт выбил себе это направление деятельности. Ведь государство и так берет налоги. Если оно считает, что нужно их брать больше, то пусть берет

больше и отдает какую-то часть спорту. Зачем здесь лишний оператор? Кроме того, непонятно, как это увяжется с российскими законами, согласно которым я, например, уже плачу налоги, а тут ко мне приходят из другой организации и требуют, чтобы я заплатил еще. Ведь Госкомспорт сегодня сказал заплатить столько, а завтра он скажет заплатить еще. С какой стати? Я считаю, что должен быть закон, регулирующий отношения в этой области. До сих пор такого закона нет. Например, в Москве уже сформировалась определенная система лицензирования, согласно которой казино не должны располагаться в жилых домах, рядом с казино не должно быть детских садов и других подобных заведений и так далее. Почему бы не взять такую проработанную схему за основу общего лицензирования? Ведь система казино — это крупный бизнес, и нельзя допустить, чтобы где-то в Махачкале человек мог получить лицензию и открыть в Москве так называемое казино, поставив стол с рулеткой. А по новым правилам получается — это вполне осуществимо. И это влечет за собой дискредитацию всего бизнеса!

Каждое казино ведет большую благотворительную работу. Например, Союз КРЦ г. Москвы проводил множество благотворительных акций по борьбе с наркотиками, в помощь больницам, детским садам и интернатам для детей-инвалидов. «Александр Блок» устраивает вечера встреч для ветеранов ВОВ; «Шатильон» помогает отечественному кинематографу; «Космос» спонсирует фонды органов правопорядка и шефствует над детским садиком; «Шангри Ла» опекает школу детей-инвалидов, ассоциацию детских домов и ремонтирует храм; «Винсо Гранд» помогает Союзу евреев-инвалидов и ветеранов войны, больнице для детей с церебральным параличом; «Арбат» является меценатом нескольких детских садов, православной и татарской школ. Казино «Ройял» уже давно помогает конно-спортивному клубу детей-инвалидов. Московская игровая система «Джекпот» помогает Фонду Артема Боровика, шефствует над двумя подводными лодками Северного флота и эсминцем, участвует в президентской программе «Дети России», помогает бороться с детской беспризорностью, отчисляет средства на лечение детей с врожденным пороком сердца.

Никто из владельцев казино не против спонсировать благотворительные спортивные программы. Однако деньги, уходящие в Госкомспорт, могут тратиться на имидж сборных спортивных команд, а это, согласитесь, все-таки дело государства, а не отдельных бизнесменов.



Прокомментировать ситуацию мы попросили Иосифа Николаевича Орджоникидзе, заместителя мэра Москвы в правительстве Москвы, председателя комиссии правительства Москвы по игорному бизнесу:

— Начнем с того, что в Москве на сегодняшний день существуют устоявшиеся правила лицензирования и работы казино, которых в столице открывается

ровно столько, сколько из них могут соответствовать этим правилам. А правила предусматривают, в частности, то, что казино не могут существовать сами по себе и должны работать в комплексе с другими культурно-развлекательными заведениями: барами, дискотеками, сценическими площадками, ресторанами и так далее. Вместе с тем казино, например, не могут находиться в жилых домах, вот почему, скажем, на улице Тверской сейчас нет ни одного казино. Такие правила пять лет назад были установлены распоряжением мэра города Москвы, и они уже успели доказать свою эффективность. Кстати, когда правила функционирования казино в Москве только утверждались, в столице их существовало около 130, но в течение месяца после принятия почти 100 из них закрылись. Причем закрылись сами, без какого-либо давления извне. Закон об игорном бизнесе, проект которого сейчас обсуждается в Государственной думе практически полностью был написан, исходя именно из московского опыта. Поэтому именно этим законопроектом мы удовлетворены, считаем его нормальным и удовлетворяющим реалиям сегодняшнего дня. Что же касается закона о лицензировании: если сейчас взять и прочитать его, то вы найдете положение о том, что лицензия, выданная на Камчатке, будет действительна в Москве. Сразу становится ясно, что это влечет за собой неразбериху в данной сфере. Такое возможно в Монако, но не в России. И здесь следует отдать должное Госкомспорту, который вовремя понял, что у него не готова пока соответствующая база, которая помогла бы справиться с новыми обязанностями. В результате совместно мы решили, что пока вопросом лицензирования должна заниматься специально созданная комиссия по игорному бизнесу, в которую входили бы представители всех ведомств, занимающихся сегодня в той или иной мере игорным бизнесом. Я возглавляю эту комиссию. И, скорее всего, постановление о создании такой комиссии мы в скором времени подпишем. Вот такое решение этой проблемы мы видим.

— Значит ли это, что у Москвы в этой ситуации будут какие-то преимущества перед другими регионами?

— Не думаю, просто для большинства регионов сегодня эта проблема не столь актуальна. Но казино в регионах тоже есть, поэтому пусть все, как всегда, начнется в Москве, а потом постепенно положительный московский опыт решения подобных проблем распространится и по всей России. □

Королева и ТЮЛЬПАНЫ

«У нас нет времени на пустяки:
главное – правильно посадить»

Александр ИВАНСКИЙ



Летом прошлого года королева Нидерландов с прекрасным именем Беатрикс (что по-нидерландски значит — «красивая») приехала в Москву. Это был первый визит королевской особы из этой страны за последние 300 лет. Мы не знаем наверняка, почему монаршие особы Голландии не приезжали к нам так долго. Наверное, ждали подходящего момента.

После Петра Первого (а последняя встреча нидерландского монарха была именно с ним) в России никогда не было спокойной обстановки. Сначала Екатерина II все переворачивала, потом декабристы, потом в середине XIX века большая общественная борьба, потом в 1917 году революция, потом кровь, потом война, потом СССР, где не любят королей, потом путч и опять кровь... Среди этих великих событий никак не находилось места для приезда королевской особы.

Как известно, все голландцы (для непосвященных: Голландия и Нидерланды есть одно и то же, примерно как Англия и Великобритания) помешаны на тюльпанах, и в первую очередь на них помешана королевская особа. Тюльпаны в современной Голландии одновременно являются и

бизнесом, и символом спокойной, рассудительной жизни. Во время своего прошлого визита королева изрекла несколько мудрых наставлений. Вот как она себе представляет настоящее человеческое счастье:

— Человек не должен думать о политике. Человек должен думать о прекрасном и спокойном, о цветах. Они никогда не воюют, они не агрессивны... Они просто растут. И по-настоящему мудр тот человек, который получает удовольствие от выращивания цветов или просто от любования ими. Поэтому в нашем королевстве считается большой честью выращивать тюльпаны. Пока наши люди выращивают тюльпаны — у нас со страной все в порядке. У нас нет войны, у нас нет проблем с политикой... Короче, люди не отвлекаются на пустяки и занимаются настоящим делом — тюльпаны выращивают!

По мнению королевы, в последнее время в России многое изменилось.

— Мы долго не могли к вам приехать, потому что просто боялись и думали, что вы нас не поймете... Теперь другое





дело. В вашей стране за короткий срок что-то принципиально меняется. В вашей стране... Ну, одним словом, вам пора начинать выращивать тюльпаны.

Королева Беатрикс приехала не с пустыми руками, она привезла с собой 20 000 тюльпанных луковиц специально выведенного для нас в Голландии сорта. «Надеюсь», — сказала королева, — что 20 000 тюльпанов дадут свои плоды: ваши люди переймут культуру Голландии, начнут выращивать тюльпаны и тоже — вдалеке от ненужной уже политики — станут вполне счастливыми со своими цветниками и приусадебными участками».

Королева Беатрикс поделилась секретами, как правильно выращивать тюльпаны, чтоб они получились такими же сочными и красивыми, как в Голландии:

— На самом деле у нас это главная наука. И лишь немногие до конца ее освоили. Хотя основные рекомендации достаточно просты, ведь тюльпаны, как и все луковичные растения, не требуют специального ухода... Главное — правильно посадить. Весенние сорта луковичных (они цветут с апреля по июнь) нужно сажать осенью, начиная с сентября до первых заморозков. Цветущие летом луковицы нужно сажать весной, в мае, сразу по окончании периода ночных заморозков. Тюльпаны надо сажать на глубину, в 2 — 3 раза превышающую размер луковицы, на расстоянии 10 — 15 сантиметров друг от друга. Но самое главное — это почва. Тюльпаны очень трепетно относятся к почве! Перед посадкой необходимо хорошо разрыхлить и выровнять почву. Цветы можно сажать, в принципе, в любую почву, главное — чтоб она хорошо пропускала воду! Если у вас в саду преобладает тяжелый глинозем, смешайте его верхний слой с песком или компостом. До первого цветения почву можно больше не удобрять. Ухаживать за луковичными просто. Сразу после посадки почву надо хорошо увлажнить и внимательно следить за дорогими цветами...

Королева свое тюльпанное дело, оказалось, знает твердо. И ничего, что приятно, от нас не утаила, если судить по тому, что в этом году в московском парке «Кулково» расцвели ровно 20 000 голландских тюльпанов.



СМЕРТЬ — ЕДИНСТВЕННЫЙ ПУТЬ К БЕССМЕРТИЮ

Практически все лето — с 4 июня по 18 августа — в Государственном музее изобразительных искусств им. А.С. Пушкина продлится выставка древнеегипетского искусства «Путь к бессмертию». Все ее экспонаты (более 2000 единиц: саркофаги, статуи, статуэтки, полихромные маски, рельефы, мумии, печати, амулеты, Фаямские портреты, жертвенники, полихромные ящики для каноп и ушебти, погребальный инвентарь, магические папирусы и др.) имеют непосредственное отношение к погребению — культовому обряду древних египтян, которые через него искали пути к бессмертию человеческой души. Древние египтяне свято верили, что путь к бессмертию лежит через смерть, и потому порой всю жизнь готовились к одному из самых таинственных обрядов — погребению. Идея этой выставки, созданной на материале подлинных памятников, хранящихся в ГМИИ им. А.С. Пушкина, — попытка осмыслить представления древнего народа о потусторонней жизни. Кроме того, в рамках работы выставки (9 — 10 июня) пройдет Международная египтологическая конференция.



«МИРАЖИ» И «ЧЕМОДАНЧИК» НА ФОНЕ МРАМОРНОГО ДВОРЦА

Минувший май в Государственном Русском музее оказался богатым на разного рода выставки. Судите сами: в Мраморном дворце прошла выставка Н. и В. Черкасовых «Миражи империи» — коллажи и фотомонтажи имперской архитектуры и образов наших современников. Позже Мраморный дворец заняли «Итальянские художники XVIII — XIX веков. Из собрания ГРМ». В экспозиции произведения живописи, рисунка, акварели и скульптуры мастеров из «страны высоких вкусов», многие из которых работали в России в XVIII и в первой половине XIX века: Б.Ф. Растрелли, В.Ф. Бренна, К. Росси, А. Ринальди и др. В начале июня опять же в Мраморном дворце в рамках программы «Филипп Старк в России» открылась выставка «Чемоданчик» Филиппа Старка из произведений этого известного французского дизайнера. Талант Старка простирается от дизайна экстерьеров и интерьеров до архитектурных комплексов и создания собственной философии в разработке кухонных принадлежностей — от зубной щетки до макетов зданий. А в самое ближайшее время в ГРМ ожидается выставка Джудит Ротшильд, американской художницы, работавшей в русле абстрактной традиции.



СПОРТСМЕНКА, АКТИВИСТКА И ПРОСТО КРАСАВИЦА

Видимо, вдрогонку «Мисс Военной» «Русское радио» решило определить свою красавицу — «Мисс «Русское радио» — Москва». Конкурс на право обладания этим титулом прошел на днях в Гостином Дворе. Правда, кроме претенденток, здесь собралось немало признанных красавиц и красавцев из шоу-бизнеса: Алена Свиридова, Лопита, Анита Цой, Дмитрий Маликов, Александр Маршал и др. А в результате работы строгого жюри, которое возглавлял Сергей Кожеников (на фото), победительницей конкурса признали 21-летнюю Марию Чеботкину, кандидата в мастера спорта по синхронному плаванию и будущего специалиста в области рекламы.

ВЫСТАВКИ

ВЗГЛЯД НА МИР ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ «ТОПАЗА»

29 мая 2002 года в галерее Братьев Люмьер (Москва, ЦДХ) открылась выставка «Искусство видеть: все грани «Топаза». Как нетрудно догадаться, организовал ее ликероводочный завод «Топаз», для участия в этом проекте пригласивший фотографов необычных направлений и стилей. Например, Дмитрий Саларов и Игорь Лалшин работают с цифровыми фотокамерами и создают композиции с помощью компьютера. А Михаил Семенов, сотрудник журнала «Подводный мир», путешествуя под гладью мировых океанов и морей, делает неповторимые постановочные фотографии.



БАСИЛАШВИЛИ С НОВА В «ЦЕНЕ»

О том, что известный и любимый многими петербургский актер Олег Басилашвили сломал ногу и долгое время не мог выходить не то что на сцену, а вообще из дома, москвичи почтители его таланта ни за что бы не узнали, если бы не отсутствие в программе Театра Антона Чехова спектакля «Цена», в котором Басилашвили блистал с самого его премьерного показа. Сейчас все в порядке: Басилашвили встал на ноги и продолжает играть в «Цене» вместе с А. Равиновичем, В. Золотухиным и В. Сотниковой. Спектакль «Цена» вы можете увидеть в июне на сцене Театра им. Евг. Вахтангова. На сцене этого же театра в июне пройдут спектакли Театра Антона Чехова (отец-основатель и художественный руководитель Л. Трушкин): «Пизанская башня», «Поза эмигранта», «Шалопай, или Кин IV».

НОВАЯ ЖИЗНЬ «ЛЕБЕДИНОГО ОЗЕРА»

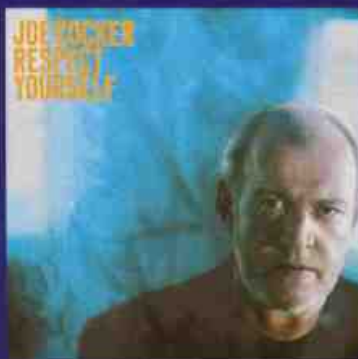
Как-то уж так повелось, что балет «Лебединое озеро» ассоциируется у нашего народа не с красивой сценической сказкой, а с чем-то мрачным и трагичным. Переломить ситуацию и возродить доброе имя главного балета России решил внук Игоря Моисеева. На сцене Театра «Новая опера» 22 июня состоится премьера балета «Лебединое озеро» в рамках программы поддержки молодых исполнителей и артистов российского балета. Постановку этого спектакля осуществляет Русский национальный театр балета под руководством заслуженного артиста России солиста Большого театра Владимира Моисеева. Основными принципами, по которым работает труппа, являются не только сохранение творческого наследия великих мастеров русского балета, но и беспрестанный поиск новых форм в хореографическом искусстве, открытие новых пластических направлений и возможностей танца. Недаром девиз театра: «Талант и преданность служению искусству».



ДЖО КОКЕР: «РУКИ ПРОЧЬ ОТ МОЕГО СЕРДЦА!»

Голос Джо Кокера до сих пор является для жителей Европы олицетворением искренности и чувственности, ныне загнанных стараниями политкорректных правительств куда-то в дальний отсек души западного человека. Недавно появившийся миллионер в очередной раз явил себя страстным борцом... за

высокое, как говорится, звание артиста. Налоговая служба Австралии купила у Кокера за 150 тысяч долларов права на использование песни Unchain My Heart, не проинформировав артиста о том, что песня будет сопровождать рекламу в поддержку нового 10-процентного налога на товары и услуги. Песня, по задумке авторов ролика, должна была символизировать «освобождение австралийцев от цепей в результате новой налоговой реформы», поскольку название песни в переводе звучит, как «Освободи от цепей мое сердце». Мы-то с вами, конечно же, понимаем, о чем речь, а вот австралийцы, видимо, уже нет... Ну ничего. Узнав о рекламе, Кокер был взбешен и потребовал убрать ролик из эфира, поскольку «...за 30 лет не спел еще ни одной песни о налогах». Пока австралийское правительство решает, с кем дешевле осориться — с мировой легендой или собственным народом, — россиянам представится шанс увидеть бунтаря лично: 26 июня Кокер даст единственный концерт в Москве, в Государственном Кремлевском дворце.



Толстый малыш	Огу- речный	Окта- вия			2	Месяц	Страна в Европе	Насе- ление	Досто- евский, роман			Лекар- форма
		Один	Явор		Крупный бронь- носец			3		Бондарь	1	Упряжь
	Изын в изделии	Запас	5			Аллига- торова груша		Люби- тель музыки	Узкая полоса			
				Рус. адми- рал	Умение читать					Яма на дне реки		Пробел, пропуск
	Голл. морепла- ватель	Юбка танцов- щицы		Страт. вооду- шевле- ние		Спорт. ботинок			Фортеляно			
		Браз. писа- тель	Магни- тофон		Пись- менный		Женщи- на, Польша		Бес- правный человек	Гоген, картина		Протон, элект- рон
Одновр. выстрел	Город, Хакасия				Состав- ляющая плова	Округ- лый кусок	Форма, бетон					
		Мате- риал, шляпа				... носу не под- точит			Фитиль, искра	6		
Спорт. состязание	Торча- щая придь			Порабо- тающая сила	7		Пря- ность			Жена Леннона		
Набо- ков, роман		Изобрет саксо- фон			величия			8	Сыр			

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 23

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 6. Рекогносцировка. 9. Сабля. 10. Теснота. 11. «Браво». 14. Глинка. 16. Родари. 17. Ящха. 19. Акциз. 20. Овал. 22. «Бег». 23. Ряд. 25. Индия. 26. Город. 27. Гидра. 28. Намет. 30. Адрес. 31. «Байер». 32. Том. 33. Пан. 34. Бюро. 37. Почта. 39. Кама. 41. Бостон. 42. Орбита. 44. Алмаз. 45. Адмирал. 46. Хурма. 47. Тенденциозность.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Берлага. 2. Индейка. 3. Осень. 4. Виртуоз. 5. «Скорпио». 7. Шабаш. 8. Свора. 12. Кисея. 13. Варяг. 15. Аккордеон. 16. «Риголетто». 18. Кентавр. 21. Вербена. 22. Билет. 24. Дилан. 29. Томск. 31. Бамя. 35. Юкола. 36. Образец. 37. Полдень. 38. Архаизм. 39. Капуста. 40. Магма. 43. Житие.

1	2	3	4	5	6	7	8
---	---	---	---	---	---	---	---

а с т р о л о г и ч е с к и й п р о г н о з 1 0 — 1 6 и ю н я



ОВЕН Совершенно не обязательно комплексовать по поводу собственной внешности и интеллекта. Что выросло, то выросло! Смутный вторник, способный увлечь все поголовье вашего офиса новой идеей, принесет больше хлопот, чем радостей. Среда — неплохой день для участия в соревнованиях или ток-шоу. Блеснуть физподготовкой или эрудицией удастся неоднократно. Хлопая пушистыми ресницами, продефилирует четверг. Впадая в новую любовь, как в реку, не идите на дно. В конце недели старайтесь совместить старых друзей с новыми тостами.



ТЕЛЕЦ Борьбе за выживание призывает посвятить себя понедельнику. Ну не в джунглях же мы, елы-палы! Не хватается за мечете и топоры, решает споры цивилизованно. Вторник со средой намерены заранее выстроить линию поведения. Домашние заготовки помогут выбраться из тугика, в который так и норовит загнать пакостный шеф. Соблазны окружают вас плотным кольцом в четверг. Не поддавайтесь чарам и обещаниям. Недоброкачественные партнеры зададут запрет жар вашими руками в пятницу. Не играйте с огнем. Выходные аункнутся обилием встреч и недостатком финансов.



БЛИЗНЕЦЫ Наломать дров, нагородить огородов и навести тень на плетень суждено в понедельник. Если здравый смысл ускользнет от вас, не отчаивайтесь — это временное явление. Во вторник Близнецам-руководителям полезно отдохнуть от подчиненных, скрывшись в неизвестном направлении. Близнецам-подчиненным рекомендуется рвать когти в противоположную сторону. Скоропалительные решения четверга не сценментируют семейный очаг, скорее наоборот. Надо подумать, прежде чем поменять все замки и спрятать ключи от тещи (свекрови). Последние два дня недели посвятите покупкам.



РАК В начале недели есть угроза, что вас присушат или приворожат. Избегайте употреблять в пищу сомнительные салаты с сушеными лягушками и вареными пауками. Среда с четвергом безмерно благоволят деловым контактам и величественным планам по реорганизации (электрификации и другим -циям). Фактор нестабильности, присутствующий в багаже пятницы, не должен повлиять на ваши отношения с младым и незнакомым племенем, иначе придется пасть жертвой непонимания. Выходные «сожгут» всю наличность. Тушите костер шампанским.



ЛЕВ Легчайшее недомогание подстерегает вас в понедельник. Дабы обойти стороной неприятный участок, будьте разборчивы во всех предлагаемых связях. Потребовать возврат долгов необходимо во вторник. Старайтесь обойтись без манипуляций с утюгами и иголками. Среда для того и устроена, чтобы вы тихо-мирно поработали на себя и родину. В четверг и пятницу вы должны быть открыты миру, в ответ мир откроется для вас. Заграничные вояжи и турне хлынут мощной струей. В один из выходных старайтесь больше шутить и веселиться с детьми.



ДЕВА Хоть тонус далек от идеала, аура не совсем чиста да и карма барахлит, смело вступайте в понедельник! Успех намерен сопутствовать вам весь день. В среду и четверг знайте, что шеф готов забрать вас на галереи. Бегите прочь, превозмогая желание постоянно лицезреть начальственную физиономию. Разобрать сундуки, кофры, бюро и прочие буржуазные вместилщица лучше всего в пятницу. В конце недели займитесь дрессировкой домашних животных. Однако преждевременно не стоит натаскивать хомячков на след тещи (свекрови).



ВЕСЫ Домочадцы намерены выступить против ваших очередных затей в понедельник. Затевая, учитывайте мнение демоса. Ко вторнику сбережения истощатся и нервные клетки истончатся. Пришло время отдать себя двум теткам: Экономии и Диете. Идея сзарит собой среду. Опробуйте на «половине». Четверг притормозит инстинкты. Благо, ненадолго. Короткими, но яркими конфликтами богата пятница. Помните, что у коллег, шефа, «половины», тещи (свекрови) и вас общие предки. Жуя бананы, братайтесь (сестритесь)! Тяга к одиночеству одолевает в выходные. Разгоните любопытствующих.



СКОРПИОН Решив в начале недели, что условия труда каторжные, шеф — тиран и деспот, а зарплата не покрывает и дна продовольственной корзины, побуктуйте до начала рабочего дня. Потом, взвесив все «за» и «против», отправляйтесь на передний край трудового фронта. Среда внесет некоторый диссонанс между вами и «половиной». Частое апеллирование к кухонной утвари (скалкам, сквородам и т.д.) продолжится до вечера. В четверг прикупите пару новых вещей, а в пятницу старайтесь избежать больших скоплений людей. Загородные пикники будут удачны в выходные.



СТРЕЛЕЦ Открывая счет в банке, вы абсолютно ничем не рискуете. Взвешивайте все свои слова во вторник, так как любое обещание, данное кому бы то ни было, повиснет на вашей хрупкой шее непосильным грузом. Косметические процедуры, затеянные в среду, будут особенно успешными, если их провести до обеда. Морщины исчезнут, жирок растопится, а кожа натянется куда надо и насколько надо. В четверг погуляйте с друзьями, в пятницу укрепите тылы, в субботу навестите бабушек-дедушек. Все воскресенье тренируйте выносливость, стараясь не переесть и не перепить.



КОЗЕРОГ Ресурсы организма окажутся на нуле к понедельнику. Заправьте чахнувшие органы хорошим обедом в приятной компании. Займитесь спортом во вторник, если диван потрескивает под вашими окорочками, а брюки (юбки) не сходятся на добрую ладонь. Выкинуть из головы служебные проблемы постарайтесь в среду. Голова должна быть звонкой, пустой и ясной хотя бы до вечера. Четверг даст возможность шире смотреть на вещи и не позволит выбить вас из колеи. Глубину чувств «половины» замерьте в пятницу. В конце недели не рекомендуется разбрасываться словами и деньгами.



ВОДОЛЕЙ Не вздумайте топтаться на месте в понедельник. Динамичность, мобильность, влезание в каждую дырку — все можно, все к месту. Вторник настоятельно требует погружения в семью. Нырять быстрее. Среда напомнит об имеющихся в наличии отпрысках. Ваша либеральная метода, как то: чистка на ночь кошмаров о съеденных Колобках, Красных Шапочках и разбитых яйцах — поможет в установлении контактов. Четверг и пятница дадут возможность обрести нужными знакомствами. В любой из выходных удачной окажется покупка раритетов. Не экономьте на красоте.



РЫБЫ Понедельник заминирован необременительной связью. Консолидируйтесь. Вторник замечателен некоторой агрессивностью домашних животных. Крысенок, повисший на вашем пальце, или рыбки, бьющиеся грудью в стекло аквариума, настроения не повысят. Предупреждайте всплески. Ключи к успеху зазвенят в сумочке среды. Сумейте достать их вовремя. С утра четверга по вечер пятницы старайтесь никуда не опаздывать. Провороните счастье. Выходные проведите на даче, охотно делясь с соседями цветами, редиской и житейской мудростью.

Снова **Огонёк** в каждом доме!

Открыта подписка на 2-е полугодие 2002 года

Наш подписной индекс: 70663

в каталоге «ПРЕССА РОССИИ» —

т. 1, стр. 241;

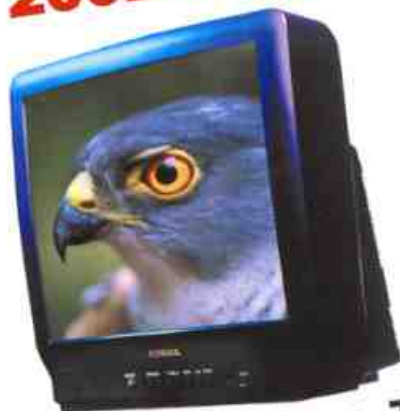
в каталоге Московского почтамта —

стр. 72

Подписка принимается

во всех отделениях связи

ПРИЗЫ
подписчикам
на 2-е полугодие
2002 года!



Условия на стр. 7

Он появлялся по-разному. В разное время и при различных обстоятельствах. Вне зависимости от технологии и возможностей. Он необходим — с ним связана жизнь. Жизнь, которая меняется постоянно. Жизнь, которую он освещает

ЕСТЕСТВЕННОЕ ОСВЕЩЕНИЕ

Распространение: (095) **257 3951, 257 3715**; реклама: (095) **257 3777, 250 1533, 257 3731**